

роятно, большая часть их показательных бойцовских качеств была обычной бравадой, рассчитанной, чтобы произвести на меня впечатление, — по моим сведениям, ситуация была вовсе не простой. Теперь они велеречиво провозглашали, что эта война не предоставила возможности немецкому флоту скрестить шпаги с английским, и потому немцы в Дарданеллах рвутся в бой.

Посетив все важные участки на азиатской стороне, мы отплыли на полуостров Галлиполи. Путешествие нельзя было назвать приятным. Когда мы подошли к берегу, рулевого спросили, знает ли он расположение минных полей и может ли пройти по каналу. Он ответил, что все знает, и направил наш корабль прямо на мину. Хорошо, что другой матрос, стоявший рядом, вовремя заметил ошибку, и мы прибыли в Килид-Бар в целости и сохранности. Здесь батареи были такими же, как на другой стороне; они являлись основными оборонительными сооружениями пролива. Здесь все, насколько, конечно, мог судить непрофессионал, было в превосходном состоянии, если закрыть глаза на тот факт, что артиллерийские орудия были устаревшими, да и боеприпасов было немного.

Повсеместно были видны признаки сильного обстрела. Батареи не были уничтожены, но повсюду виднелись воронки от разрывов снарядов. Мои турецкие и немецкие спутники отнеслись к увиденному со всей серьезностью и откровенно восхитились точностью огня союзников.

«Как им удается так точно определять расстояние?» Этот вопрос они задавали друг другу. Удивительная точность стрельбы объяснялась тем, что огонь велся не кораблями, стоявшими в проливах, а кораблями, находившимися в Эгейском море, по другую сторону полуострова Галлиполи. Артиллеристы не видели цели, но вели огонь на расстоянии около шестнадцати километров над холмами, и все же многие снаряды падали в опасной близости от батарей в Килид-Баре.

Когда я находился там, все было тихо — в тот день никто не стрелял. Специально для меня офицеры организовали учебные стрельбы для одного из орудийных расчетов, чтобы я мог

получить представление о поведении турок в бою. Мысленно эти артиллеристы представляли идущие на них английские корабли, орудия которых направлены на последователей пророка. Сигнальщик подул в рожок, и расчет устремился на свои места. Вскоре были принесены снаряды. Одни открывали казенник, другие производили измерение расстояний, третьи укладывали снаряды на место — в общем, все было при деле. Турки демонстрировали активность и рвение, очевидно, немцы действительно были прекрасными инструкторами, но все же здесь было нечто большее, чем немецкое военное мастерство. Лица артиллеристов горели фанатизмом — основным источником стойкости турецких солдат. Солдаты представляли себе, что ведут огонь по ненавистным неверным — англичанам, и учебные стрельбы прошли на высоте. Слышнее криков солдат звучал монотонный голос командира, нарастающего читателя молитву, с которой мусульмане бросались в бой уже тринадцать веков. «Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его!»

Вглядываясь в эти безумные лица, я отчетливо увидел в них неконтролируемую ненависть к неверным и вспомнил, как не далее чем утром немцы говорили о том, что проявили мудрость, не объединяя турецких и немецких солдат. Я совершенно уверен, что, будь это сделано, по крайней мере, здесь, священная война завершилась бы полной победой, поскольку турки обратили бы свою ненависть к христианам на тех, кто оказался под рукой, в своем фанатичном безумии позабыв, что они союзники.

Я вернулся в Константинополь в тот же вечер, а два дня спустя — 18 марта — союзники начали решающее наступление. Все знают, что оно завершилось катастрофой для союзников. Его итогом стало потопление «Буве», «Океана», «Неотразимого» и повреждение четырех других кораблей. Таким образом, из шестнадцати кораблей, участвовавших в сражении, семь было временно или навсегда выведено из строя. Естественно, немцы и турки ликовали. Полиция обошла дома и передала приказ каждому домовладельцу вывесить предписанное число флагов в честь этого события. У турок напрочь

отсутствовал спонтанный патриотизм и энтузиазм, поэтому они никогда бы не стали украшать свои владения без соответствующего приказа. Между прочим, ни немцы, ни турки не устраивали грандиозного празднования, потому что все же не были до конца уверены, что одержали победу. Большинство из них не исключало возможности того, что союзникам все же удастся прорваться. Вопрос заключался лишь в том, готова ли Антанта пожертвовать определенным числом кораблей. Ни Вангенхайм, ни Паллавичини не верили, что печальный опыт 18 марта положит конец атакам военных кораблей, и они каждый день ожидали возвращения флота. Напряжение царило в течение нескольких недель после отпора 18 марта. Мы ежеминутно ждали нового наступления. Однако великая армия так и не вернулась.

А если бы вернулась? Смогли бы союзники захватить Константинополь? Мне часто задавали этот вопрос. Я не специалист в военном деле, и поэтому мое мнение не имеет большого значения, однако я знаком с мнением немецких генералов и адмиралов и турок — практически все они, за исключением разве что Энвера, были уверены, что предприятие завершилось бы успехом. Да и у Энвера эта позиция была по большей части бравадой. Поэтому я хочу еще раз подчеркнуть, что это мнение не мое, а тех лиц в Турции, которые имели больше права для вынесения суждения.

Во время нашей беседы на палубе «Юрука» Энвер заявил, что у него достаточно орудий и достаточно боеприпасов. Только это не было правдой. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы понять, почему Турция не получала в это время боеприпасов из Германии и Австрии. Истина заключалась в следующем: Турция была так же полностью изолирована от своих союзников, как и Россия. Было две железнодорожные линии, ведущие из Константинополя в Германию. Одна шла через Болгарию и Сербию. В то время Болгария еще не была союзницей Турции, хотя и закрывала глаза на провоз через свою территорию орудий и боеприпасов. Эта линия не могла быть использована, потому что Сербия, в руках которой находился изрядный участок от Ниша до Белграда, сохраняла свою

целостность. Другая железнодорожная линия шла через Румынию — через Бухарест. Эта ветка была независимой от Сербии, и дай румынское правительство свое согласие, она стала прямым путем от заводов Круппа к Дарданеллам. Тот факт, что военные грузы могли отправляться при попустительстве румынского правительства, должно быть, и вызвал подозрение, что орудия и снаряды действительно отправляются таким путем. День за днем французские и болгарские послы яростно протестовали в Бухаресте против такого якобы нарушения нейтралитета, на что следовали столь же гневные опровержения. Теперь уже нет сомнений в том, что румынское правительство не нарушало нейтралитет. Представляется, что подобные слухи могли распускать сами немцы, чтобы заставить союзников поверить в бесперебойное снабжение боеприпасами турок в Дарданеллах.

Предположим, союзники вернулись, скажем, утром 19-го, что бы тогда произошло? Один факт является очевидным: в фортах было очень мало боеприпасов. Когда вечером 18-го британский флот ушел, турки практически достигли предела своих возможностей сопротивления. Я достал разрешение посетить Дарданеллы для известного корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс Джорджа А. Шрейнера. Поздно вечером 18-го он обсудил ситуацию с генералом Мертенсом, который признал, что ситуация в обороне очень непростая.

— Мы ожидаем, что англичане завтра рано утром вернутся, и, если это произойдет, мы продержимся не более нескольких часов.

Генерал Мертенс не говорил о том, что боеприпасы на исходе, но мистер Шрейнер сам обнаружил, что все дело именно в этом. В форте Хамидие, самом мощном оборонительном сооружении на азиатской стороне, оставалось всего семнадцать бронебойных снарядов, а в Кирид-Баре, основном оборонительном сооружении на европейской стороне, их оставалось десять.

— Советую вам встать завтра в шесть часов, — сказал генерал Мертенс, — и отправиться к анатолийским холмам. Именно это мы собираемся сделать.

Войска во всех фортах имели приказ оставаться у орудий до последнего снаряда, после чего покинуть их.

После того как форты станут бесполезными, задача флота союзников существенно упрощалась. Единственным препятствием для его продвижения вперед оставалось минное поле, которое тянулось от мыса в трех километрах к северу от Эркенка к Килид-Бару. Но в составе флота союзников было достаточно минных тральщиков, которые могли проложить канал всего за несколько часов. К северу от Чанака, как я уже говорил, стояло несколько орудий, но они были образца 1878 года и не могли стрелять современными бронбойными снарядами. Севернее мыса Нагара располагалось всего две батареи, причем обе были датированы 1835 годом. Поэтому, когда замолчали батареи во внешних проливах, ничто, кроме немецких и турецких военных кораблей, не могло преградить кораблям союзников путь в Константинополь. Из них единственным первоклассным боевым кораблем был «Гебен», да и он не смог бы долго противостоять «Королеве Елизавете». Диспропорция между противоборствующими флотами была столь сильна, что, скорее всего, боя бы не было.

Таким образом, флот союзников появился бы в Константинополе уже утром 20-го. Что бы случилось тогда? Мы слышали много рассуждений о том, был ли этот чисто морской штурм оправдан. Энвер в беседе со мной подчеркивал абсурдность отправки в Константинополь флота без поддержки силами, которые могли бы действовать на берегу, и в дальнейшем экспедицию в Дарданеллы критиковали именно из-за этого. Лично я считаю, что это чисто морской штурм был вполне оправдан. Мое мнение основывается на политической ситуации, которая в то время сложилась в Турции. При обычных обстоятельствах такое предприятие, вероятно, было бы глупым, но политические условия в Константинополе были далеки от обычных. В Турции тогда не было прочного правительства. Политический комитет, насчитывавший около сорока членов, возглавляемый Талаатом, Энвером и Джемалем, контролировал центральное правительство, но их

авторитет в империи был в высшей степени слабым. Между прочим, вся Оттоманская империя в тот судьбоносный день 18 мая 1915 года, когда флот союзников прекратил штурм, находилась на грани развала. По всей Турции поднимались амбициозные лидеры, ожидавшие в любой момент ее падения и искавшие возможность захватить как можно большее наследство. Как уже было сказано раньше, Джемаль уже организовал практически независимое правительство в Сирии. В Смирне генерал-губернатор Рахми-бей часто игнорировал авторитет столицы. Существовало убеждение, что в Адрианополе Хаджи Адиль, один из самых мужественных турок того времени, плетет нити заговора с целью формирования своего собственного правительства. Аравия уже стала практически независимой. Среди подчиненных народов быстро распространялся бунтарский дух. Греки и армяне тоже были рады возможности укрепить ряды союзников. Ситуация, сложившаяся в промышленности и финансах, делала революцию неизбежной. У многих земледельцев не было зерна, но они не желали принимать его в дар от правительства, поскольку знали, что, как только урожай созреет, его непременно реквизирует армия. Что касается Константинополя, то его население, включая лучших из числа турок, не видело ничего плохого в приходе флота союзников и встречало бы его с радостью. Сами турки молились, чтобы англичане и французы взяли город. Это освободило бы их от пришедшей к власти банды, равно как и от ненавистных немцев, и принесло долгожданный мир, положив конец страданиям.

Никто не понимал это лучше, чем Талаат. Он не желал рисковать и делал приготовления к срочному отъезду на случай, если флот союзников подойдет к городу. В течение нескольких месяцев турецкие лидеры с откровенной завистью поглядывали на автомобиль «Минерва», стоявший в бельгийском посольстве с тех самых пор, как Турция объявила войну. В конце концов Талаату удалось получить вожденный приз. Он где-то достал еще один автомобиль, который загрузил запасными шинами, емкостями с бензином и всевозможными прочими вещами, которые могли пригодиться в длительном

путешествии. Второй автомобиль, очевидно, должен был сопровождать первую, более претенциозную машину, как своеобразное «судно снабжения». Талаат держал эти машины на азиатской стороне, причем водители находились всегда поблизости. Все было готово к срочному отъезду в глубь Малой Азии, как только возникнет такая необходимость.

Но великая армада союзников так и не вернулась, чтобы нанести решающий удар.

Через неделю после этого судьбоносного поражения я посетил немецкое посольство. У Вангенхайма был важный гость, с которым он попросил меня встретиться. Я зашел в его личный кабинет, там находился фон дер Гольц-паша, недавно вернувшийся из Бельгии, где он служил губернатором. Должен признаться, что, впервые встретившись с фон дер Гольцем в неформальной обстановке, мне было трудно совместить его личность со всеми доходившими до нас рассказами о Бельгии. В то утро этот вполне приятный господин в очках казался спокойным и абсолютно безобидным. Выглядел он значительно моложе своего возраста: тогда ему было уже 74 года, а шевелюра только начинала седеть, да и морщин на лице почти не было. Я бы ни за что не дал ему больше шестидесяти пяти. Аскетизм, бесцеремонность и высокомерие, обычно напускаемые на себя высокопоставленными немецкими чиновниками, не были заметны. Его голос был глубоким, напевным и довольно приятным, а манеры приятными и, я бы даже сказал, чарующими. Единственным свидетельством его высокого положения была форма. Он был облачен в форму фельдмаршала, на груди сверкали награды и золотая тесьма. Фон дер Гольц объяснил, как бы извиняясь за свои регалии, сказав, что только что вернулся с аудиенции у султана. Он прибыл в Константинополь, чтобы вручить его величеству медаль от кайзера, и увозит в Берлин кайзеру аналогичный знак уважения султана, а также имперский подарок — 10 тысяч сигарет.

Мы втроем некоторое время сидели за столом, пили кофе, ели немецкие пирожные и курили немецкие сигары. Я почти не принимал участия в беседе, но разговор фон дер Голь-

ца и Вангенхайма дал мне много новой информации о немецком образе мышления и в особенности о достоверности немецких военных сообщений. Из всех аспектов сражения в Дарданеллах их больше всего интересовала искренность англичан при обнародовании данных о потерях. То, что британское правительство опубликовало официальное сообщение о потоплении трех кораблей и серьезном повреждении четырех других, показалось им самым замечательным. В таком сообщении я видел лишь обычное стремление англичан придать гласности худшее — мы, американцы, тоже считаем такую политику в военное время наилучшей. Однако такое вполне очевидное объяснение не могло удовлетворить этих премудрых и высокопарных тевтонцев. Нет, у англичан имелась некая скрытая цель, чтобы так открыто сказать правду. Но какова она?

— Это невероятно! — заявил фон дер Гольц, говоря об официальном признании Англией поражения.

— Это неслыханно! — вторил ему Вангенхайм.

Эти матерые дипломаты выдвигали одно объяснение за другим и в конце концов пришли к выводу, что такой жест отвечал высшим соображениям стратегии. Англия, считали они, без особого рвения решила на этот штурм, потому что в случае успеха ей пришлось бы отдать Константинополь России — а это в ее намерения не входило. Опубликовав данные о потерях, Англия показала России, насколько трудна, даже, пожалуй, невозможна эта задача. Англия считала, что, узнав о катастрофических потерях, Россия должна понять, что уже сделана смелая попытка получить этот военный трофей и не следует настаивать на дальнейших жертвах.

После этого знаменательного военного эпизода наступила зима 1915/16 года. К этому времени Болгария уже присоединилась к державам оси, Сербия была сломлена, и немцы получили прямое беспрепятственное железнодорожное сообщение между Константинополем, Австрией и Германией. По этой линии с заводов Круппа в Дарданеллы пошли огромные орудия. Шестнадцать батарей, состоящих из

орудий последней модели, были поставлены на входе, полностью контролируя Седд-уль-Бахр. Немцы дали туркам в долг 500 миллионов марок, и большая часть этой суммы была истрачена на защиту этого жизненно важного водного пути. Теперь проливы нельзя было сравнить с теми, которые я видел в марте 1915 года, они, как Гельголанд, имели мощные непроходимые укрепления. Полагаю, теперь через проливы не мог пройти ни один флот мира.

Глава 19

БОРЬБА ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ ГРАЖДАН

2 мая 1915 года Энвер послал в американское посольство своего помощника, который доставил сообщение для передачи французскому и британскому правительству. Примерно за неделю до этого союзники высадились на полуострове Галлиполи. Очевидно, они пришли к выводу, что военноморская операция сама по себе не может уничтожить оборонительные сооружения и открыть путь на Константинополь, и решили принять альтернативный план, отправив крупные наземные силы, которым предстояло действовать при поддержке огня с военных кораблей. Много тысяч австралийцев и новозеландцев уже окопались на краю полуострова, и волнение, воцарившееся в Константинополе, было почти таким же сильным, как вызванное появлением флота двумя месяцами раньше.

Энвер проинформировал меня, что войска союзников ведут сильный и беспорядочный огонь, игнорируя давно сложившееся и хорошо известное международное правило обстреливать только военные укрепленные пункты. Британские и французские снаряды, сообщил он, падают везде, уничтожая незащищенные мусульманские деревни и убивая сотни мирных жителей. Энвер попросил меня проинформировать правительства союзников, что такие действия должны быть немедленно прекращены. Он решил собрать всех английских и французских граждан, которые в то время

жили в Константинополе, отвезти их на Галлиполи и поселить в мусульманских деревнях. Тогда получится, что флот союзников стреляет не только в мирных и незащищенных мусульман, но также в своих соотечественников. По мнению Энвера, эта угроза, переданная американским послом правительствам Франции и Великобритании, быстро положит конец подобным «зверствам». Мне было обещано несколько дней отсрочки, необходимых для передачи данной информации в Лондон и Париж.

В те дни в Константинополе жило около трех тысяч британских и французских граждан. Подавляющее большинство из них были так называемыми левантинцами. Почти все они родились в Турции, а во многих случаях их семьи жили в Турции на протяжении двух-трех поколений. Сохранение европейского гражданства было практически единственной их связью с народом, из которого они происходили. В больших городах Турции нередко можно встретить мужчин и женщин, англичан по национальности, но не говорящих по-английски. Языком левантинцев был французский. Почти все они ни разу не были ни в Англии, ни в другой европейской стране, их единственным домом была Турция. Теперь сам факт того, что левантинцы обычно сохраняли гражданство страны, из которой происходили, делал их весьма подходящим объектом для мести турок. Кроме левантинцев в Константинополе жило много англичан и французских, являющихся учителями в школах, миссионерами, бизнесменами и коммерсантами. Оттоманское правительство предполагало теперь собрать всех людей, которые были как непосредственно, так и весьма отдаленно связаны с Великобританией и Францией, и поместить их на Галлиполи — под пушки флота союзников.

Естественно, моим первым вопросом при получении этой потрясающей информации был, действительно ли флот союзников обстреливает мирные населенные пункты. Если англичане и французы убивают ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, возможно, планируемые Энвером ответные меры можно оправдать. Но мне казалось невероятным,

что союзники могли пойти на такое варварство. Мне уже приходилось получать много подобных жалоб, которые после проведения соответствующих расследований не подтверждались. Совсем недавно доктор Мейер, первый помощник Сулеймана Ноумана, главы медицинского ведомства, уведомил меня, что британский флот обстрелял турецкий госпиталь и убил более тысячи инвалидов. Когда я провел расследование, выяснилось, что здание лишь слегка повреждено и при обстреле погиб один человек. Так что я предположил, что нынешние рассказы о варварстве союзников основаны на столь же недостоверных сведениях. Вскоре оказалось, что я был прав. Флот союзников вообще не обстреливал мусульманские населенные пункты. Несколько британских военных кораблей стояли в заливе Сарос — месте на западном побережье полуострова, где море небольшой зазубриной вдавалось в глубь земли, и с этой весьма удобной позиции обстреливали город Галлиполи. Обстрел населенных пунктов ограничивался только этим единственным городом. При этом англичане вовсе не нарушали норм цивилизованной войны, потому что из Галлиполи уже давно было эвакуировано мирное население, и турки устроили в отдельных городских зданиях военные штабы, из чего следовало, что союзники имеют все основания и права его обстреливать. Лично мне не известен ни один закон, запрещающий атаковать военный штаб. Что же касается рассказов о сотнях убитых мирных жителей, они оказались сильно преувеличенными; поскольку подавляющее большинство гражданского населения уехало, жертвами обстрела почти всегда становились представители вооруженных сил империи.

Я обсудил ситуацию с мистером Эрнестом Вейлем, одним из самых видных французских граждан в Константинополе, и с советником посольства Гофманом Филипом, после чего решил немедленно отправляться в Высокую Порту и выразить протест Энверу.

Как раз в это время заседал Совет министров, но Энвер вышел ко мне. Он вел себя куда более вызывающе, чем обычно. Описывая атаку британского флота, он вообще разбуше-

вался, что совершенно не походило на обычного невозмутимого Энвера, которого я успел хорошо узнать.

— Эти трусливые англичане, — громогласно вещал он, — уже давно пытались пройти через Дарданеллы, но мы оказались им не по зубам! И что же они предприняли? Их корабли вошли в бухту, где наши пушки не могут их достать, и открыли огонь через холмы по маленьким беззащитным деревьям, убивая мирных мужчин, женщин и детей, обстреливая наши госпитали. Вы считаете, что это должно сойти им с рук? Что же нам делать? Наши пушки не могут достать их за холмами, значит, мы не имеем возможности встретиться с ними в открытом бою. Если бы мы могли, мы бы, безусловно, отогнали их от наших берегов, как сделали это месяц назад. У нас нет флота, чтобы послать его в Англию обстреливать их мирные города так же, как они обстреливают наши. Поэтому мы и решили отправить всех англичан и французов, которых сможем найти в Галлиполи. Пусть они убивают не только наших людей, но и своих.

Я сказал ему, что, если обстоятельства действительно таковы, как он описывает, у него есть основания для негодования. Но я обратил его внимание на то, что он ошибается и обвиняет союзников в преступлениях, которые они не совершали.

— Это, пожалуй, самый варварский поступок, на который вы когда-либо жаловались, — сказал я, — но у британцев было право атаковать военный штаб, каковым является Галлиполи.

Мой аргумент не остудил пыл Энвера. Я убедился, что он решил на этот шаг не для того, чтобы защитить своих соотечественников, просто он и его коллеги таким образом дают выход своей слепой ярости. Успешная высадка австралийцев и новозеландцев вызвала к жизни самые варварские инстинкты турок. Энвер сослался на эту высадку в нашем разговоре, и, хотя он старался показать, что не принимает ее всерьез, заявив, что ему не потребуется много времени, чтобы сбросить англичан и французов в море, я видел, что он обеспокоен. Психология турка, как я уже говорил, довольно примитивна:

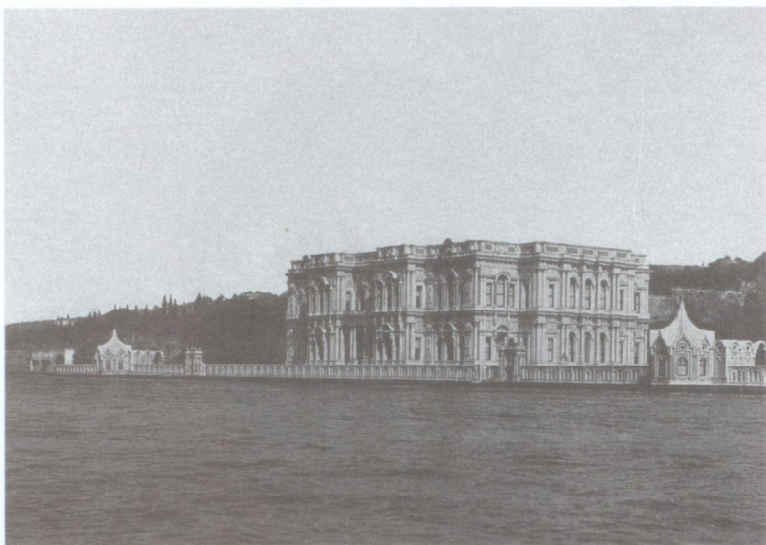
для него было вполне логичным убить сотни беспомощных англичан, находящихся в его власти, в ответ на высадку в Галлиполи. Результатом этой беседы стало лишь несколько уступок: Энвер согласился отложить депортацию до четверга — а наша встреча состоялась в воскресенье, — не трогать женщин, детей, а также французов и англичан, работавших в американских учреждениях.

— Все остальные должны ехать. — Таким было его последнее слово. — Более того, мы не желаем, чтобы вражеские субмарины в Мраморном море торпедировали наши транспортные средства, которые мы посылаем в Дарданеллы. В будущем мы будем сажать несколько французов и англичан на каждый корабль для защиты наших солдат.

Вернувшись в посольство, я обнаружил, что новости о намечающейся депортации опубликованы. Изумление и отчаяние были ни с чем не сравнимы, даже в городе, где всевозможные сенсации отнюдь не редкость. Европейцы, долгие годы прожившие в Леванте, стали более эмоциональными, чувствительными и подверженными страху и прочим негативным эмоциям. Теперь же, когда их больше не защищали посольства, страхи многократно усилились. В посольство устремился поток напуганных людей. Криков и слез было в избытке: создавалось впечатление, что их вот-вот схватят и поведут на расстрел и нет никакой надежды на спасение. Они требовали, чтобы я обеспечил им индивидуальное освобождение. Один не мог никуда ехать, поскольку являлся единственным кормильцем большой семьи, у другого болел ребенок, третий был сам болен. Моя приемная была полна обезумевших матерей, требовавших, чтобы я получил освобождение для их сыновей, и жен, не желающих разлучаться с мужьями. Они выдвигали множество самых невероятных предложений. Одни говорили, что я должен уйти со своего поста в знак протеста, другие требовали, чтобы я пригрозил Турции войной с Соединенными Штатами, и т. д. Они осаждали мою супругу, которая часами выслушивала их печальные истории и, как могла, успокаивала. Правда, были и такие, кто относился к ситуации с большим хладнокровием и мужеством.

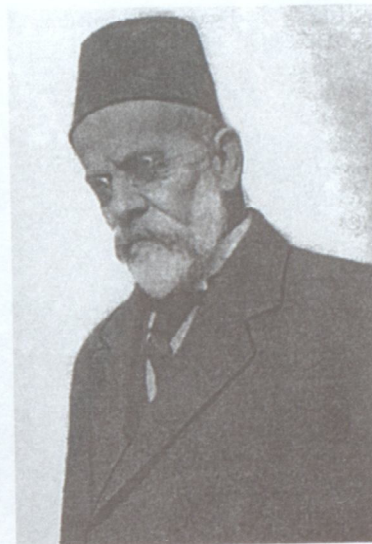
Генри Моргентоу, посол США в Константинополе с 1913 по 1916 год

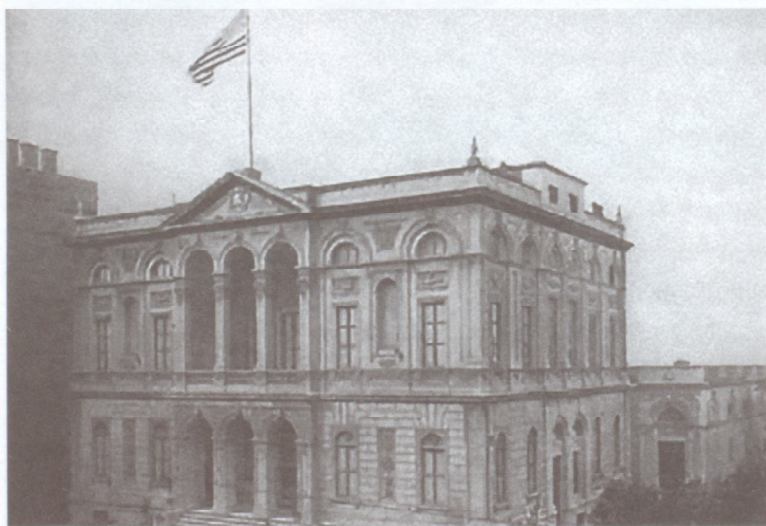
Дворец Бейлербей на Босфоре, где время от времени жил Абдул-Хамид

Турецкий султан Мехмед V

Бустани-эфенди, министр торговли и сельского хозяйства Турции

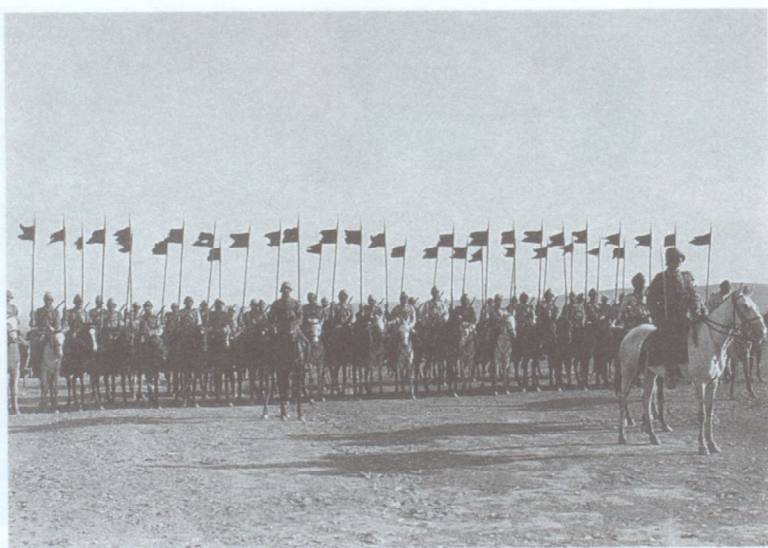

Здание американского посольства в Константинополе, где Генри Моргентау осуществлял дипломатическую деятельность с осени 1913 до весны 1916 года. После вступления Турции в войну Моргентау стал поверенным в делах еще девяти стран

Талаат-паша, бывший великий визирь Турции. В 1914 году, к моменту начала войны, Талаат был министром внутренних дел и самым влиятельным деятелем партии «Единение и прогресс», тайной организации, контролировавшей Турецкую империю. Он обладал всеми качествами политического лидера. Талаат представлял Турцию в мирных переговорах с Россией, на Брест-Литовском договоре стоит его подпись

Турецкая пехота (*вверху*) и кавалерия. В январе 1914 года турецкая армия была оборванной и недисциплинированной толпой. Военные на фото — результат шестимесячного труда немецких инструкторов

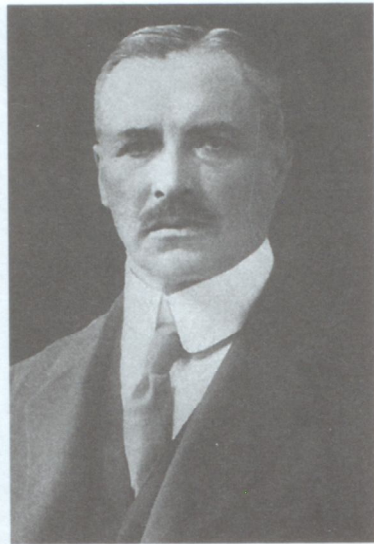
Вангенхайм, немецкий посол, перед своим домом, где он провел много времени в августе—сентябре 1914 года, радуясь победам Германии. Отсюда он руководил действиями «Гебена» и «Бреслау» и привел их в Константинополь

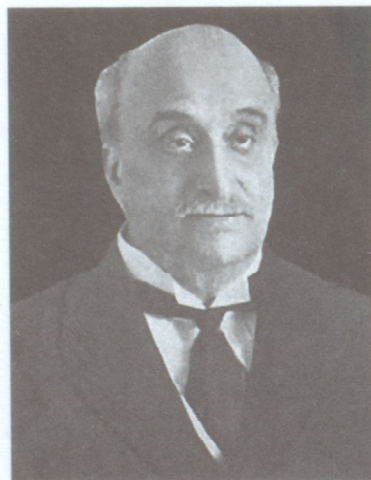
Султан Мехмед V, следующий на пятничную молитву

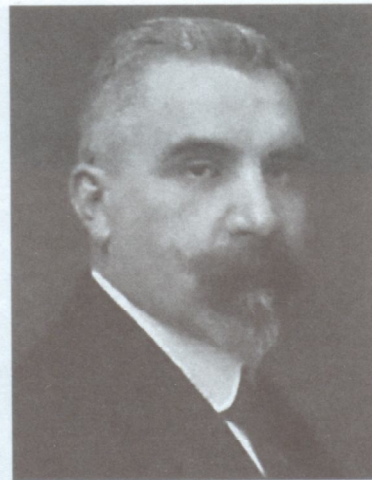
Джемаль-паша, военно-морской министр

Барон фон Вангенхайм, немецкий посол в Турции, избранный лично кайзером

Маркиз Гаррони, итальянский посол в Константинополе в 1914 году

М. Тошев, болгарский посол в Константинополе в 1914 году

Военный министр Энвер-паша. Этот человек в возрасте 26 лет возглавил революцию, которая свергла Абдул-Хамида и установила новый режим младотурок. Энвер считал себя турком, сочетавшим в себе черты Наполеона и Фридриха Великого

Саид Халим, бывший великий визирь. Саид – наследный принц Египта, материально обеспечивший деятельность младотурок и в качестве награды ставший великим визирем. Занимая эту должность, он не обладал реальной властью. В случае изгнания англичан из Египта ему обещали титул хедива

Сэр Луи Маллет (слева), британский посол в Константинополе в период начала войны, справа – М. Бомпар, французский посол

Генерал Лиман фон Зандерс — глава военной миссии, направленной кайзером в Константинополь во второй половине 1913 года для реорганизации турецкой армии и ее подготовки к предстоящей войне. Он руководил турецкой мобилизацией в августе 1914 года — за три месяца до объявления Турцией войны

Немецкие и турецкие офицеры на борту «Гебена». Все мужчины, за исключением крайнего левого и крайнего правого, — немцы. За два месяца до вступления Турции в европейскую войну адмирал Сушон (в центре) контролировал турецкий морской флот. Все это время немецкое правительство утверждало, что «продало» «Гебена» и «Бреслау» Турции

Бедри-бей (слева), префект полиции Константинополя. Лидер младотурок и близкий друг Талаата. Джавид-бей (справа), министр финансов. Еврей по национальности, но мусульманин по вероисповеданию, влиятельный член партии младотурок

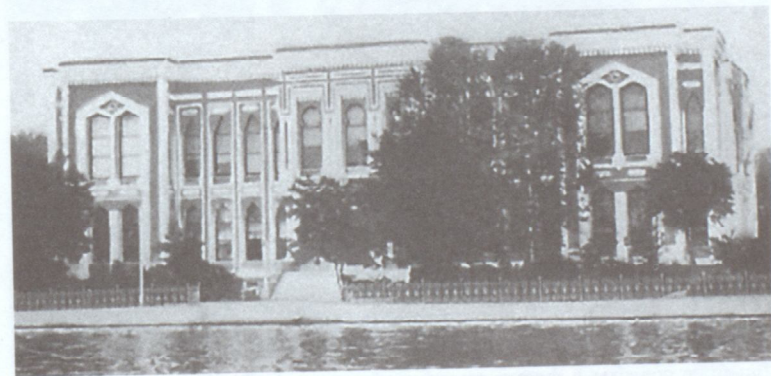
Британское посольство. При вступлении в войну это учреждение, как и многие другие, перешло в ведомость Моргентау. Когда-то американский посол представлял десять наций в Османской Порте

Штаб американского посольства при после Моргентау

Военное министерство. Именно в этом здании Энвер дал мистеру Моргентау обещание хорошо обращаться с врагами

Военно-морское министерство. Штаб Джемала, который вскоре после начала войны отправился в Сирию, чтобы взять под командование IV армейский корпус. Турецкий военно-морской флот играл не очень важную роль в войне, и позднее Энвер занял это здание вдобавок к военному министерству

Турецкие солдаты в форме, внедренной немцами. Феска — неотъемлемый признак Османской империи в течение многих веков — заменена современным шлемом

Кайзер Вильгельм II в форме турецкого фельдмаршала. Он был уступчивым и отказывался вмешиваться до тех пор, пока его союзники турки не убили от 600 тысяч до 1 миллиона армян. Уничтожение целого народа стало худшим последствием прусской доктрины, заключающейся в оправдании всего, что помогает успеху немецкого оружия

Те, кто пал на обочине дороги. Подобные сцены весной и летом 1915 года были обычными во всех армянских провинциях. Смерть от разных причин — убийство, голод, изнеможение — унесла жизнь огромного числа беженцев. Турки проводили политику уничтожения под маской депортации

Похороны барона фон Вангенхайма, немецкого посла в Турции

На следующий день после моей встречи с Энвером префект полиции Бедри приступил к арестам.

Следующим утром один из моих посетителей сделал предложение, которое в обычной ситуации могло показаться само собой разумеющимся. Посетитель был немцем. Он сказал, что, если турки приведут в действие свой план, репутация Германии может пострадать. Мировая общественность вполне может решить, что вся эта хитроумная схема придумана немцами. Он сказал, что мне следует посетить немецкое и австрийское посольства, он был уверен, что послы этих стран в случае моего личного обращения поддержат мою просьбу. Я уже неоднократно и тщетно обращался к Вангенхайму по поводу иностранных граждан и не думал, что есть основания рассчитывать на его помощь в этом случае. Более того, план использовать мирных граждан для защиты солдат в военных операциях был настолько немецким, что я вовсе не был уверен в непричастности немцев к этому решению турок. Тем не менее я решил последовать совету немца и поискать помощи у Вангенхайма. Должен признаться, что я не надеялся на положительный результат, просто хотел дать Вангенхайму шанс проявить себя с лучшей стороны и помочь.

Я прибыл к Вангенхайму в десять часов вечера и оставался у него до одиннадцати. Почти все это время я посвятил бесплодным попыткам заинтересовать его судьбой мирных граждан. Вангенхайм прямо сказал, что не станет мне помогать.

— Турки правильно решили, — пожал плечами он, — создать в Галлиполи концентрационный лагерь. Да и сажать на свои корабли мирных англичан и французов для защиты от нападения — тоже вполне подходящая мера.

Сколько я ни пытался спорить, Вангенхайм неизменно менял тему беседы. Согласно моим записям этой беседы, немецкий посол с готовностью обсуждал все, за исключением дела, из-за которого я пришел.

— Подобные действия турок нанесут большой вред Германии, — начинал я.

— А вы знаете, что у английских солдат в Габа-Тепе нет ни еды, ни питья? — отвечал он. — Они пошли в атаку, чтобы захватить колодезь, но были отброшены. Англичане отвели свои корабли, чтобы солдаты не могли отступить.

— Но если вернуться к вопросу о Галлиполи, — упорствовал я, — немцы сами говорили здесь, в Константинополе, что Германия должна остановиться...

— Союзники высадили на полуострове сорок пять тысяч человек, — отвечал Вангенхайм, — из них десять тысяч убито. Через несколько дней мы атакуем и уничтожим остальных.

Когда я попытался подойти к вопросу с другой стороны, этот изворотливый дипломат начал обсуждать Румынию и возможность получения военных грузов через территорию этой страны.

— Ваш секретарь Брайн, — сказал он, — не так давно опубликовал заявление, показывающее, что отказ продавать боеприпасы союзникам был бы нарушением нейтралитета для Соединенных Штатов. Так что мы использовали тот же самый аргумент с румынами; если нарушением нейтралитета является отказ продавать боеприпасы, тем более нарушением нейтралитета является отказ транспортировать их.

Вангенхайм улыбнулся, явно довольный своим остроумием, но я напомнил ему, что нахожусь у него, чтобы обсудить судьбы 2-3 тысяч мирных граждан. Когда я снова затронул этот вопрос, Вангенхайм заявил, что Соединенные Штаты не являются в данный момент приемлемым для Германии миротворцем, потому что мы проявляем слишком явное дружелюбие к Антанте. Затем он пожелал рассказать мне о последних успехах немцев в Карпатах и событиях в Италии.

— Мы скорее станем сражаться с Италией, чем сделаем ее своим союзником.

В другое время все это меня изрядно позабавило бы, но только не теперь. Было очевидно, что Вангенхайм не будет обсуждать предполагаемую депортацию, разве что еще раз подтвердит, что считает действия турок оправданными. Его утверждение, что в Галлиполи планируется создать концентрационный лагерь, раскрыло его подлинное отношение к

проблеме. До сего времени турки еще нигде не создавали концлагерей для противника. Я искренне советовал им не делать этого и пока преуспевал. С другой стороны, немцы утверждали, что турки «слишком снисходительны», и требовали, чтобы такие лагеря были созданы внутри страны. Использование Вангенхаймом слов «концентрационный лагерь в Галлиполи» показывает, что точка зрения немцев наконец одержала победу и я проиграл сражение за иностранцев. Лагерь для интернированных — неприятное место даже при самых благоприятных обстоятельствах. Но, скажите, кому, кроме немцев и турок, могла прийти в голову мысль о создании такого лагеря прямо на поле боя? Представьте, что англичане и французы собрали всех своих пленных противников, вывели их на фронт и поместили в лагерь на нейтральной полосе, на линии огня обеих армий. Именно такой концентрационный лагерь планировали создать турки и немцы для иностранных жителей Константинополя: после беседы с Вангенхаймом у меня не осталось сомнений в том, что немцы — полноправные участники заговора.

Они боялись, что наземная атака на Дарданеллы окажется успешной в точности так же, как опасались успеха морской атаки, и были готовы использовать любое оружие, даже жизнь нескольких тысяч ни в чем не повинных людей, чтобы обречь ее на провал.

Моя беседа с Вангенхаймом не принесла результата в том, что касалось его поддержки, но она укрепила мою решимость не дать свершиться этому злодеянию. Я посетил австрийского посла Паллавичини. Тот с ходу объявил депортацию «антигуманной».

— Я обязательно поговорю об этом с великим визирем, — сказал он. — Посмотрим, что я смогу сделать.

— Вы же понимаете, что это бесполезно, — вздохнул я. — У великого визиря нет реальной власти. Он лишь номинальный глава. Остановить это может только один человек — Энвер.

Паллавичини был более мягким и совестливым человеком, чем Вангенхайм, и я не сомневался, что он искренен в жела-

нии предотвратить преступление. Но он был дипломатом старой австрийской школы. В его глазах не было ничего важнее дипломатического этикета. Он являлся представителем своего императора, иными словами, положение обязывало его вести переговоры только с великим визирем, одновременно являвшимся министром иностранных дел. Он никогда не вел разговоров о государственных делах с Талаатом или Энвером, имея лишь узкоофициальные отношения с этими людьми — реальными правителями Турции. И спасение 3 тысяч человеческих жизней не было в его глазах достаточным основанием для нарушения традиционного порядка дипломатического общения.

— В подобных вопросах необходимо неукоснительно следовать правилам, — сказал он.

Будучи добросердечным человеком, он действительно имел беседу с Саидом Халимом. Следуя его примеру, Вангенхайм тоже явился к великому визирю, но его протест был глубоко формальным.

— Кого вы надеетесь обмануть? — спросил я у немецкого посла. — Вы же отлично знаете, что разговор с великим визирем по этому вопросу — это все равно что выстрел в воздух.

Между тем среди представителей дипломатического корпуса нашелся один человек, который со всем пылом бросился на защиту оказавшихся под угрозой иностранных граждан. Это был болгарский посол М. Колушев. Услышав об очередном турецко-германском предприятии, он тут же пришел ко мне и предложил помощь. Он не считал необходимым терять время на выражение протеста великому визирю, но предложил немедленно отправиться к держателю реальной власти — Энверу. Колушев именно в это время был очень важным лицом, поскольку Болгария пока еще сохраняла нейтралитет и обе воюющие стороны рассчитывали на ее поддержку.

А пока Бедри и его приспешники проводили аресты англичан и французов. Депортация была назначена на утро четверга. В среду всеобщее возбуждение перешло в исте-

рию. Казалось, все иностранное население Константинополя собралось у американского посольства. Перед зданием стояли рыдающие женщины и изможденные мужчины, более трех сотен человек прорвались в здание, возлагая последние отчаянные надежды на посла и персонал посольства. Многие почему-то считали, что их судьбы находятся в моих руках. Кое-кто выкрикивал мне в лицо обвинения, утверждая, что я не сделал всего, что в моих силах, чтобы предотвратить преступление. Стоило мне выйти из кабинета, как меня тут же обступали перепуганные, растерянные матери и жены. Нервное напряжение нарастало. Я схватил телефонную трубку, набрал номер Энвера и потребовал встречи.

Он ответил, что будет рад принять меня в четверг. Но в это время пленники уже будут на пути в Галлиполи.

— Нет, — твердо ответил я, — мне необходимо говорить с вами сегодня же.

Энвер всячески отказывался, утверждая, что он очень занят и весь его день расписан по минутам.

— Полагаю, вы хотите меня видеть по вопросу об английских и французских гражданах, — сказал он. — Если так, это бесполезно. Мы уже все решили. Полиция получила приказ собрать их сегодня до полуночи и завтра утром отправить.

Я продолжал настаивать на личной встрече, а он с тем же усердием старался от нее увильнуть.

— Поймите же, — сказал он, — у меня нет ни одной свободной минуты. В четыре начинается заседание Совета министров, будут обсуждаться чрезвычайно важные вопросы, и я никак не могу отсутствовать.

Мысль о толпах плачущих женщин в коридорах посольства придала мне смелости, и я решился на беспрецедентный шаг.

— Вы не сможете отказать мне во встрече, — заявил я. — Я приду к вам в кабинет ровно в четыре часа, и, если вы откажетесь меня принять, я войду в зал заседаний Совета министров и буду обсуждать мой вопрос со всем кабинетом. Мне

даже интересно проверить, откажется ли турецкий кабинет принять американского посла.

Мне показалось, что я услышал, как Энвер, сидя у телефона, ловит ртом воздух. Вряд ли многим министрам приходилось слышать такие возмутительные заявления.

— Если вы сможете прибыть в Высокую Порту в три тридцать, — сказал он после продолжительной паузы, — я постараюсь с вами встретиться.

По прибытии в Высокую Порту я узнал, что болгарский посол имеет длительную беседу с Энвером. Естественно, я приготовился ждать. Не приходилось сомневаться, что они обсуждают тот же вопрос, который интересует меня. Наконец болгарин вышел, его лицо было напряженным и встревоженным. Очевидно, встреча не принесла ожидаемого результата. Последовавшая беседа между Энвером и мной была, пожалуй, важнейшей из тех, которые мне до сих пор доводилось проводить. Мы обсуждали судьбу иностранцев почти час. Энвер был подчеркнуто вежлив, но непреклонен. Еще до того, как я начал говорить, Энвер сказал мне, что все бесполезно — вопрос решен и закрыт. Но я все же настоял на том, чтобы высказать ему все, что собирался. Я сказал, что обращение турок с противниками всегда производило великодушное впечатление на весь мир.

— Вы шли впереди всех воюющих государств, — продолжил я. — Вы не заключали их в концентрационные лагеря, позволяли спокойно жить и заниматься повседневными делами. Вы поступали так, несмотря на давление со стороны. Вас хотели вынудить поступать иначе. Но почему вы так стремитесь уничтожить это хорошее впечатление, совершив столь чудовищную ошибку?

Энвер снова забубнил о том, что флот союзников обстреливает мирные населенные пункты, убивает мирных женщин и детей.

— Мы предупреждали их через вас, чтобы они прекратили обстрелы, — сказал он, — но они не остановились.

Последнее было неправдой, но у меня не было возможности доказать Энверу, что он не прав. Он высоко оценил мои

заслуги и выразил сожаление, что не может последовать моему совету. Я сказал, что, по мнению иностранцев, я отказался от защиты интересов англичан и французов.

— Нас бы это очень устроило, — быстро ответил он. — Единственная неприятность, которую вы нам доставляете, — это то, что постоянно являетесь и беспокоите нас делами англичан и французов.

Я спросил его, давал ли я ему когда-нибудь совет, последовав которому он попал в неприятное положение. Он снисходительно ответил, что еще не совершал ошибок, принимая мои предложения.

— Прекрасно, тогда последуйте моему совету и в этом случае, — сказал я. — Позже вы убедитесь, что это правильно. Предпринимая такой шаг, ваш кабинет делает чудовищную ошибку.

— Но я уже отдал приказы, — сказал Энвер, — и ничего не могу отменить. Если я пойду на это, мой авторитет в армии будет уничтожен. Отдавая приказ, я никогда его не менял. Моя собственная жена попросила, чтобы я освободил слуг от военной службы, и я отказал. Великий визирь ходатайствовал об освобождении своего секретаря, и я не пошел на это, потому что приказ есть приказ. Я никогда не меняю своих приказов и не сделаю этого и в данном случае. Если вы подскажете мне способ сделать так, чтобы и приказ был выполнен, и ваши протесты спасены, я готов выслушать.

Насколько я успел понять, одной из самых заметных черт характера турка является его склонность торговаться и искать компромиссы. Последняя фраза Энвера давала мне возможность сыграть на этом.

— Прекрасно, — сказал я, — полагаю, мне есть что вам сказать. Вы могли бы обеспечить выполнение своего приказа, не высылая из города всех иностранцев. Если вы отправите только некоторых, ваша цель все равно будет достигнута. Приказ будет выполнен, дисциплина останется на прежнем уровне, а эти некоторые явятся таким же сдерживающим средством для союзников, как если бы вы выслали всех.

Мне показалось, что Энвер почти с радостью ухватился за мое предложение, указавшее ему выход из тупиковой ситуации.

— Сколько людей вы советуете мне отправить? — быстро спросил он. В тот момент, когда он задал этот вопрос, я понял, что выиграл.

— Я бы предложил, чтобы вы взяли двадцать англичан и двадцать французов — всего сорок человек.

— Пусть лучше будет пятьдесят.

— Хорошо, — ответил я, — мы не станем спорить из-за десяти человек. Но вы должны пойти на еще одну уступку. Позвольте мне выбрать тех, кто уедет.

Достигнутое нами соглашение ослабило напряжение, и теперь Энвер снова стал улыбающимся и обходительным.

— О нет, господин посол, — ответил он. — Вы удержали меня от ошибки, и теперь я намерен не дать вам сделать неверный шаг. Если вы лично выберете пятьдесят человек, которым предстоит отправиться на полуостров, вы наживете себе пятьдесят врагов. Вы мне слишком дороги, чтобы я пошел на это. И я докажу вам, что являюсь настоящим другом. У вас есть другие предложения?

— Почему бы не взять самых молодых? Они более выносливы.

— Это справедливо, — ответил Энвер. Он сказал, что Бедри, который сейчас как раз находится в здании, будет поручено выбрать «жертвы».

Это заставило меня насторожиться. Я знал, что изменение Энвером формулировки приказа не понравится Бедри, в чьей ненависти к иностранцам я уже неоднократно убеждался, и что глава полиции сделает все возможное, чтобы обойти новый приказ. Поэтому я попросил Энвера послать за Бедри и отдать ему приказ в моем присутствии. Бедри явился, и, как я и предполагал, происшедшие изменения ему совершенно не понравились. Как только он услышал, что ему предстоит отобрать только пятьдесят человек, самых молодых и сильных, он всплеснул руками и нервно заходил взад-вперед по кабинету.

— Нет, нет, так не годится! — горячился он. — Мне не нужны самые молодые. Мне нужны знаменитости!

Но Энвер остался непреклонным и приказал Бедри брать только молодых людей. Было очевидно, что Бедри следует успокоить, и я предложил ему поехать со мной в американское посольство, где он сможет выпить чаю и обговорить все детали. Предложение имело мгновенный результат, который американцу понять очень трудно. Американец не увидит ничего особенного в том, чтобы открыто проехать вместе с посланником или выпить чаю в посольстве. Но ничего подобного и в голову не придет мелкому функционеру, такому как префект полиции, в турецкой столице. Возможно, я унижил достоинство своей должности, запросто пригласив Бедри; Паллавичини наверняка так и подумал бы, но все вышло как нельзя лучше. «Высокая честь» сделала Бедри более сговорчивым, чем обычно.

Когда мы прибыли в посольство, толпы людей так и не разошлись. Люди ждали, чем закончится мое вмешательство. Когда я сказал, что отправить на Галлиполи придется только пятьдесят человек, причем выбирать будут молодых, они в первый момент были ошеломлены. Сначала они ничего не поняли: люди ожидали, что мне удастся добиться некоего видоизменения приказа, но на такое не смели и надеяться. Когда же до них дошла правда, я тут же очутился в центре совершенно обезумевшей толпы, только на этот раз люди не рыдали, а радовались. Женщины, утирая струившиеся по щекам слезы, падали на колени и целовали мне руки. Мужчины, несмотря на мои яростные протесты, заключали меня в свои крепкие объятия и целовали в щеки. В течение нескольких минут я безуспешно сражался с благодарной толпой. С большим трудом мне все же удалось вырваться и закрыться в кабинете с Бедри.

— Могу я все же взять нескольких знаменитостей? — спросил он.

— Я дам вам одного человека, — ответил я.

— Но мне нужно три.

— Можете брать любых не старше пятидесяти лет.

Это его не удовлетворило, поскольку ни одной знаменитости такого возраста он не знал. Бедри «положил глаз» на господ Вейля, Рэя и доктора Фрю. Но у меня была для него только одна знаменитость «в рукаве», которую я намеревался уступить. Это доктор Виграм — англиканский священник, один из самых выдающихся людей в иностранной колонии, обратился ко мне с просьбой. Он буквально молил позволить ему ехать вместе с заложниками, чтобы предложить им утешение, которое может дать только религия. Я знал, что ничто не сможет доставить доктору Виграму большее удовольствие, чем стать тем самым «куском», который удовлетворит тягу Бедри к знаменитостям.

— Доктор Виграм — единственный выдающийся человек, которого вы можете получить, — сказал я Бедри.

Пришлось префекту полиции довольствоваться этим.

Советник американского посольства Гофман Филип, ныне он американский посол в Колумбии, уже выразил желание сопровождать заложников, чтобы по возможности оказать им помощь. Такое проявление гуманизма было не новым для мистера Филипа. Он не обладал крепким здоровьем, но тем не менее вернулся в Константинополь после вступления Турции в войну, чтобы помочь мне в заботе об интересах иностранных жителей страны. В этот весьма сложный период он неизменно проявлял симпатию к несчастным, больным и бедным, которая была неотъемлемой частью его личности. И хотя сам факт вмешательства представителя посольства в такое предприятие с точки зрения международного обычая весьма спорен, мистер Филип высказал такое горячее и искреннее желание, что я нехотя согласился. Я также получил разрешение сопровождать партию для Артура Рула из «Кольера» и Генри Уэст Сайдема из бруклинского «Игла».

Бедри все же постарался отыграть. Хотя все пятьдесят человек были проинформированы, что пароход на Галлиполи отправится на следующее утро ровно в шесть часов, он вместе с нарядом полиции в полночь обошел все дома «жертв» и вытащил их из постелей. Поэтому люди, собравшиеся на следующее утро на причале, выглядели весьма по-

мятыми и потрепанными. Естественно, Бедри тоже был на причале, надзирая за процессом погрузки, а подойдя ко мне, он еще раз, правда беззлобно, попенял мне за то, что ему пришлось довольствоваться только одной знаменитостью. В целом он вел себя вполне прилично, хотя не удержался и сказал заложникам, что британские самолеты бросают бомбы на Галлиполи. Из двадцати пяти «англичан» только двое родились в Англии, а из двадцати пяти «французов» во Франции родились тоже двое. У «жертв» были ранцы с едой и необходимыми вещами, собравшиеся на проводы родственники тоже несли тюки, а миссис Моргентау прислала на корабль несколько больших ящиков с едой. Расставание молодых людей с семьями было грустным, но все держались мужественно.

Вернувшись в посольство, я чувствовал себя очень уставшим — сказывались волнения последних дней — и был совершенно не готов к чести, которая меня ожидала. Всего лишь через несколько минут после прихода мне доложили о прибытии его превосходительства посла Германии. Вангенхайм немного поговорил на отвлеченные темы, после чего перешел к цели своего визита. Немецкий посол попросил меня телеграфировать в Вашингтон, что он оказывал эффективное содействие в снижении числа заложников до пятидесяти. Учитывая реальное состояние дел, его требование звучало настолько абсурдно, что мне лишь с большим трудом удалось сохранить невозмутимость. Я отлично знал, что, выразив формальный протест великому визирю, Вангенхайм собирался в дальнейшем воспользоваться преимуществами этого акта, но не ожидал, что он будет действовать так оперативно.

— Ну ладно, — сказал Вангенхайм, — вы хотя бы телеграфируйте своему правительству, что я не *hetz* турок в этом деле.

Немецкий глагол «hetzen» означает примерно то же самое, что английский глагол «sic» — подстрекать, науськивать, применительно к собаке. У меня не было настроения помогать Вангенхайму, о чем я ему и сказал. Я даже специально

доложил в Вашингтон, что он наотрез отказался мне помочь. Через день или два Вангенхайм позвонил мне по телефону и заговорил взволнованно и гневно. Оказывается, его правительство сообщило ему о моей телеграмме в Вашингтон. Я объяснил, что, если он желает пожинать лавры за помощь кому бы то ни было, прежде надо эту помощь оказать.

Заложники в Галлиполи переживали далеко не лучшие времена. Их поместили в два деревянных дома, не дав даже кроватей. У них не было никакой еды, кроме той, что они привезли с собой. К тому же их атаковали паразиты, что отнюдь не редкость для Турции. Помощь мистера Филипа оказалась для них воистину бесценной. Они провели на полуострове несколько дней, и я начал работать над проблемой их возвращения. Сэр Эдвард Грей, тогдашний министр иностранных дел, обратился в наш Госдепартамент с просьбой направить мне сообщение, которое я должен передать Энверу и его коллегам-министрам. Его суть заключалась в том, что британское правительство будет считать их лично ответственными за любой вред, причиненный заложникам. Я передал послание Энверу 9 мая. Мне доводилось видеть Энвера в разном настроении, но состояние неконтролируемой ярости, в которое его повергло предупреждение сэра Эдварда, было для меня новым. Пока я зачитывал телеграмму, его лицо стало мертвенно-бледным, а в конце он попросту утратил над собой контроль. Европейский лоск, который Энвер трудолюбиво приобретал, в одно мгновение слетел с него, как маска. И я впервые увидел его истинное лицо — дикого, кровожадного азиата.

— Они никогда не вернуться, — завопил он, — они там сгниют! И хотел бы я посмотреть, что эти англичане мне сделают!

Я снова убедился, что метод убеждения, который я всегда использовал в общении с Энвером, является единственно правильным. Я постарался успокоить разъяренного министра, и через какое-то время мне это удалось.

— Но никогда больше мне не угрожайте, — хмуро сказал он.

Проведя неделю в Галлиполи, заложники вернулись. Турки перевели свой штаб из Галлиполи в другое место, и, естественно, англичане прекратили обстреливать город. Все вернулись в добром здравии и были с радостью встречены своими близкими.

Глава 20

ЕЩЕ НЕМНОГО О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Депортация в Галлиполи дает представление о трудностях, которые мне приходилось преодолевать при выполнении своих обязанностей представителя интересов союзников в Османской империи. Однако, несмотря на периодические взрывы ненависти, турецкие официальные лица по большей части вели себя очень хорошо. Они пообещали мне вначале, что будут обращаться с врагами прилично и позволят им либо остаться в Турции и заниматься привычными делами, либо покинуть империю. Очевидно, они считали, что после окончания войны мир станет судить их не по отношению к своим собственным подданным, а по отношению к гражданам вражеских государств, проживавшим на их территории. В результате француз, англичанин или итальянец находился в Турции в большей безопасности, чем армянин, грек или еврей. Но против стремления соблюдать приличия постоянно действовала неблагоприятная сила. В письме в Госдепартамент я описал влияние, работавшее против иностранцев в Турции. «Немецкий посол, — писал я 14 мая 1915 года, — продолжает оказывать давление на турок, навязывая им целесообразность одновременно проведения репрессивных мер и удержания субъектов воюющих государств в качестве заложников. Мне пришлось столкнуться с упорным противодействием моего немецкого коллеги при получении разрешения на отъезд субъектов национальностей, находящихся под нашей защитой».

Турецкие чиновники временами начинали мстить гражданам одного из государств союзников, обычно в ответ на ущерб или воображаемый ущерб их гражданам во вражеских странах. Такие акты стали причиной многих волнующих эпизодов, иногда трагических, иногда вылившихся в откровенный фарс. Все они были в равной мере присущи турецкому характеру и характерны для тевтонских методов.

Как-то раз я беседовал с Талаатом, когда зазвонил телефон.

— Это вас, — сказал министр и передал мне трубку.

Звонил один из моих секретарей. Он сказал, что Бедри арестовал сэра Эдвина Пирса, бросил его за решетку и захватил все бумаги. Сэр Эдвин был одним из самых известных британцев в Константинополе. В течение сорока лет он занимался юридической практикой в оттоманской столице, активно сотрудничал с прессой, опубликовал несколько книг, принесших ему известность как эксперту в области восточной истории и политики. Ему было около восьмидесяти лет, он обладал спокойным характером и презентабельной внешностью. Когда началась война, я заручился специальным обещанием Талаата и Бедри, что те ни при каких обстоятельствах не потревожат сэра Эдвина Пирса и профессора ван Миллингена из Роберт-колледжа. Телефонное сообщение, полученное мной в присутствии Талаата, могло означать только одно: обещание нарушено.

Я сразу же обратился к Талаату, даже не пытаясь скрыть свое недовольство.

— На все ваши обещания нельзя полагаться? — спросил я. — Неужели вам больше нечего делать, кроме как досаждать столь уважаемому и притом пожилому человеку, как сэр Эдвин Пирс?

— Не стоит волноваться, — ответил Талаат, — он провел в тюрьме всего несколько часов, и я немедленно позабочусь о его освобождении.

Он попытался связаться с Бедри по телефону, но не смог. К тому времени я уже успел узнать Бедри хорошо и познакомился с его методами. Если Бедри хотел, чтобы ему можно было дозвониться, он был легкодоступен в любое время

дня и ночи. Если же его присутствие на другом конце телефонного провода могло сулить неприятности, даже самый дотошный сыщик не смог бы обнаружить его местонахождение. А поскольку Бедри дал мне торжественное обещание, что не потревожит сэра Эдвина, это был как раз тот случай, когда префект полиции предпочел оставаться недоступным.

— Я останусь в этой комнате, пока вы не найдете Бедри, — сказал я Талаату.

Турок отнесся к ситуации с юмором. Мы ждали довольно долго, но Бедри удалось остаться необнаруженным. В конце концов я позвонил одному из своих секретарей и отправил на поиски исчезнувшего префекта полиции.

— Скажите Бедри, что я арестовал Талаата в его собственном кабинете и не выпущу его, пока он не получит возможность отдать Бедри приказ об освобождении сэра Эдвина Пирса.

Талаат искренне наслаждался комичной ситуацией. Он знал Бедри еще лучше меня, и ему было чрезвычайно интересно, сумею ли я его найти. Правда, через несколько минут телефон зазвонил. Это оказался Бедри. Я предложил Талаату предупредить Бедри о том, что я лично отправляюсь в тюрьму на своем автомобиле за сэром Эдвином Пирсом.

— Пожалуйста, не пускайте его туда, — попросил Бедри. — Его появление поставит меня в глупое положение и повредит авторитету.

— Хорошо, — сказал я. — Я жду до шести пятнадцати. Если до этого времени сэр Эдвин не вернется к своей семье, я сам поеду за ним в полицию.

По пути в посольство я остановился у дома Пирса и постарался успокоить его супругу и дочь.

— Если ваш отец не вернется домой до шести пятнадцати, — сказал я, — пожалуйста, дайте мне знать немедленно.

Ровно в 6.15 зазвонил мой телефон. Мисс Пирс сообщила, что отец только что вернулся домой.

На следующий день сэр Эдвин посетил посольство, чтобы выразить мне свою признательность за хлопоты. Он сказал, что немецкий посол тоже приложил руку к его освобождению.

нию. Последнее заявление меня несколько удивило. Я был уверен, что никто не мог ничего предпринять, потому что все стало известно в то время, когда я находился в кабинете Талаата. Спустя полчаса я встретился с Вангенхаймом, нанесшим визит моей супруге. Я упомянул о деле Пирса и спросил, занимался ли он его освобождением. Мой вопрос явно удивил его.

— Что? Я помогал освободить этого человека? Старый мошенник! Совсем наоборот, я был тем, кто обеспечил его арест!

— Но что вы имеете против него? — удивился я.

— В 1876 году, — ответил Вангенхайм, — этот человек выступал за русских против турок.

Да, немцы отличаются злопамятностью. В 1876 году сэра Эдвина написал несколько статей для лондонской газеты «Дейли ньюс» с описанием массовых убийств в Болгарии. В то время в рассказы о злодействах обычно не верили, а в письмах сэра Эдвина содержались неопровержимые факты, раскрывшие глаза англоговорящим народам, что внесло свой вклад в дело освобождения Болгарии от турецкого ига. Этот акт гуманизма и журналистской честности принес сэру Эдвину большую известность, и именно за него немцы решили наказать его сорок лет спустя, бросив в турецкую тюрьму. Кстати, турки в этом вопросе проявили большую тактичность, чем их немецкие союзники, и не только вернули сэру Эдвину свободу и все бумаги, но и позволили вернуться в Лондон.

Бедри был несколько оскорблен моим успешным вмешательством в это дело и решил сравнить счет. Наиболее известным (после сэра Эдвина) англоговорящим юристом в Константинополе был 70-летний мальтиец Мицци. Правящие круги были им очень недовольны потому, что он был владельцем «Левант геральд» — газеты, которая нередко публиковала статьи, критикующие комитет «Единение и прогресс». В тот же день, когда был освобожден сэр Эдвин, Бедри явился в дом доктора Мицци в одиннадцать часов ночи, вытащил старика из постели, арестовал его и посадил на поезд, идущий в Ангору, в Малую Азию. Поскольку в Ангоре в это время свирепствовала страшная эпидемия тифа, вряд ли ее можно было назвать желательным местом для старого человека. На следу-

ющее утро, когда я впервые услышал об этом злодеянии, доктор Мицци уже был на пути к месту своей ссылки.

— На этот раз я вас опередил, — заявил Бедри с торжествующей усмешкой. Он был доволен, как ребенок. Наконец ему удалось «обойти на повороте» американского посла, который спокойно почивал в своей спальне, когда старого мальтийца отправили в самое сердце эпидемии в Ангоре.

Однако победа Бедри оказалась все же неполной. По моей просьбе Талаат отправил доктора Мицци вместо Ангоры в Конию. Там у одного из американских миссионеров доктора Додда был прекрасный госпиталь. Я устроил так, что доктор Мицци поселился там в чудесной комнате. В ней он прожил несколько месяцев, окруженный близкими по духу людьми, здоровой атмосферой, всеми книгами, которые только мог пожелать. У него было даже пианино — вещь, без которой он чувствовал бы себя совершенно несчастным. Поэтому я продолжал считать, что счет между Бедри и мной оставался в мою пользу.

В начале января появилась информация, что англичане подвергают жестокому обращению турецких военнопленных в Египте. Вскоре после этого я получил письма от двух австралийцев, командера Стокера и лейтенанта Фицджеральда. В них говорилось, что они уже одиннадцать дней находятся в грязном, сыром, полном паразитов подземелье военного министерства. Эти военно-морские офицеры прибыли в Константинополь на построенных в Америке субмаринах, совершивших беспрецедентный переход из Англии. Они прошли под минными полями Дарданелл и благополучно прибыли в Мраморное море, где уже в течение нескольких недель было прекращено всякое судоходство. Субмарина, на которой прибыли мои корреспонденты — E-15, — была захвачена в Дарданеллах, а ее команда вместе с офицерами была отправлена в турецкую военную тюрьму в Малой Азии — Афиум-Кара-Гиссар. Когда поступило сообщение о якобы жестоком обращении с турецкими военнопленными в Египте, среди этих пленных были жребием определены двое, которым предстояло отправиться в Константинополь и подверг-

нуться наказанию в качестве ответной меры. Стокер и Фицджеральд вытянули несчастливые номера и провели одиннадцать суток в ужасной подземной темнице. Я немедленно обсудил инцидент с Энвером и предложил, чтобы врач и офицер, представители нейтральной стороны, осмотрели турок в Египте и сообщили свое непредвзятое мнение. Мы довольно быстро получили ответ о том, что информация оказалась ложной и турки в английском плену чувствуют себя прекрасно.

Примерно в это же время я имел встречу с монсеньором Дольчи, представителем Святого престола в Турции. Он упомянул о военнопленном лейтенанте Фицджеральде, который, по его сведениям, находился в тюрьме Афиум-Кара-Гиссар.

— Я принимаю участие в судьбе второго молодого человека, — сказал монсеньор Дольчи, — поскольку он помолвлен с дочерью британского посла в Ватикане. Я говорил о нем с Энвером, и он обещал, что отношение к юноше будет особым.

— Как его зовут? — спросил я.

— Джеффри.

— Отношение к нему действительно особое, — вздохнул я. — Знаете ли вы, что в настоящее время он находится в подземной тюрьме Константинополя?

Понятно, что монсеньор очень разволновался, но я поспешил его заверить, что юноша через несколько дней будет освобожден.

— Видите, как отвратительно вы обошлись с этими молодыми людьми, — сказал я. — Вы должны как-то компенсировать ущерб.

— Что вы предлагаете?

Стокер и Фицджеральд были военнопленными и согласно обычной процедуре после освобождения из подземелья должны были вернуться в тюрьму. Я предложил Энверу дать им восьмидневный отпуск в Константинополе. Он согласился, и парни были освобождены. Смотреть на них было страшно. В общей сложности они провели в подземной тюрьме двадцать пять дней, не имея возможности умыться, побриться, сменить белье, то есть были лишены элементарных жизненных удобств. Мистер Филип взял их под свою опеку, и спус-

тя очень короткое время мы увидели перед собой двух молодых и очень симпатичных британских офицеров флота. Их восьмисуточная свобода стала воистину триумфальным шествием, несмотря на то что их повсюду сопровождал англоговорящий турецкий офицер. Они побывали у монсеньора Дольчи и в американском посольстве и даже нанесли весьма приятный визит в женский колледж. Когда настало время возвращаться в лагерь, офицеры заявили, что согласны провести еще месяц в сыром подземелье, если после этого они получают такой же прекрасный отпуск.

Несмотря на все происшедшее, я всегда буду с благодарностью вспоминать Энвера за его исключительное внимание к Фицджеральду.

— Не думаете ли вы, что юноша уже достаточно наказан? — спросил я. — Почему бы не отпустить его домой, чтобы он мог жениться на своей любимой девушке?

— Я сделаю это, — не задумываясь ответил Энвер, — если он даст слово офицера больше не воевать против Турции.

Понятно, что молодой человек дал требуемое обещание и отправился домой, навстречу счастью. К сожалению, у Стокера не было невесты, наличием которой можно было обосновать аналогичную просьбу, и ему пришлось вернуться в Малую Азию. Он сделал это, не слишком расстроившись. Не в традициях британского военного флота завидовать друзьям.

Глава 21

БОЛГАРИЯ НА РАСПУТЬЕ

Неудача флота союзников в Дарданеллах не решила судьбу Константинополя. Конечно, и турки, и немцы испытали большое облегчение, когда флот ушел, но только слишком радоваться оснований не было. Самая прямая дорога к древней столице все еще оставалась открытой для противника.

В начале сентября 1915 года один из самых влиятельных немцев в Константинополе дал мне подробное объяснение

сложившейся военной ситуации. Вкратце его пространный рассказ сводился к одной фразе: «Мы не можем удержать Дарданеллы без военной поддержки Болгарии».

Это означало, что, если Болгария не присоединится к Турции и Германии, экспедиция в Галлиполи будет успешной, Константинополь падет, Турецкая империя распадется, Россия воспрянет как экономическая и военная держава, и война в относительно короткие сроки завершится победой Антанты. Вполне вероятно, что нейтралитет Болгарии приведет к тому же результату. Поэтому, думаю, не будет преувеличением сказать, что в сентябре—октябре 1915 года сроки войны были в руках болгарского правительства.

Это факт действительно первостепенной важности, и его значение просто необходимо подчеркнуть. Предлагаю читателям взглянуть на часть карты мира, с которой они, возможно, не слишком хорошо знакомы, я имею в виду карту Балканских стран, так, как они были определены Бухарестским договором. Все, что осталось от европейской Турции, — это маленькая территория неправильной формы в ста шестидесяти километрах к западу от Константинополя. С европейской Турцией граничит Болгария. Главная железнодорожная магистраль в Западную Европу начинается в Константинополе и идет по Болгарии через Адрианополь, Филиппополис и Софию. В то время Болгария могла собрать армию из 500 тысяч хорошо обученных и организованных солдат. Если она пойдет на Константинополь, ничто не будет стоять у нее на пути. Турция имела значительную армию, это правда, но она была занята, отбивая атаки союзников в Дарданеллах и русских на Кавказе. Если Болгария займет враждебную позицию, турки не смогут получить ни оружия, ни припасов из Германии. Турция окажется полностью изолированной и в конце концов в результате одной очень короткой кампании прекратит свое существование как военная сила и как европейское государство.

Я хочу привлечь особое внимание к этой железной дороге, поскольку она была той стратегической целью, которую отстаивала Германия. Миновав Софию, дорога пересекала Сер-

бию, где самыми важными станциями были Ниш и Белград. Далее она пересекала реку Сава, затем Дунай, после чего следовала к Будапешту и Вене, а оттуда на Берлин. Практически все военные операции на Балканах 1915—1916 годов велись в конечном счете за обладание этой железной дорогой. Удерживая эту дорогу, Турция и Германия не будут разделены: и с экономической, и с военной точки зрения они будут единым целым. Дарданеллы, как я уже говорил, — это звено, соединяющее Россию и ее союзников; если оно порвется, крах России наступит очень скоро. Равнины Моравы и Марицы, по которым проходит железная дорога, — это для Турции своеобразные безводные Дарданеллы. Находясь в ее руках, они обеспечивают доступ к союзникам, если же они попадут в руки врагов, Оттоманская империя распадется на части. Только присоединение Болгарии к делу тевтонцев даст туркам и немцам это преимущество. Как только Болгария станет союзником, часть железной дороги до сербской границы сразу станет легкодоступной. Если Болгария присоединится к державам оси как активный участник, завоевание Сербии станет неизбежным, а значит, появится звено, тянущееся от Ниша к Белграду и далее к тевтонцам. Таким образом, союзнические отношения с Болгарией сделают Константинополь пригородом Берлина, предоставят все ресурсы Круппа в распоряжение турецкой армии, сделают неизбежным крах наступления союзников на Галлиполи и заложат основу восточной империи, которая в течение тридцати лет была главным стимулом немецкой политики.

Отсюда ясно, что имел в виду мой немецкий друг, утверждая, что без Болгарии они не смогут удержать Дарданеллы. Это стало совершенно очевидным, при этом повсеместно распространялись слухи о том, что немцы обеспечили себе альянс с Болгарией еще до начала войны. Об этом я ничего точно не знаю. То, что болгарский царь и кайзер могли организовать это сотрудничество заранее, вовсе не представляется невероятным. Но мы не должны заблуждаться, утверждая, что это решило исход дела: опыт последних лет доказал, что к договорам не стоит относиться слишком серьезно. Независимо от

того, была предварительная договоренность или нет, я точно знаю, что как турецкие чиновники, так и немцы вовсе не были уверены, что Болгария станет на их сторону. В беседах со мной они всегда выражали опасения в благополучном исходе дела, и одно время широко распространилось мнение, что Болгария готовится стать на сторону Антанты.

Я впервые столкнулся с болгарскими проблемами в конце мая, когда болгарский посол М. Колушев уведомил Роберт-колледж о том, что болгарские студенты не смогут остаться до конца учебного года и должны будут вернуться домой 5 июня. В женский колледж Константинополя также поступило сообщение, что болгарские девушки должны вернуться домой к тому же времени. В этих американских учебных заведениях было много болгарских студентов, по большей части достойных представителей своей страны. Именно благодаря этим колледжам сложились дружеские отношения между далекими Соединенными Штатами и Болгарией. Раньше ничего подобного не было.

Во всех кругах обсуждалось, что бы это значило. Иначе и быть не могло. Болгария была у всех на устах. Вступит ли она в войну? Если да, то на чьей стороне? Сегодня появлялась информация, что она присоединится к Антанте, завтра — что станет союзницей стран оси. Создавалось впечатление, что она торгуется с обеими сторонами, стараясь добиться для себя самых выгодных условий. Если Болгария присоединится к Антанте, для болгар нежелательно оставаться в Турции. Поскольку юноши и девушки в американских учебных заведениях Константинополя обычно были выходцами из высокопоставленных болгарских семей (среди них, к примеру, была дочь генерала Иванова, возглавлявшего болгарские армии в Балканских войнах), болгарское правительство, естественно, было заинтересовано в их безопасности.

Таким образом, общественное мнение склонилось к тому, что Болгария решила принять сторону Антанты. Новость быстро распространилась по Константинополю. Особенно сильное впечатление она произвела на турок. Доктор Патрик, руководившая женским колледжем, поспешно организовала

церемонию вручения дипломов для своих болгарских студентов, которую я посетил. Это было довольно грустное мероприятие, больше напоминавшее похороны, чем праздник. Все болгарские девушки находились в крайне взвинченном состоянии, некоторые даже были близки к истерике. Они считали, что война неизбежна и их отправляют домой только для того, чтобы избежать турецкого плена. Их было искренне жаль и хотелось как-то развлечь. И мы отвезли их в американское посольство, где провели прекрасный вечер. После ужина глаза девушек высохли, и они стали петь красивые болгарские песни. В общем, начавшийся неудачно день завершился очень приятно. На следующее утро девушки уехали в Болгарию. Несколько недель спустя болгарский посол сказал мне, что правительство созвало всех студентов домой для политического эффекта. Большой вероятности немедленного вступления в войну нет. Просто Болгария желает дать понять Германии и Турции, что она может присоединиться к Антан-

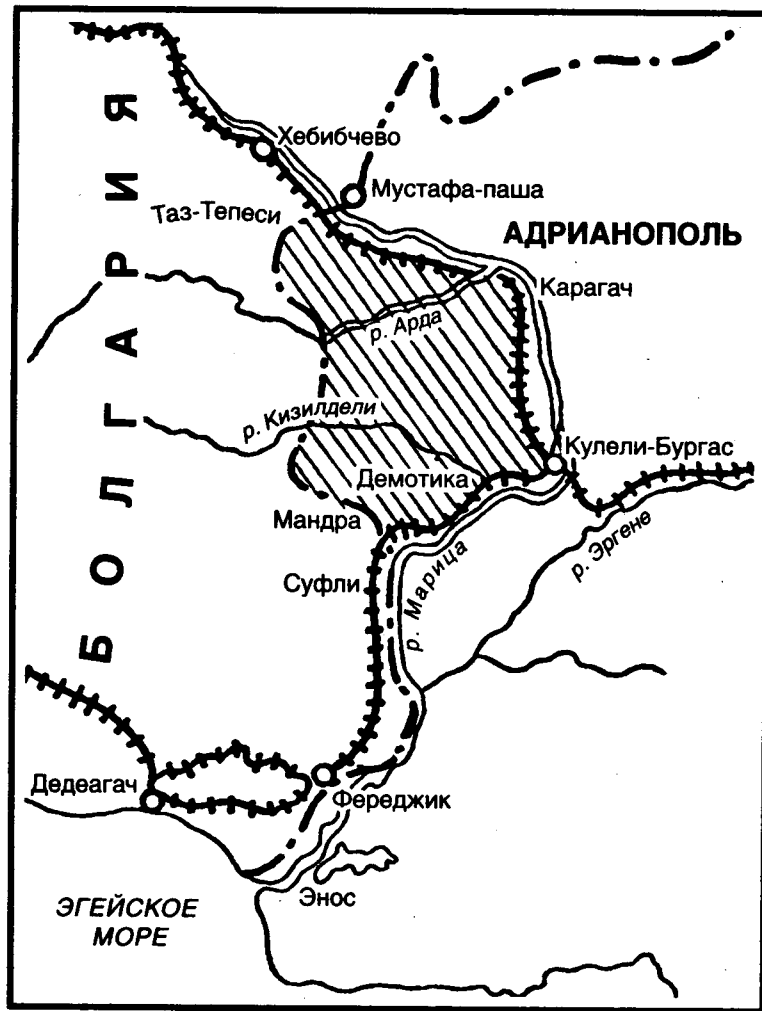
те. Болгария, как все мы подозревали, находилась на перепутье. Единственным бесспорным фактом в позиции этой страны было желание получить Македонию. От этого, сказал Колушев, зависит все. Его слова отражали общую для болгар точку зрения, заключавшуюся в том, что Болгария честно завоевала эту территорию в 1-й Балканской войне, после чего была ей несправедливо лишена. Они считали эту территорию болгарской по населению, языку и обычаям и были уверены, что на Балканах не может быть мира, пока она не вернется к своим законным хозяевам. Причем Болгарию не устраивало только обещание возвращения ей Македонии после окончания войны. Она настаивала на немедленной оккупации. Как только Македония будет передана Болгарии, она присоединит свои силы к Антанте. Существовало две главные цели в игре, которая тогда велась на Балканах: одной была Македония, на которую претендовала Болгария, другой — Константинополь, который желала получить Россия. Болгария была согласна, чтобы Константинополь достался России, если ей самой достанется Македония.

Мне дали понять, что болгарский Генеральный штаб имел разработанные планы захвата Константинополя, и с этими планами была ознакомлена Антанта. Эти планы предусматривали осаду Константинополя 300-тысячной армией болгар, которая начнется через двадцать три дня после начала боевых действий. Но одних только обещаний Македонии было недостаточно. Болгария должна была сразу получить ее.

Болгария понимала трудности положения союзников. Она не верила, что Сербия и Греция готовы отдать Македонию, не верила она и в то, что союзники осмеяются отобрать ее силой. В этом случае, считали болгары, существовала опасность заключения Сербией сепаратного мира с державами оси. С другой стороны, Болгария возражала против того, чтобы Сербия получила Боснию и Герцеговину в качестве компенсации за потерю Македонии, понимая, что увеличившаяся Сербия станет для нее постоянной угрозой, а значит, и будущей угрозой миру на Балканах. Так что ситуация была чрезвычайно сложной и запутанной.

Одним из самых хорошо информированных людей в Турции был Пауль Вайц — корреспондент «Франкфуртер цайтунг». Вайц был больше чем просто журналистом. Он прожил в Константинополе тридцать лет, знал все о турецких делах и был своим человеком и постоянным советником в немецком посольстве. Его обязанности были лишь наполовину дипломатическими. Вайц являл собой один из самых успешных образцов немецкого проникновения в Турцию; говорили, что он знал всех влиятельных людей в Османской империи, как к каждому из них лучше подойти и сколько заплатить. В конце августа и начале сентября я несколько раз беседовал с Вайцем о Болгарии. Он всякий раз повторял, что Болгария вполне может перейти на сторону Антанты. А 7 сентября он пришел ко мне с важными известиями. За одну ночь ситуация изменилась. Советник немецкого посольства в Константинополе барон Нейрат посетил Софию, и в ходе визита было подписано соглашение: Болгария становилась союзницей Германии.

Германия, сказал Вайц, получила Болгарию, сделав то, что Антанта не могла или не хотела сделать. Она обеспечила ее немедленное обладание частью вожделенной территории. Сербия отказалась дать Болгарии Македонию немедленно, с другой стороны, Турция отдавала часть Оттоманской империи. Площадь земли, о которой шла речь, незначительна, однако она имеет большое стратегическое значение и является реальной жертвой Турции. Река Марица в нескольких километрах к северу от Эноса изгибается на восток, на север, а потом на запад, огибая участок площадью около полутора тысяч квадратных километров, на котором расположены такие важные города, как Демотика, Карагач и часть Адрианополя. Особенно важным этот участок земли делает то, что по нему проходит восемьдесят километров железной дороги из Дедеагача в Софию. Вся железная дорога, за исключением этих восьмидесяти километров, проходит по территории Болгарии, и только этот короткий отрезок оказывается в Турции и перерезает связь Болгарии со Средиземным морем. Естественно, Болгария всячески старалась получить этот

кусок земли, и теперь Турция пошла ей навстречу. Эта уступка изменила всю ситуацию на Балканах и сделала Болгарию союзницей Турции и держав оси. Кроме железной дороги Болгария получила часть Адрианополя, расположенную западнее Марицы. Конечно, дополнительно Болгария долж-

на была получить и Македонию, как только эта провинция будет оккупирована Болгарией и ее союзниками.

Я отчетливо помню ликование Вайца после подписания этого соглашения.

— Все решено! — воскликнул он. — Болгария решила присоединиться к нам. Договоренность была достигнута прошлой ночью в Софии.

Турки тоже радовались. Впервые за долгое время они увидели выход из весьма сложной ситуации. Решение болгар, сказал мне Энвер, сняло тяжкий груз с их плеч.

— Нам, туркам, — сказал он, — принадлежит заслуга привлечения Болгарии на сторону держав оси. Она ни за что бы не пришла нам на помощь, если бы мы не отдали ей этот клочок земли. Отдав его сейчас, не дожидаясь конца войны, мы продемонстрировали свою добрую волю. Нам было очень сложно пойти на это, в особенности решиться отдать часть города Адрианополя, но игра стоила свеч. В действительности мы пожертвовали этой территорией в обмен на Константинополь, потому что, если бы Болгария не вступила в войну на нашей стороне, мы бы потеряли город. Подумать только, как удачно мы выправили положение. Нам приходилось держать более двухсот тысяч человек на болгарской границе, чтобы защититься от возможного нападения с того направления. Теперь мы можем перевести все эти войска на Галлиполи и сделать его неуязвимым для союзников. Кроме того, в Дарданеллах нам сильно мешала нехватка боеприпасов. Теперь Болгария, Австрия и Германия совместно нападут на Сербию и в течение нескольких недель установят полный контроль над этой страной. У нас появится прямая железнодорожная линия из Константинополя в Австрию и Германию, и мы сможем получать все необходимые военные грузы. С Болгарией на нашей стороне мы можем не опасаться нападения на Константинополь с севера — теперь мы создали непреодолимую преграду против русских. Не стану отрицать: ситуация вызвала наше серьезное беспокойство. Мы опасались, что Болгария и Греция объединятся и привлекут в свой союз Румынию. Тогда Турция была бы потеряна: они взяли бы нас в клещи.

Теперь перед нами только одна проблема: сбросить англичан и французов в Дарданеллах в море. Имея необходимое количество солдат и боеприпасов, мы сделаем это очень быстро. Мы отказались от маленького клочка земли, потому что это дало нам шанс выиграть войну.

Результаты оправдали пророчества Энвера до мельчайших деталей. Через три месяца после принятия Болгарией адрианопольской взятки Антанта признала свое поражение и вывела войска из Дарданелл. После этого ухода Россия, которая была величайшим потенциальным источником силы для дела союзников и которая при хорошей организации и снабжении могла принести союзникам быстрый триумф, перестала являться важным военным фактором. Уход французов и англичан из Галлиполи подтолкнула огромную страну к пучине анархии, распада и краха.

Немцы праздновали свой триумф по-тевтонски. Для них день 17 января 1916 года стал одной из величайших памятных дат войны. В Константинополе царило оживление: вечером ожидалось прибытие первого Балканского экспресса — немцы называли его *Balkanzug*. Железнодорожный вокзал был украшен флагами и цветами, все немецкое и австрийское население Константинополя, включая персонал посольств, собралось, чтобы приветствовать прибывающий поезд. Когда же он подкатил к перрону, его встретили радостными криками.

После 17 января 1916 года Балканский экспресс начал регулярно курсировать между Берлином и Константинополем. Немцы считали его одним из символов новой Германской империи.

Глава 22

ТУРОК ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ЖИЗНИ ПРЕДКОВ

Уход флота союзников из Дарданелл имел последствия, которые мир не сразу понял. Практическим эффектом этого события, как я уже говорил, была изоляция Турецкой империи от всего мира, за исключением Германии и Австрии. Англия,

Франция, Италия и Россия, которые в течение целого века сдерживали Оттоманскую империю, в конечном итоге утратили свое влияние. Турки осознали, что ряд ошеломляющих событий изменил их статус, превратив из рабов, всецело зависящих от европейских держав, в свободных людей. Впервые за два века они могли вести национальный образ жизни, соответствующий их желаниям, и управлять своими подданными, руководствуясь собственной волей. Первым проявлением этой восстановленной национальной жизни стал эпизод, который, насколько мне известно, является самым ужасным в мировой истории. Новая Турция, освобожденная от европейского опекуна, отпраздновала свое национальное возрождение убийством около миллиона своих подданных.

Вряд ли мне удастся преувеличить влияние, которое оказал на Турцию уход флота союзников из Дарданелл. Турки не сомневались, что выиграли величайшую и решающую битву в войне. Они говорили, что в течение многих веков британский флот победоносно входил в любую часть Мирового океана и только сейчас со стороны турок встретил первый серьезный отпор. В первое время чрезвычайно возгордившимся лидерам младотурок представлялось, что началось полное возрождение империи. То, что два века шло к упадку, неожиданно вернулось к новой славной жизни. Охваченные гордостью и всепобеждающим высокомерием, турки начали взирать с презрением на людей, научивших их современной войне, и ничто не раздражало их больше, чем намек на то, что частью успеха они обязаны своим немецким союзникам.

— Почему мы должны чувствовать какие-либо обязательства по отношению к немцам? — говорил мне Энвер. — Разве то, что они делали для нас, сравнимо с тем, что мы сделали для них? Они ссудили нам немного денег и прислали нескольких офицеров, это правда, но представьте только, что сделали мы! Мы нанесли поражение британскому флоту — ничего подобного ни разу не удалось ни Германии, ни какому-либо другому государству. Мы направили армии на Кавказский фронт и тем самым сдержали огромные массы русских войск, кото-

рые иначе оказались бы на Западном фронте. Также мы вынудили Англию держать крупные воинские контингенты в Египте и Месопотамии, ослабив армии союзников во Франции. Нет, немцы никогда бы не достигли своего военного успеха без нас, так что, если кому и стоит говорить об обязательствах, это им, а не нам.

Это убеждение, владевшее лидерами партии «Единение и прогресс», теперь начало оказывать определяющее влияние на национальную жизнь и политику Турции. По сути своей турок — это задира и трус; он храбр, аки лев, когда ему благоприятствуют обстоятельства, но раболепен, малодушен и слаб, если ситуация не в его пользу. Теперь же, когда военные успехи благоприятствовали Турецкой империи, перед моими глазами предстал совершенно новый турок. Вечно сомневающийся и боязливый представитель Оттоманской империи, осторожно прокладывающий путь по лабиринту европейской дипломатии и постоянно ищущий выгоду для себя в разобщении европейских держав, уступил место стремительной, пожалуй, даже лихой фигуре, гордой и самоуверенной, исполненной решимости жить собственной жизнью и ненавидящей своих христианских врагов. Я стал свидетелем воистину феноменальной трансформации национальной психологии — ее возврату к исходному типу. Косматый, неряшливый турок XX столетия начал стремительно исчезать. На его место пришел турок XIV—XV веков, турок, возникший на бескрайних азиатских просторах и победно шедший по Европе, Азии и Африке, покоряя все народы, находившиеся на своем пути, создавший одну из самых обширных империй из известных миру. Если мы хотим правильно оценить нового Талаата и Энвера и происходящие события, нам придется понять того турка, который при Османе и его преемниках оказывал могущественное, но разрушительное влияние на мир. Мы должны осознать, что главным фактом, определяющим менталитет турка, является его презрение ко всем остальным народам. Гипертрофированная гордость — это элемент, по большей части объясняющий этот странный человеческий тип. Обычный термин, применяемый турком

по отношению к христианину, — «собака», причем в его системе ценностей это не просто фигура речи. Он действительно относится к своим европейским соседям как к существам менее достойным внимания, чем его домашние животные. «Сын мой, — как-то сказал старый турок, — ты видишь стадо свиней? Одни из них белые, другие черные, одни большие, другие маленькие, они отличаются друг от друга в некоторых отношениях, но тем не менее все они свиньи. Так и с христианами. Не обманывайся, сын мой. Христиане могут носить красивые одежды, на их женщин, может быть, приятно смотреть, их кожа бела и нежна, многие из них умны, они строят красивые города и строят то, что кажется могущественными государствами. Но помни, что под ослепляющей великолепием внешней оболочкой все они одинаковы — все они свиньи».

Практически все иностранцы, находясь в присутствии турка, чувствуют это отношение. Турок может быть изысканно вежлив, но у его собеседника всегда присутствует некое подсознательное ощущение, что мысленно он избегает христианина как чего-то нечистого. И эта фундаментальная вера веками руководила оттоманской политикой по отношению к зависимым от них народам. Дикая орда вырвалась с равнин Центральной Азии, вихрем пронеслась по Месопотамии и Малой Азии, подчинив себе жившие там народы, она завоевала Египет, Аравию и почти всю Северную Африку, затем покатила по Европе, сокрушила Балканские государства, заняла большую часть Венгрии и даже создала форпосты Оттоманской империи на юге России. Насколько я могу судить, оттоманские турки обладали только одним сильным качеством — военным гением. У них было несколько сильных военных лидеров, с успехом осуществлявших командование, а первые турки-завоеватели были храбрыми, фанатичными и целеустремленными солдатами, так же как и их сегодняшние потомки. Полагаю, действия этих старых турок являют собой наиболее блестящие образцы в истории политики военного грабежа. У них отсутствовало то, что можно назвать основами цивилизованного сообщества. Они не имели алфавита и письменно-

сти, книг, поэтов, искусства и архитектуры, они не строили городов и не создавали прочных государств. Они не знали других законов, кроме права силы, и практически не имели сельского хозяйства и промышленности. Они были просто дикими всадниками-мародерами, чьей единственной концепцией племенного успеха было успешное нападение на более цивилизованные народы и грабеж. В XIV и XV веках такие племена захватили колыбель современной цивилизации, давшую Европе ее религию и в значительной степени культуру. В те давние времена эти территории были заселены мирными и процветающими народами. В долине Месопотамии жило многочисленное население, умело и успешно занимавшееся сельским хозяйством, Багдад был одним из крупнейших и самых процветающих из существующих городов, Константинополь имел большее население, чем Рим, а на Балканах и в Малой Азии существовало несколько сильных государств. По этой части мира прокатилась турецкая орда, неся гибель и разрушения. За несколько лет Месопотамия стала пустыней, цветущие города Ближнего Востока находились на грани нищеты, а жители захваченных турками территорий стали рабами. Все блага цивилизации, которые турки узнали за пять столетий, были взяты у покоренных ими народов, презираемых своими хозяевами. Религию турки переняли у арабов, язык стал благозвучным, впитав арабские и персидские элементы, появлением письменности турки тоже обязаны арабам. Прекраснейший архитектурный памятник Константинополя — мечеть Святой Софии — первоначально был христианской церковью, и вся так называемая турецкая архитектура является, по существу, византийской. Аппарат управления бизнесом и промышленностью всегда находился в руках зависимых народов — греков, евреев, армян, арабов. Турки совершенно не интересовались европейской наукой и искусством, создали очень мало собственных учебных заведений, и неграмотность у них была обычным явлением. В результате бедность в Османской империи достигла степени полной нищеты, ничего подобного в мире больше нет. Турецкие крестьяне живут в грязных лачугах, спят на земляном полу, они не имеют сто-

лов, стульев, посуды и даже обходятся без одежды, если не считать таковой несколько ветхих тряпок, которыми они прикрывают спину и чресла и носят по многу лет.

Со временем турки, конечно, кое-чему научились у своих европейских и арабских соседей, но было кое-что, так никогда и не постигнутое ими. Они не смогли понять, что покоренные народы могут быть кем-то, кроме рабов. Когда они захватывали землю, оказывалось, что на ней живет некоторое количество верблюдов, буйволов, лошадей, собак, свиней и человеческих существ. Из всех перечисленных турки считали наименее важными существа, внешне больше всего напоминавшие их самих. Они часто повторяли, что лошадь или верблюд обладают большей ценностью, чем человек: животные все же стоят денег. Зато «неверных христиан» можно силой заставить работать. Это правда, что первые султаны давали подчиненным народам и европейцам в империи определенные права, но даже эти права отражали глубокую неприязнь, с которой турки относились ко всем немусульманам. Я уже упоминал о порядке, при котором у иностранцев в Турции были собственные суды, тюрьмы, почты и т. д. Однако первые султаны давали определенные привилегии вовсе не потому, что были более терпимыми, а по той причине, что они смотрели на христианские нации как на нечистые и потому не желали их контакта с османской административной и правовой системой. Султаны давали особые права некоторым народам, например грекам и армянам, не потому, что хотели обеспечить их независимость и благосостояние, а потому, что считали их сбродом, недостойным Османской империи. Отношение правительства к своим подданным-христианам иллюстрируется некоторыми правилами, ограничивающими свободу их действий. Здания, в которых жили христиане, не должны бросаться в глаза, а церкви — иметь колокольни. Христианин не имел права проехать на лошади по городу — это право было исключительной прерогативой благородного мусульманина. Турок имел право проверить остроту своего меча на шее любого встречного христианина. Представьте себе правительство, которое год за годом сохраняет такое отноше-

ние к миллионам своих подданных. А ведь на протяжении веков турки попросту паразитировали на этих трудолюбивых людях. Они облагали их непомерными налогами, крали красивых девушек и помещали их в свои гаремы, отбирали сотни тысяч христианских мальчиков и воспитывали их настоящими мусульманскими солдатами. Я не имею намерения описывать тяжелейшие условия рабства и гнет, не прекращавшиеся на протяжении пяти веков. Моя цель лишь подчеркнуть прирожденное отношение турок к людям другой расы и религии: они не человеческие существа, имеющие права, а всего лишь движимое имущество, которому позволено жить, пока оно обеспечивает интересы хозяина, но которое следует безжалостно уничтожать, если оно утрачивает свою полезность. Это отношение еще больше усилено тотальным пренебрежением к человеческой жизни, а также удовольствием, получаемым от причинения физических страданий другим, — эта черта нередко свойственна примитивным народам.

Таковы ментальные характеристики турка в дни его военного величия. В последнее время его отношение к иностранцам и подчиненным народам внешне изменилось. Его военный упадок и легкость, с которой нации неверных победили лучшие турецкие армии, очевидно, заставили заносчивых потомков Османа, по крайней мере, уважать их мастерство. Быстрый, за одно столетие, распад империи, создание на месте Оттоманской империи новых государств — Греции, Сербии, Болгарии, Румынии — и удивительные успехи, достигнутые ими после уничтожения турецкого гнета, возможно, и усилили оттоманскую ненависть к неверным, но вместе с тем открыли им глаза. Теперь многие турки учились в европейских университетах, получали профессии врачей, юристов, инженеров и химиков. Как бы сильно более прогрессивный мусульманин ни презирал своих соседей-христиан, он никак не мог игнорировать тот факт, что самые прекрасные вещи, по крайней мере в наше время, созданы американцами и европейцами. А теперь еще один фактор современной истории, казавшийся наименее понятным туркам, начал упорно

пробиваться к сознанию самых интеллигентных и прогрессивных из них. Появились лидеры, которые начали говорить о таких понятиях, как «конституционализм», «свобода», «самоуправление» и для которых Декларация независимости содержала некоторые истины, имевшие ценность даже для ислама. Эти смелые сердца стали мечтать о свержении автократии султана и замене этого безответственного правления парламентской системой. Я уже описывал подъем и упадок этого движения младотурок под руководством таких лидеров, как Талаат, Энвер, Джемаль и их соратников по партии «Единение и прогресс». Сейчас я хочу подчеркнуть, что это движение предполагало полную трансформацию турецкого менталитета, особенно в отношении к подданным. В реформированном Турецком государстве греки и сирийцы, армяне и евреи больше не должны были рассматриваться как грязные гяуры. Все эти народы должны были иметь равные права и равные обязанности. Сцены публичного братания, когда турки и армяне публично обнимались, что должно было свидетельствовать о полном и безусловном единстве некогда враждующих народов, были не редкостью. Турецкие лидеры, включая Энвера и Талаата, посещали христианские церкви и возносили благодарственные молитвы за новый порядок, шли на армянские кладбища, где роняли слезы над костями лежавших там армянских мучеников. Армянские священнослужители, в свою очередь, отдавали дань туркам в мусульманских мечетях. Энвер-паша посетил несколько армянских школ, где рассказал детям, что старые времена вражды между мусульманами и христианами прошли навсегда и отныне оба народа будут жить вместе, как братья и сестры. Находились циники, которые улыбались, глядя на эту показуху, но даже они в конце концов поверили, что наступил рай на земле. Весь период владычества только мусульманам было позволено носить оружие и служить в оттоманской армии. Считалось, что военное дело — занятие слишком мужское и почетное, чтобы его можно было доверить презренным христианам. И только теперь младотурки разрешили христианам взять в руки оружие и служить в турецкой армии наравне с мусульманами. Христиане, и

офицеры, и солдаты, сражались в Итальянских и Балканских войнах, заслужив высокую оценку турецких генералов за храбрость и мастерство. Армянские лидеры участвовали в движении младотурок; эти люди верили в возможность турецкой демократии. Они сознавали собственное интеллектуальное превосходство, понимали, что более трудолюбивы и работоспособны, чем ленивые турки. А значит, они могли процветать в составе Оттоманской империи, если, конечно, их оставят в покое; в то же время под управлением европейцев у них могли возникнуть трудности в силу конкуренции с более скрупулезными колонистами, появление которых было вполне вероятно. После свержения «Красного султана» Абдул-Хамида и установления конституционной системы армяне впервые за несколько веков почувствовали себя относительно свободными.

Но только, как я уже говорил, все эти благородные устремления растаяли, как сон. Задолго до начала европейской войны турецкая демократия приказала долго жить. Власть нового султана потерпела крах, так же как и надежды пустить Турцию по современному пути развития. У руля государства осталась группа лиц, возглавляемая Энвером и Талаатом. Растеряв свои демократические взгляды, эти люди заменили их новой национальной идеей, вместо демократического конституционного государства они возродили пантюркизм, вместо равного отношения ко всем жителям Оттоманской империи они решили создать государство для турок. Я назвал эту идею новой, хотя она была новой только для лиц, державших в тот момент в руках судьбу империи, а по сути она была попыткой возродить самые варварские идеи предков. Она представляла собой атавистический возврат к первобытным туркам. Мы увидели, что турецкие лидеры, говоря о свободе, равенстве, братстве и конституционализме, были не более чем детьми, повторявшими заученные фразы, что они использовали слово «демократия» только как лестницу, по которой можно взойти наверх — к власти. После пятисотлетнего контакта с европейской цивилизацией турок остался той же особью, которая в Средние века пришла из азиатских степей. Он так

же, как его далекие предки, цеплялся за идею государства, в котором хозяева имеют право грабить, порабощать и жестоко обращаться со всеми народами, которые они только смогут себе подчинить. Хотя Энвер, Талаат и Джемаль были выходцами из низов, они до мозга костей прониклись теми же фундаментальными идеями хозяина и раба, которые являлись основой государственной концепции первых султанов. Мы поняли, что конституция на бумаге, так же как показательные визиты в христианские церкви и на кладбища, не может искоренить врожденную предвзятую уверенность кочевнического племени в том, что на земле существует только два типа людей — завоеватели и завоеванные.

Когда турецкое правительство отменило режим капитуляции, освободив себя от доминирования иностранных держав, оно сделало только один шаг к осознанию пантюркистского идеала. Я уже ссылался на трудности, с которыми сталкивался в вопросе о христианских школах. Его намерение искоренить последние или, по крайней мере, преобразовать их в турецкие учебные заведения было просто еще одним моментом той же националистической направленности. Точно так же оно оказывало давление на руководство иностранных торговых-промышленных домов, принуждая использовать труд турок в ущерб служащим греческой, армянской и еврейской национальности. Все подобные учреждения они принуждали вести свою документацию только на турецком языке, тем самым обеспечивая большую занятость для турок и помогая им овладеть современными деловыми навыками. Оттоманское правительство даже отказалось иметь дело с представителем крупнейшего австрийского производителя военного снаряжения, если ими не будет взят турецкий партнер. У этих людей развилась настоящая мания в стремлении подавить все языки, кроме турецкого. В течение многих десятилетий французский язык был официальным языком для всех иностранцев в Константинополе, большинство же уличных указателей были двуязычными — на турецком и французском языках. Однажды утром удивленные иностранные граждане обнаружили, что названия улиц и дорожные указатели на француз-

ском языке исчезли, остались только выполненные странными турецкими символами, мало кому понятные. Это привело к хаосу, но власти отказались восстановить дорожные указатели на ненавистном им иностранном языке.

Новые лидеры не только вернулись к варварским идеям своих далеких предков, но и дошли до крайностей, которые не приходили в голову первым султанам. Властители XV и XVI веков относились к своим иностранным подданным как к грязи под ногами, но все же верили в их полезность и не считали ниже своего достоинства превращать их в рабов. Возглавляемый Талаатом и Энвером комитет «Единение и прогресс» решил отделаться от них вообще. Прежние турки-завоеватели превращали христиан в своих рабов, их выскочки-потомки усовершенствовали это правило, вознамерившись уничтожить христиан вообще и «тюркизировать» империю, полностью ликвидировав христианские элементы. Вообще-то такая концепция не была изобретением Талаата или Энвера, придумавший ее человек был одной из самых чудовищных фигур в истории — «Красным султаном» Абдул-Хамидом. Он вззошел на трон в 1876 году, в критический период турецкой истории. В первые два года своего правления он лишился Болгарии и важных провинций на Кавказе, последних оставшихся крупниц суверенитета в Монтенегро, Сербии и Румынии, реальной власти в Боснии и Герцеговине. Греция еще раньше стала независимой, да и процессы, итогом которых должно было стать избавление Египта от Оттоманской империи, уже начались. Ознакомившись с состоянием дел, султан не мог не признать, что день, когда все остальные его владения окажутся в руках неверных, уже недалек. Что вызвало распад обширной Турецкой империи? Действительная причина глубоко кроется в характере турка, но Абдул-Хамид видел лишь более очевидный факт: освобождение поработенным народам принесло вмешательство великих европейских держав. Из всех государств, образовавшихся из бывших султанских владений, только Сербия — честь ей за это и хвала — сама завоевала независимость. Всех остальных освободили Россия, Франция и Великобритания.

Естественно, то, что неоднократно происходило раньше, может произойти еще раз. В составе Оттоманской империи все еще остается народ, имеющий национальные устремления и национальный потенциал. В северо-восточной части Малой Азии, граничащей с Россией, находятся шесть провинций, в которых подавляющее большинство населения составляют армяне. Еще со времен Геродота эта часть Азии носила название Армения. Сегодняшние армяне — прямые потомки людей, населявших страну три тысячелетия назад. Их происхождение является настолько древним, что корни их теряются в веках, окутанные дымкой легенд и преданий. До сих пор сохранились клинописные тексты на каменных холмах Вана — крупнейшего армянского города. Некоторым ученым, хотя таких и немного, они дали основание идентифицировать армянскую расу с библейскими хеттами. Точно об армянах известно лишь одно: веками они являлись самым цивилизованным и трудолюбивым народом в восточной части Оттоманской империи. Спустившись с гор, они расселились по многим владениям султана и составили большой процент населения крупных городов. Они известны своим трудолюбием и умом, всегда вели честную и упорядоченную жизнь. Они настолько превосходят турок в интеллектуальном и моральном плане, что львиная доля турецкой промышленности и бизнеса со временем оказалась в их руках. Вместе с греками армяне составляют экономическую мощь империи. Эти люди стали христианами еще в IV веке и принадлежат армянской церкви, старейшей из существующих христианских церквей.

Перед лицом преследований, равных которым мир еще не знал, эти люди еще больше укрепились в своей христианской вере. На протяжении пятнадцати веков они жили в Армении, маленьком островке христианства, окруженном первобытными народами и враждебной религией. Их длительное существование было непрекращающимся мученичеством. Территория, на которой они жили, являлась связующим звеном между Европой и Азией, и все азиатские нашествия — сарацин, монголов, татар, курдов и турок — прокатились по этой

мирной, благополучной стране. В течение многих веков Армения была своего рода восточной Бельгией. Но армяне упорно считали себя не азиатами, а европейцами. Они говорят на индоевропейском языке, их предки, как считают ученые, были арийцами, и факт, что их религия является европейской, всегда заставлял их чаще обращать свои взоры на Запад. Они надеялись, что именно с Запада придет их спасение и поможет им освободиться от своих диких хозяев. И вот когда Абдул-Хамид в 1876 году обозревал свои изрядно уменьшившиеся владения, он понял, что самым опасным их участком является Армения. Он верил при этом, я не берусь судить о том, насколько он был прав, что армяне, как румыны, болгары, греки и сербы, хотят восстановить свое независимое в эпоху Средневековья государство, и знал, что Европа и Америка их поддержат. Берлинский договор, которым окончилась Русско-турецкая война, содержал статью, позволявшую европейским странам защищать армян. Как мог султан навсегда освободиться от этой опасности? Просвещенная администрация, которая сделала бы армян свободными людьми, не опасавшимися за свою жизнь и собственность, имевшими гражданские и религиозные права, вероятнее всего, превратила бы их в мирных и законопослушных граждан. Но султан не мог подняться до таких высот в искусстве управления государственными делами. Вместо этого Абдул-Хамид решил, что есть только один способ избавить Турецкую империю от армянской проблемы — избавить ее от армянского населения. Физическое уничтожение 2 миллионов мужчин, женщин и детей путем массовых убийств, организованных и направляемых государством, показалось ему единственным надежным способом предотвращения разрушения Турецкой империи.

И вот уже почти тридцать лет Турция демонстрирует миру, как можно управлять страной с помощью массовых убийств. Мы в Америке и Европе услышали об этих событиях, когда они достигли чудовищного размаха: в 1895—1896 годах было зверски убито почти 200 тысяч армян. На протяжении всех этих лет существование армян было одним непрекращающимся кошмаром. Их собственность отбирали, мужчин

убивали, женщин насиловали, девочек похищали и отдавали в турецкие гаремы. И все же Абдул-Хамид не смог добиться своей цели. Дай ему волю, он бы уничтожил весь армянский народ во время одной страшной оргии. Он попытался сделать это в 1895—1896 годах, но на пути к осуществлению его замыслов оказались непреодолимые препятствия, главными из которых были Англия, Франция и Россия. Зверства турок заставили уже 86-летнего Гладстона вернуться к публичной деятельности и произнести речь, в которой он называл султана «великим убийцей». Стало очевидно, что, если султан не откажется от своих планов, Англия, Франция и Россия обязательно вмешаются, и, если это произойдет, Турция лишится даже тех жалких остатков былой империи, которые у нее еще оставались. И Абдул-Хамид отказался от своего сатанинского плана убить целый народ, хотя армяне продолжали страдать от жесточайших преследований до начала европейской войны. Ни один день в армянских вилайетах не обходился без насилия и убийств. Режим младотурок, несмотря на обещания всеобщего братства, не принес передышки армянам. Через несколько месяцев после публичных изъявлений любви и показного братания, о которых я уже говорил, произошло одно из самых жестоких массовых убийств в Данае, в результате было уничтожено более 35 тысяч человек.

И теперь младотурки, взявшие на вооружение многие идеи Абдул-Хамида, сделали своей его армянскую политику. Их стремление «тюркизировать» нацию, по логике, требовало уничтожения всех христиан — армян, греков, сирийцев. Младотурки восхищались мусульманскими завоевателями XV—XVI веков, но, по собственной глупости, считали, что их великие предки совершили большую ошибку: они имели возможность полностью стереть с лица земли все христианское население, но не сделали этого. По мнению коллег Талаата и Энвера, это было роковой ошибкой и объясняет все современные беды Турции. Если бы первые мусульманские вожди, завоевав Болгарию, уничтожили всех болгар подчистую, а землю заселили турками-мусульманами, тогда бы уж точно не было современных болгарских проблем и Турции не при-

шлось бы отдавать часть своей территории. Точно так же, если бы еще в те далекие годы были уничтожены все румыны, сербы и греки, провинции, сегодня населенные этими народами, были бы неотъемлемой частью султанских владений. Конечно, ошибка была совершена ужасная, но что-то еще можно спасти. Надо уничтожить греков, сирийцев, армян и прочих христиан, переселить в их дома мусульманские семьи, и их территории никогда уже не будут отобраны у Турции. Чтобы осуществить эту великую реформу, вовсе не обязательно убивать каждого живущего христианина. Самых красивых и здоровых армянских девушек, например, можно оставить в живых, насильно обратить в мусульманство и сделать женами или наложницами преданных поклонников пророка. Их дети станут мусульманами автоматически и будут укреплять империю, как ее раньше укрепляли янычары. Армянские девушки всегда отличались особенной красотой и высоким интеллектом, и младотурки интуитивно понимали, что разбавление крови турок кровью армян окажет исключительно благотворное влияние на породу. Армянских мальчиков нежного возраста можно отбирать из семей и воспитывать как мусульман — они не знают и не узнают, что были христианами. Таковы были элементы, призванные внести ценный вклад в формирование новой Турции. Поскольку требовалось принять все необходимые меры, чтобы предотвратить появление нового поколения армян, следовало убить всех мужчин, способных к продолжению рода. Старики и старухи не представляли особой опасности для будущего Турецкой империи, потому что они уже выполнили свою естественную функцию, произведя на свет наследников. Однако, так как от них было много беспокойства, следовало уничтожить и их.

В отличие от Абдул-Хамида младотурки оказались в том положении, когда могли выполнить эту священную миссию. На пути их предков стояли Англия, Франция и Россия. Теперь этих препятствий не было. Младотурки, как я уже говорил, были уверены, что победили эти народы и те больше не станут вмешиваться в их внутренние дела. Возражать могла только одна держава — это была Германия. В 1898 году,

когда весь мир слушал обвинения Гладстона и требовал интервенции, кайзер Вильгельм II отправился в Константинополь, посетил Абдул-Хамида, украсил грудь этого кровавого тирана высокими наградами и поцеловал его в обе щеки. Кайзер, сделавший это в 1898 году, сидел на троне и в 1915 году, и теперь он был союзником Турции. Так впервые за два века в 1915 году христианское население Турции было оставлено на милость турок. Пришло время сделать Турцию истинно турецкой, страной только для турок.

Глава 23

«БУНТ» В ПРОВИНЦИИ ВАН

Турецкая провинция Ван располагается в дальнем северо-восточном уголке Малой Азии; на востоке она граничит с Персией, а на севере с Кавказом. Это одна из самых красивых и плодородных частей Турецкой империи, которая, кроме того, имеет богатейшую историю. Город Ван, столица вилайета, стоит на восточном берегу озера с одноименным названием, это один из самых крупных городов Малой Азии, и численность армянского населения в нем превышает численность мусульман. Осенью 1914 года его население, составлявшее около 30 тысяч человек, было мирным, счастливым и процветающим. Хотя в Ване, как и в других частях империи, где проживали армяне, случались периоды жестокого угнетения и резни, все же мусульманский гнет здесь был относительно легче. Турецкий губернатор Ташин-паша принадлежал к числу самых просвещенных турецких чиновников. Отношения между армянами, жившими в лучшей части города, и турками и курдами, занимавшими лачуги в мусульманских кварталах, в течение многих лет оставались вполне терпимыми.

Однако географическое положение этого вилайета неизбежно делало его театром военных действий, и население не могло чувствовать себя спокойным. Если Россия предпримет вторжение в Турцию, самый удобный маршрут пройдет

именно по этой провинции. Война еще только началась, когда появились поводы для недовольства. Реквизиции для нужд армии, как и везде, легли более тяжким бременем на христиан, чем на мусульман Вана. Армяне должны были спокойно стоять и смотреть, как турецкие офицеры забирают их скот, пшеницу и всевозможные необходимые товары, давая взамен лишь не имевшие никакой ценности клочки бумаги. Попытка всеобщего разоружения не могла не вызвать грозных предчувствий, которые еще более усилились из-за жестокого обращения с армянскими солдатами на Кавказе. С другой стороны, турки выдвигали много обвинений против христианского населения и возлагали на них большую часть вины за неудачи турецкой армии на Кавказе. Тот факт, что определенную часть вооруженных сил России составляли армяне, вызывал их неукротимую ярость. Поскольку около половины всех армян проживают в русских провинциях Кавказа и эти армяне, наравне с русскими, обязаны служить в армии, законных оснований для недовольства это не вызывает — ведь рекруты являются подданными русского царя. Однако турки утверждали, что большое число армянских солдат в Ване и других армянских провинциях дезертировали, перешли границу и присоединились к русской армии, а их знание дорог и рельефа местности стало важным фактором русских побед. И хотя неопровержимых фактов на этот счет в настоящее время нет, вовсе не представляется невероятным, что подобные дезертирства имели место, возможно, в количестве нескольких сотен или около того. В начале войны агенты «Единения и прогресса» появлялись в Эрзеруме и Ване и обратились к армянским лидерам с предложением отправиться в русскую Армению и попытаться начать революцию против русского правительства. Отказ турецких армян пойти на это вовсе не доставил удовольствия туркам. Турецкое правительство тут же заговорило о «предательском» поведении армян в Ване и даже выдвинуло его основанием для последующего преследования всего народа. Их отношение явилось еще одной иллюстрацией своенравия и извращенности турок. За тридцать лет они убили сотни тысяч армян, все это время насильствовали их

жен и дочерей, грабили и подвергали их самому жестокому обращению и при этом продолжали верить, что имеют право ожидать от них лояльности. То, что жившие в Турции армяне симпатизировали Антанте, ни для кого не было секретом. «Если вы хотите узнать последние новости о ходе войны, — было написано в армянской юмористической газете, — все, что вам нужно сделать, так это взглянуть в лицо армянину. Если он улыбается, значит, побеждают союзники, если же мрачен, значит, успех сопутствует немцам». Если оттоманский солдат-армянин дезертировал и перебежал к русским, строго говоря, это конечно же являлось преступлением против государства. Такой проступок должен бы быть наказуем по всем цивилизованным законам. Только турок и, возможно, еще юнкер — прусский аристократ-землевладелец мог рассматривать его как основание для чудовищного варварства, что теперь происходило повсеместно.

Осенью и зимой 1914/15 года казалось, что воздух наполнен предчувствием беды, но армяне вели себя удивительно сдержанно. Уже много лет турецкое правительство всячески провоцировало христианское население на совершение противоправных действий, после чего использовало эти действия как повод для массовых убийств. Армянские священнослужители и политические лидеры видели многочисленные свидетельства возврата турок к старой тактике, поэтому старались успокоить людей, предупредить их о необходимости контролировать каждый свой шаг, терпеливо сносить любые оскорбления и даже насилие, не давая мусульманам повода перейти к открытым действиям. «Даже если они сожгут несколько наших деревень, — говорили армянские лидеры, — воздержитесь от ответных действий. Пусть лучше погибнут немногие, чем весь народ».

Когда началась война, центральное правительство отозвало Ташин-пашу, умного и проникательного губернатора Вана, и заменило его Джевдет-беем, который был родственником Энвера, что было уже само по себе тревожно. Среди турецкого чиновничества всегда были люди, пусть и немногочисленные, которые не верили в массовые убийства как метода

государственной политики, и нельзя было быть уверенным в том, что они скрупулезно исполняют самые кровавые приказы центрального правительства. Поэтому, когда планировалась очередная бойня, обычно первым делом заменяли «утративших доверие» чиновников более надежными. А характер преемника Ташина делал эту замену еще более волнующей. Джебдет провел большую часть жизни в Ване и был человеком неуравновешенным: иногда проявлял дружелюбие к немусульманам, но чаще был враждебен, лицемерен и жесток — в лучших традициях своей расы. Он ненавидел армян и был всем сердцем за долгосрочный турецкий план решения армянской проблемы. Можно было не сомневаться, что он прибыл в Ван с заданием уничтожить всех армян, живших в провинции, но в первые месяцы ситуация не благоприятствовала осуществлению этого плана. Сам Джебдет отсутствовал — сражался с русскими на Кавказе, и близость врага подсказала туркам, что лучше воздержаться от жестокого обращения с армянами Вана. Но в начале весны русские временно отступили. Для побеждающей армии правильной считается военная тактика преследования отступающего врага. Однако в глазах турецких генералов отступление русских было весьма удачным поворотом войны, главным образом потому, что армяне лишились своих защитников, оставшись на милость турецкой армии. Вместо того чтобы преследовать отступающего противника, турецкая армия свернула в сторону и заняла собственную территорию — Ван. Вместо того чтобы сражаться с русскими мужчинами, турки обратили свое оружие против армянских стариков, женщин и детей. Повинуясь старой традиции, они раздали самых красивых армянских женщин мусульманам, разграбили и сожгли несколько деревень, все это время не переставая убивать. 15 апреля 500 молодых армян из Аканца собрали, чтобы объявить им волю султана. На закате их строем вывели из города и расстреляли. Эта процедура повторялась в каждой из восьмидесяти армянских деревень в районе к северу от озера Ван, в результате всего за три дня было убито более 24 тысяч армян. Один лишь эпизод показывает страшную порочность турецких методов. В местеч-

ке Шадак начались беспорядки. Джебдет-бей, который к этому времени уже успел вернуться в Ван, предложил четверем известным вокруг армянам отправиться в этот город и успокоить людей. Эти люди совершили утомительное путешествие, останавливаясь в каждой деревне и призывая армян соблюдать спокойствие и порядок. А потом их всех убили в деревне Курдиш.

Итак, когда Джебдет-бей по возвращении на свой официальный пост потребовал, чтобы Ван предоставил ему 4 тысячи солдат, люди, естественно, не стали спешить исполнить приказ. Если мы вспомним, что произошло ранее, то становится понятно, что ни у кого не возникло сомнений, с какой целью объявлен сбор. Джебдет, действуя в строгом соответствии с приказами из Константинополя, готовился полностью уничтожить армянское население. А убив 4 тысячи солдат, он ликвидировал бы возможных защитников стариков, женщин и детей. Армяне, чтобы выиграть время, начали переговоры и предложили Джебдету 500 солдат и деньги за освобождение от военной службы остальных. После этого Джебдет сразу заговорил о «бунте» и своем намерении подавить его «любой ценой». «Если бунтовщики сделают хотя бы один выстрел, — сказал он, — я убью каждого христианского мужчину, женщину и (указывая на расстояние от земли до своих коленей) ребенка ростом до сих пор». В течение некоторого времени турки рыли окопы вокруг армянского поселения, наводняя их солдатами. В ответ на это армяне начали готовиться к обороне. 20 апреля банда турецких солдат захватила нескольких армянских женщин, двое мужчин побежали им на помощь и были застрелены. Турки открыли огонь по армянским кварталам из винтовок и артиллерии, и вскоре значительная часть города была охвачена пламенем. Началась осада. Армянская «армия» состояла всего лишь из 1500 человек, на всех имелось 300 винтовок, но почти не было патронов. У Джебдета было 5 тысяч человек, отлично вооруженных и экипированных. Так что, хотя армяне сражались не на жизнь, а на смерть, у них практически не было шансов долго сдерживать натиск турок. Только одно придавало им силы: они знали, что к Вану идет

русская армия, и надеялись продержаться до ее прибытия. Я не пишу о военной истории, об осадах и сражениях, поэтому не описываю в деталях бесчисленные акты личного героизма, помощь армянских женщин и детей, самоотверженные действия американских миссионеров — доктора Ашшера, его жены мисс Грейс Нап и других, а также тысячи других моментов, которые сделали этот ужасный месяц одной из самых славных страниц в современной армянской истории. Самое удивительное то, что армяне выстояли! После пяти недель непрерывных боев появилась русская армия и турки бежали, чтобы выместить свой гнев на других армянских крестьянах. Американский доктор Ашшер, госпиталь которого в Ване был уничтожен обстрелом, засвидетельствовал, что после бегства турок русские собрали и сожгли 55 тысяч тел убитых армян.

Я рассказал о «бунте» в Ване не потому, что он знаменует первый этап организованной попытки уничтожить целую нацию, а потому, что именно этими событиями турки обычно оправдывают свои последующие преступления. Далее вы узнаете, что при каждом моем обращении к Талаату, Энверу и прочим чиновникам по поводу положения армян они моментально приводили «бунтовщиков» Вана как пример измены армян. А ведь «бунт», как показывает мой рассказ, был всего лишь стремлением армян спасти свою жизнь и честь своих женщин, после того как турки, уничтожив тысячи их соседей, продемонстрировали, какая судьба их ожидает.

Глава 24

УНИЧТОЖЕНИЕ НАЦИИ

Уничтожение армян как нации в 1915 году вызвало определенные трудности, которых не было во время избиений, устраиваемых турками в 1895 году и в другие годы. В тот ранний период армяне не располагали достаточной мощью или средствами сопротивления. В те дни армянам не разрешалось проходить военное обучение, служить в турецкой армии или носить оружие... В начале 1915 года в каждом турецком горо-

де были тысячи армян, которые прошли военное обучение в качестве солдат, имели ружья, пистолеты и другое оружие для самозащиты. События в Ване еще раз показали, что эти люди могут с успехом применять свое оружие... Для того чтобы план уничтожения нации мог иметь успех, должны были быть предварительно сделаны два шага: во всех крупных и небольших городах необходимо было лишить всех армянских солдат средств защиты и изъять у них уже имевшееся оружие. Прежде чем уничтожить армян, нужно было их обезоружить.

В начале 1915 года армянские солдаты в турецкой армии получили новый статус. До этого времени большинство из них было строевиками, но теперь у них отобрали оружие, и они были превращены в рабочих. Они вдруг обнаружили, что теперь вместо того, чтобы служить... в качестве артиллеристов и кавалеристов, их стали использовать как вьючных животных.

На них легла вся тяжесть поставок для армии, и, шатаясь под тяжестью груза, подгоняемые плетками и штыками турок, они должны были, преодолевая усталость, с трудом тащиться в горы Кавказа. Иногда им, обремененным своей ношей, приходилось прокладывать свой путь через снег, который с головой закрывал их. Фактически они были вынуждены все время находиться на открытом воздухе и спать на голой земле, если их надсмотрщики, непрерывно будившие их уколами штыка, не лишали их и этой возможности. Их кормили только отбросами; если они от слабости не могли подняться, то их оставляли там, где они лежали, а их турецкие притеснители задерживались, конечно, только для того, чтобы украсть вещи — брали даже одежду. Если кому-либо из оставших в пути солдат удавалось добраться до места назначения, то их не убивали только в редких случаях. Чаще всего, однако, армянских солдат убивали значительно раньше, ибо стало обычной практикой хладнокровно расстреливать их. Почти во всех случаях придерживались одной и той же процедуры. То здесь, то там собирали партии в 50—100 человек, связывали их вместе по 4 человека и затем уводили в уединенное место неподалеку от селения. Внезапно воздух сотрясался от звуков ружейных выстрелов, и турецкие сол-

даты, сопровождавшие их, вскоре возвращались в лагерь. Те, кого посылали хоронить трупы убитых, находили их почти всегда совершенно голыми, так как турки, как правило, снимали с них всю одежду. В некоторых известных мне случаях убийцы усугубляли страдания своих жертв тем, что заставляли их перед расстрелом рыть себе могилы.

Разрешите мне сослаться на эпизод, содержащийся в одном из докладов наших консулов и вошедший в отчеты Государственного департамента США. В начале июля 2 тысячи армянских «амеле» — так турки называют солдат, которые были превращены в рабочих, — направили из Харберда на строительство дорог. Армяне, жители этого города, поняли, что это означает, и обратились к губернатору с просьбой пощадить солдат. Но этот чиновник заявил, что они могут не беспокоиться; он даже попросил германского миссионера господина Эхемана рассеять панику, дав ему честное слово, что бывшие солдаты будут иметь защиту. Господин Эхеман поверил губернатору и рассеял опасения народа. Но в действительности все эти 2 тысячи человек были убиты, а их тела брошены в пропасть. Убежало только несколько человек, и благодаря им весть об этой резне стала известна миру. Через несколько дней после этого в Диарбекир были отправлены еще 2 тысячи солдат. Единственной целью отправки этих людей за пределы населенных пунктов было их убийство. Для того чтобы у них не оставалось сил для сопротивления или для бегства, этих бедных людей подвергали систематическому голоду. Агенты правительства опережали эти партии, извещая курдов о том, что караван приближается, и приказывая им выполнить возложенную на них задачу... По всей Турции предпринимались усилия по планомерному истреблению всех здоровых мужчин не только для того, чтобы уничтожить все мужское население, способное воспроизвести новое поколение армян, но также и для того, чтобы сделать эту часть населения беззащитной.

Как бы ужасны ни были эти убийства безоружных солдат, они были гораздо милосерднее жестокого обращения с армянами, подозреваемыми в укрывании оружия. Естественно, что

христиане были встревожены, когда в селениях и городах вывесили приказы с требованием сдать властям по месту жительства все имевшееся оружие. Хотя этот приказ и распространялся на всех жителей, армяне прекрасно понимали, что может произойти, если они останутся безоружными в соседстве с мусульманами, которым разрешат оставить при себе оружие. Во многих случаях, однако, преследуемые гонениями люди послушно выполнили приказ, а затем турецкие власти почти радостно демонстрировали эти ружья как доказательство того, что готовился «бунт», и бросили свои жертвы в тюрьму по обвинению в государственной измене. Тысячи людей не смогли принести оружие просто потому, что у них его не было; в то же время еще большее число людей упорно отказалось сдать оружие не потому, что они замыслили бунт, а потому, что намеревались защищать свою жизнь, а также честь своих жен от посягательств, которые, как им было известно, уже готовились. Наказания, которым подверглись эти непокорные, составляют одну из наиболее отвратительных глав современной истории. Большинство из нас полагает, что пытка давно уже перестала быть административной или судебной мерой, но я не думаю, чтобы в самые мрачные эпохи наблюдались более ужасные сцены, чем те, которые теперь имели место во всей Турции. Для турецких полицейских не существовало ничего святого; под предлогом поисков спрятанного оружия они врываются в церкви, крайне пренебрежительно обращались с алтарями и священной утварью и даже устраивали пародийные церемонии с имитацией христианских таинств. Они избивали священников до бесчувствия, обвиняя их в том, что те являются зачинщиками мятежа. Когда полицейским не удавалось обнаружить оружие в церквях, они иногда вооружали епископов и священников ружьями, пистолетами и саблями, а затем предавали их военному суду якобы за незаконное хранение оружия, причем в таком виде этих людей водили по улицам с явной целью вызвать фанатический гнев толпы. С женщинами полицейские обращались так же жестоко и непристойно, как и с мужчинами. Описываются случаи, когда женщин, обвиняемых в укрывании оружия, раздева-

ли догола и били только что срезанными с дерева прутьями, причем этому наказанию подвергались даже беременные женщины. Эти поиски оружия так часто сопровождалось надругательствами над женщинами, что армянские женщины и девушки при приближении полицейских обычно убегали в леса, прятались в горах или в горных пещерах.

Прелюдией к этим поискам, во всех селениях и городах, являлся арест и заключение в тюрьму всех здоровых мужчин. Их мучители проявляли дьявольскую изобретательность, пытаясь заставить свои жертвы объявить себя «бунтовщиками» и указать место, где спрятано оружие. Обычно пленника помещали в комнату, где по обе стороны от него становилось по два турка. Истязания начинались с ударов по пяткам. Эта форма истязаний до сих пор была неизвестна на Востоке; она заключается в ударах тонким прутом по подошвам ног. Сначала боль незначительна, но, так как процесс избиения методично продолжается, она переходит в ужаснейшее страдание, ступни распухают и горят, как от огня, и нередки случаи, когда после такой пытки их приходится ампутировать. Полицейские бьют свою жертву-армянина по пяткам до тех пор, пока он не потеряет сознание; затем, прыскавая водой в лицо, они приводят его в чувство и снова продолжают пытку. Если им не удавалось таким образом заставить свою жертву сознаться, то они применяли другие многочисленные методы истязаний. Они выдергивали брови и бороду, ногти, жгли грудь докрасна раскаленным железом, вырывали куски мяса раскаленными щипцами, а затем поливали раны горячим маслом. В некоторых случаях полицейские прибивали гвоздями руки и ноги к кускам дерева, очевидно имитируя распятие Христа, и в то время, как их жертвы корчились в муках, кричали им: «Пусть теперь твой Христос придет и поможет тебе».

Эти и другие жестокости, от описания которых я воздерживаюсь, обычно совершались в ночное время. Турки располагались вокруг тюрем, били в барабаны и свистели, чтобы до жителей селений не доходили вопли страдающих людей.

В тысячах случаев армяне терпели эти мучения и отказывались сдать свое оружие просто потому, что им нечего было

сдавать. Однако они не могли убедить в этом своих мучителей. Поэтому для армян стало обычаем накануне обысков покупать оружие у своих соседей-турок с тем, чтобы сдать его властям во избежание столь страшных наказаний.

Однажды по поводу происходящего я имел беседу с одним ответственным чиновником-турком, который рассказал мне о применяемых пытках. Он не скрывал, что правительство одобряет их, и, как и все турки из правящего класса, сам горячо одобрял такое обращение с ненавистным ему народом. Этот чиновник сказал, что все подробности пыток обсуждались на ночном заседании в штаб-квартире комитета партии «Единение и прогресс». Каждый новый метод причинения боли расценивается как превосходное открытие, и чиновники постоянно ломают голову над тем, чтобы изобрести какую-нибудь новую пытку. Он рассказал мне, что они даже обращались к отчетам испанской инквизиции и других исторических учреждений, касающихся истязаний, и перенимали все, что находили там. Он не сказал мне, кому досталась награда в этом ужасном состязании, но прочная репутация, которую завоевал себе по всей Армении Джевдет-бей, вали Вана, о деятельности которого в этом районе я уже рассказывал, дает ему право на превосходство в невиданной подлости. По всей стране Джевдет был известен как «подковщик из Башкале», так как этот знаток по части пыток изобрел то, что, конечно, было шедевром, лучшим из всего известного ранее: именно он подбивал лошадиные подковы к ступням своих жертв-армян.

Но все же эти случаи были лишь частью того, что газеты обычно называли армянскими ужасами; они являлись только подготовительными шагами в деле уничтожения нации.

Младотурки проявили большую изобретательность, чем их предшественник Абдул-Хамид. Свергнутый султан просто приказывал «убивать, убивать», в то время как турецкая демократия действовала по совершенно новому плану. Вместо неприкрытой резни армян они решили выслать их. На юге и юго-востоке Оттоманской империи находятся Сирийская пустыня и Месопотамская долина. Хотя часть этой местности

была некогда районом процветающей цивилизации, за последние пять веков все пришло здесь в упадок, что вообще являлось жребием любой страны, подпавшей под турецкое владычество; теперь здесь простиралась безлюдная пустыня без городов и селений или каких-либо иных признаков жизни... Только самые усердные рабочие, потратив много лет, могли бы превратить эту пустыню в место, пригодное для постоянного обитания сколько-нибудь значительного числа людей. Центральное правительство объявило теперь о своем намерении собрать более 2 миллионов армян из нескольких областей империи и перевезти их в этот заброшенный и негостеприимный район. Даже если бы оно предприняло такое переселение с добрыми намерениями, то и это явилось бы верхом жестокости и несправедливости. Но дело в том, что турки никогда и не думали о том, чтобы позволить армянам наладить жизнь в этой новой стране. Они знали, что подавляющее большинство их ни за что не достигнет пункта своего назначения, а те, кто достигнет его, либо умрут от жажды и голода, либо будут убиты дикими исповедующими ислам племенами. Истинной целью депортации было ограбление и уничтожение; это действительно являлось лишь новым методом резни. Когда турецкие власти отдавали приказ об этих высылках, они фактически выносили смертный приговор целому народу; они это прекрасно понимали и в разговорах со мной не делали особых попыток скрыть этот факт. Высылка происходила в течение всей весны и лета 1915 года. Она не коснулась только больших городов — Константинополя, Смирны и Алеппо; все же другие места, где имелась хоть одна армянская семья, стали ареной неопикуемых трагедий. Едва ли были сделаны исключения хотя бы для одного армянина, независимо от его образования, благосостояния или классовой принадлежности. В некоторых селениях за один или два дня до высылки вывешивались приказы, обязывающие все армянское население явиться в определенное место в назначенный час, а в других местах городской глашатай проходил по улицам и зачитывал приказ. В некоторых местах не делалось ни малейшего предупреждения об этом.

Перед домом армян появлялись полицейские и приказывали всем его обитателям следовать за ними. Женщин, занятых своей домашней работой, уводили, не давая им возможности переодеться. Полиция появлялась перед ними так же неожиданно, как было неожиданным извержение Везувия для Помпеи. Женщины отрывались от корыт, детей выгоняли прямо из постели, в печи оставался недопеченный хлеб, обед семьи — незаконченным, дети забирались прямо из школьного класса, оставив учебники открытыми, мужчины были вынуждены бросать свои плуги посреди поля и оставлять скот в горах. Даже женщин, только что родивших, заставляли вставать с постели и идти с новорожденными детьми на руках. Из своих домашних пожитков люди успевали второпях захватить с собой лишь шаль, одеяло и, возможно, немного пищи. На их неистовые вопрошания «Куда мы идем?» жандармы достаивали их только одним ответом: «Во внутренние области страны».

В некоторых случаях выселенцам давалось несколько часов и в исключительных случаях — несколько дней для того, чтобы распорядиться своим имуществом и домашними вещами. Но то, что происходило после этого, сводилось к открытому грабежу. Они могли продать вещи только туркам, и поскольку как покупатель, так и продающий знали, что накопленное за всю жизнь добро должно быть продано за один или два дня, то продажа происходила по ценам, составляющим лишь небольшую долю настоящей стоимости вещей. Швейная машина продавалась за 1 или 2 доллара, корова — за 1 доллар, мебельровка всего дома — за скудные гроши. Во многих случаях армянам запрещалось продавать, а туркам покупать даже по этим смехотворно низким ценам под тем предлогом, что правительство якобы намеревается продать эти домашние вещи, чтобы заплатить кредиторам армян. Их мебель перевозилась на склады или выставлялась в публичных местах, где расхищалась турками. Правительственные чиновники предупреждали армян, что, поскольку депортация является временной мерой и они по окончании войны вернутся обратно, им не разрешается продавать свои дома. Но не успевали бывшие хозяева до-

мов покинуть селение, как в их квартиры вселялись магометане-переселенцы из других областей Турции. Аналогичным образом все ценные вещи армян — деньги, кольца, часы и драгоценности — забирались полицией якобы для «надежного хранения» до возвращения их хозяев, а затем распределялись между турками. Но этот грабеж причинял высланным сравнительно меньше страданий, ибо им приходилось видеть гораздо более ужасные и душераздирающие вещи. Систематическое истребление мужчин продолжалось. Уничтожению подвергались и те мужчины, которые уцелели во время предыдущих казней, о чем речь шла выше. Установилась практика, когда еще до отправления каравана юношей отделяли от своих семей, связывали вместе по четыре человека, уводили на окраины селения и там расстреливали. Бесперерывно происходили массовые казни без суда; единственная вина этих жертв заключалась в том, что они армяне. Особую страсть проявляли полицейские в уничтожении образованных и влиятельных людей. Я бесперерывно получал сообщения о таких казнях от американских консулов и миссионеров, и многие события, которые они описывали, никогда не изглаживаются из моей памяти. В Ангоре все мужчины-армяне в возрасте от 15 до 70 лет были арестованы, связаны по 4 человека и уведены по дороге в направлении Кесарии. Когда через пять-шесть часов они достигли уединенной долины, на них напала толпа... с дубинами, молотками, топорами, косами, лопатами и пилами. Упомянутые инструменты не только способствовали более мучительной смерти, чем ружья и пистолеты, но, как хвастались сами турки, были более приемлемыми со стороны экономичности, ибо отпадала необходимость тратить порох и пули. Таким способом они уничтожили все мужское население Ангоры, включая богатых и образованных мужчин, а их страшно изуродованные тела были оставлены в долине на пожирание диким зверям... В Трапезунде мужчины были посажены в лодки и отправлены в Черное море. С ними в лодках были полицейские, которые расстреливали их, а трупы сбрасывали в воду.

Поэтому, когда давали сигнал к отправлению караванов, почти всегда они состояли исключительно из женщин, детей

и стариков. Всякий, кто захотел бы спасти их от ожидавшей участи, был бы убит на месте. Когда караван отправлялся в путь, глава города нередко иронически желал им «приятного путешествия». Иногда до отправления каравана женщинам предлагали принять магометанскую веру. Но даже в тех случаях, когда некоторые соглашались на это, их земные мучения не заканчивались. Вновь обращенную принуждали отдать своих детей в так называемый «мусульманский приют» и в доказательство искренности своего перехода в другую веру согласиться с тем, чтобы они обучались там. От нее требовалось также, чтобы она вышла замуж за мусульманина. Если никто из магометан не предлагал ей замужества, то ее отправляли в изгнание, независимо от принятия ею ислама... Караваны этих несчастных двинулись из тысяч армянских городов и селений, запрудив все дороги, ведущие на юг; по мере продвижения они оставляли за собой огромное облако пыли и брошенные остатки вещей: стулья, одеяла, постельное белье, домашнюю утварь и другие мешающие им вещи, как бы отмечающие их путь. Когда караваны только начали движение, люди еще приходили на человеческие существа, но через несколько часов дорожная пыль покрывала их лица и одежду, грязь облепляла их ноги, и медленнодвигающаяся толпа людей, зачастую согнутых от усталости или сошедших с ума от жестокости их «защитников», напоминала разновидность каких-то новых и странных животных. В течение всех шести месяцев — с апреля до октября 1915 года, — наиболее удобных для передвижения, все дороги Малой Азии фактически были заполнены этими ужасными толпами изгнанных. Их можно было видеть в долинах, в горах, шагающими неведомо куда, понимающими только, что любая дорога ведет их к смерти. В ужасных обстоятельствах, о чем подробно было рассказано выше, армянское население покидало селение за селением, город за городом. Насколько нам удалось установить, за шесть месяцев в это ужасное путешествие в Сирийскую пустыню отправилось около 1,2 миллиона человек.

«Молитесь за нас, — говорили они, покидая свои очаги, в которых жили их предки еще около 2500 лет тому назад. —

В этом мире мы больше не увидимся, но встретимся когда-нибудь. Молитесь за нас!»

Не успели армяне покинуть свои родные селения, как начались новые мучения. Дороги, по которым им пришлось идти, были немного шире тропинки для осла, и то, что несколько часов назад было подобием стройной процессии, превращалось в беспорядочную толпу людей. Женщины были отделены от своих детей, а мужья — от жен. Старики вскоре потеряли связь со своими семьями и, быстро устав, натрудили ноги. Турки — кучера воловьих повозок путем вымогательства за получили последние деньги своих нанимателей, неожиданно высаживали их и, сбрасывая пожитки на дорогу, возвращались в свои селения за другими жертвами. Таким образом, за короткое время фактически все — и молодые, и старики — были вынуждены идти пешком. Жандармы, которых правительство приставило якобы для защиты высланных, через несколько часов становились их мучителями. Они шли за своими жертвами с обнаженными штыками, подгоняя ими любого, кто проявлял намерение замедлить шаг, а тех, кто пытался отдохнуть или падал от усталости на дороге, с безграничной жестокостью принуждали догонять двигающуюся толпу. Они кололи штыком даже беременных женщин; если некоторые из них, как это часто случалось, рожали на дороге, их заставляли немедленно вставать и двигаться дальше...

Жестокость полицейских возрастала, видимо, потому, что путешествие затягивалось, казалось, они возмущались тем, что часть их жертв еще остается в живых.

Часто полицейские убивали штыком любого, кто падал на дороге. Армяне умирали сотнями от голода и жажды. Даже когда они подходили к рекам, жандармы не разрешали им пить, чтобы помучить их. Горячие солнечные лучи пустыни обжигали их полуобнаженные тела, а их босые ноги так болели от горячего песка пустыни, что тысячи людей падали и умирали на месте или были убиваемы там, где падали. Таким образом, через несколько дней то, что было процессией нормальных человеческих существ, превратилось в бредущие толпы покрытых пылью скелетов, жадно ищущих пищу, съедающих

любые отбросы, которые попадались им по пути, сошедших с ума от тех ужасов, которыми был полон каждый час их существования, страдающих всеми болезнями, какими сопровождаются подобные трудности и лишения, но все еще подгоняемых плетками, прикладами и штыками своих мучителей.

По мере своего продвижения они оставляли позади себя другой караван — караван мертвых и непохороненных трупов стариков и женщин, умерших в последней стадии тифа, дизентерии и холеры, маленьких детей, лежащих на спине и исторгающих свой последний жалкий вопль о пище и воде. Некоторые женщины протягивали своих детей незнакомым людям, умоляя взять их и спасти от мучителей, и, получив отказ, бросали их в колодцы или оставляли в кустарниках, чтобы иметь таким образом возможность, по крайней мере, спокойно умереть. Девушки продавались в рабство, зачастую примерно за 8 центов... Цепь лагерей, переполненных больными и умирающими людьми, лежащими вперемешку с непохороненными или наполовину захороненными трупами, — вот чем был отмечен путь движущихся толп. За ними постоянно следовали летящие в воздухе стаи стервятников и одичавшие собаки, которые вместе со стервятниками накидывались на трупы умерших. Наиболее страшные сцены происходили у рек, особенно у Евфрата. Иногда при переправе полицейские сталкивали женщин в воду, расстреливая всех, кто, плывя к берегу, пытался спастись. Часто женщины спасали свою честь, с детьми на руках бросаясь в реку. Я приведу место из отчета консула: «В последнюю неделю июня из Эрзерума были отправлены в изгнание последовательно несколько партий, и большинство этих людей было убито по дороге; их либо расстреляли, либо утопили. Мадам Заруи, пожилая богатая дама, сброшенная в Евфрат, спаслась, уцепившись за подводный камень. Ей удалось добраться до берега, вернуться в Эрзерум и спрятаться там в доме своих друзей-турок. Она рассказывала князю Аргутинскому, представителю Всероссийского союза городов в Эрзеруме, что не может вспоминать без содрогания, как сотни детей были заколоты штыками турок и брошены в воды Евфрата и как мужчины и женщины, разде-

тые догола и связанные вместе по сотням, были расстреляны и сброшены в реку. Она рассказала, что в одном месте около Ерзнка, там, где Евфрат делает поворот, тысячи трупов образовали некое подобие плотины, так что река отклонилась от своего русла примерно на сто метров».

Абсурдными являются заверения турецкого правительства о том, что оно якобы серьезно намеревалось переселить армян на новые места; характер обращения с конвоируемыми ясно показывает, что истинной целью Энвера и Талаата было уничтожение армян. Сколько людей из переселяемых на юг достигло пункта своего назначения в таких возмутительных условиях? Пример одного каравана показывает, как продуманно этот план депортации был преобразован в план уничтожения. Сообщения о подробностях, о которых идет речь, были получены мной непосредственно от американского консула в Алеппо, и эти документы находятся теперь в Государственном департаменте в Вашингтоне. 1 июня из Харберда вышла конвоируемая партия из 3 тысяч армян, главным образом женщин, девушек и детей. Следуя своей обычной практике, правительство направило с ними эскорт из 70 жандармов под командой турецкого бая.

Практика уже показала, что эти полицейские вѐли себя отнюдь не как защитники высланных, а скорее как их мучители и палачи. Не успел караван тронуться в путь, как бей собрал у высланных 400 лир якобы для того, чтобы надежнее оберегать их до прихода в Малатию; отняв у них единственное, что могло обеспечить им пищу в дороге, он сбежал, оставив их на произвол полицейских.

На всем пути до Рас-ул-Айна, который стал первой остановкой на багдадской линии, жизнь этих несчастных высланных была сплошным ужасом. Впереди каравана ехали полицейские, предупреждавшие полудикие горные племена о том, что приближаются несколько тысяч армянских женщин и девушек. Девушек начали похищать... На караван нападали горцы, которые насиловали, убивали женщин, причем к этой дикой оргии присоединились сами полицейские. Несколько мужчин из каравана один за другим были убиты...

Наконец, пресытившись за тридцать дней грабежами, побоями, насилием и убийствами своих жертв, полицейские совсем покинули их. Через два дня на эту партию напали курды и согнали вместе всех оставшихся в живых мужчин, которых оказалось около 150 человек в возрасте от 15 до 90 лет; их сразу же увели в сторону и перебили всех до одного. Но в тот же самый день к партии, шедшей из Харберда, присоединилась другая партия из Себастии, увеличив тем самым численность каравана до 18 тысяч человек...

В течение следующих пяти дней они не видели ни кусочка хлеба и ни капли воды. «Сотни людей умерли по дороге, — говорится в отчете, — их языки стали похожими на кусочек древесного угля, и, когда через пять дней они подошли к источнику, естественно, вся партия кинулась к нему. Но здесь полицейские, преградив им путь, не дали возможности выпить хотя бы каплю воды. Они намеревались продавать воду по цене от одной до трех лир за чашку, а иногда, получив деньги, отказывались давать воду. В другом месте, где были колодцы, женщины бросались прямо в колодцы, так как не было веревки или ведра, чтобы зачерпнуть воду. Они тонули в колодцах, и, хотя их трупы оставались там, люди все же пили воду из этих колодцев... Когда эти люди, совершенно нагие, шли мимо одного арабского селения, арабы, сжалившись над ними, дали им обрывки старой одежды, чтобы они могли прикрыть свою наготу. Некоторые из высланных, у которых еще были деньги, покупали себе кое-какую одежду, но все же многие голыми прошли весь путь до города Алеппо. Бедные женщины, стыдясь своей наготы, едва могли идти: все они шли согнувшись вдвое».

На семнадцатый день эти бедные создания достигли Алеппо. Из объединенного каравана в 18 тысяч человек пункта своего назначения достигли только 150 женщин и детей. Некоторые наиболее привлекательные из оставшихся в живых стали пленницами курдов и турок, все же остальные погибли.

Я рассказал отнюдь не самые ужасные подробности, так как полное описание этих оргий садистов, жертвами которых явились армяне мужчины и женщины, никак не может быть

опубликовано в каком-либо американском издании. Этот несчастный, обреченный народ ежедневно испытывал на себе все преступления, какие только может изобрести извращенный инстинкт человеческого ума, и все утонченные пытки и мучения, какие только может себе представить самое богатое воображение. Я уверен, что во всей истории человечества нет такого числа ужасающих фактов. Великие избиения и гонения, наблюдавшиеся в прошлом, кажутся почти ничтожными по сравнению со страданиями армянского народа в 1915 году. Резня альбигойцев в начале XIII века всегда считалась одним из самых печальных событий в истории. Во время этой вспышки фанатизма было убито около 60 тысяч человек. В Варфоломеевскую ночь лишилось жизни около 30 тысяч человеческих созданий. Во время «Сицилийской вечерни», которая всегда фигурирует как одна из наиболее жестоких вспышек насилия, было уничтожено 8 тысяч человек. Целые тома написаны об испанской инквизиции времен Торквемады, и все же за восемнадцать лет его пребывания у власти было казнено не многим более 8 тысяч еретиков. Возможно, что депортация армян более всего напоминает лишь одно событие — это изгнание евреев из Испании Фердинандом и Изабеллой. Согласно Прескотту, из своих домов были изгнаны и рассеяны по всей Африке и Европе 160 тысяч человек. Однако все эти гонения кажутся незначительными в сравнении со страданиями армян, среди которых было уничтожено по меньшей мере 600 тысяч, а возможно, и 1 миллион человек.

Если внести некоторые изменения в изложенное здесь об армянах, мы получили бы истории греков и сирийцев. В действительности греки были первыми жертвами националистической идеи. Я уже описывал, как за несколько месяцев до начала европейской войны османское правительство начало переселять турецкоподданных греков с побережья Малой Азии... В течение трех или четырех месяцев более 100 тысяч греков были выселены из мест, где они жили столетиями, и переселены на побережье Средиземного моря, а оттуда на греческие острова и во внутренние области страны... Возможно, вследствие того, что цивилизованный мир не протестовал

против этих переселений, турки впоследствии решили применить тот же метод, но в еще больших масштабах, не только к грекам, но и к армянам, сирийцам, несторианцам и к представителям других подвластных им народов. Действительно, Бедри-бей, префект полиции Константинополя, сам рассказывал одному из моих секретарей, что они решили применить подобный метод ко всем другим народам империи...

Глава 25

ТАЛААТ ОБЪЯСНЯЕТ, ПОЧЕМУ ОН ДЕПОРТИРУЕТ АРМЯН

Это было незадолго до того, как история об армянских зверствах во всех своих ужасающих деталях достигла американского посольства. В январе и феврале начали поступать отдельные обрывочные сообщения, но в первое время считалось, что все это является продолжением беспорядков, в течение многих лет будораживших армянские провинции. Когда появились сообщения из Урумийи, и Энвер, и Талаат отмахнулись от них, назвав преувеличениями. Когда же мы впервые услышали о беспорядках в Ване, они заявили, что речь идет о восстании толпы и очень скоро ситуация окажется под контролем. Теперь я понимаю, что в те первые месяцы турецкое правительство было преисполнено решимости как можно дольше держать эти факты в тайне от внешнего мира. Они хотели, чтобы Европа и Америка услышали об уничтожении армянского народа, уже когда все будет кончено. А поскольку турки в первую очередь старались держать в неведении именно Соединенные Штаты, то, обсуждая проблемы со мной и моим персоналом, они прибегали к самым беззастенчивым уклонениям и уваливаниям.

В начале апреля власти арестовали около 200 армян в Константинополе и выслали их в глубь страны. Многие из тех, кто был депортирован в те дни, являлись видными деятелями социальной и финансовой сфер, образования и промышленно-

сти. Большую часть этих людей я знал и потому живо интересовался их судьбами. Но когда я заговорил о них с Талаатом, он ответил, что правительство действовало в порядке самозащиты. Армяне в Ване показали себя активными бунтовщиками. Было известно, что высланные жители Константинополя вели переписку с русскими, и имелись все основания опасаться, что они начнут восстание против центрального правительства. Поэтому самым безопасным планом представлялась отправка их в Ангору и другие города внутри страны. Талаат категорически отрицал, что это часть некоего общего плана освобождения города от армянского населения, и утверждал, что основную часть армян в Константинополе никто не беспокоит.

Только вскоре из внутренних частей страны стали приходиться весьма специфические и чрезвычайно тревожные сообщения. Вывод флота союзников из Дарданелл положил начало резкому изменению обстановки. И до тех пор существовали многочисленные признаки того, что в армянских провинциях не все хорошо. Когда же стало совершенно ясно, что традиционные друзья армян — англичане, французы и русские — не смогут прийти им на помощь, маски были сброшены. В апреле меня неожиданно лишили привилегии использования шифра для связи с американскими консулами. Письма начали подвергаться жесточайшей цензуре. Такие меры могли означать только одно: в Малой Азии происходило то, что власти были намерены любой ценой скрыть. Но в этом они не преуспели. Несмотря на всяческие препятствия, чинимые путешественникам, некоторые американцы, главным образом миссионеры, проникали в запретные районы. Потом они часами сидели в моем кабинете и, не в силах сдержать слезы, рассказывали об ужасах, через которые им довелось пройти. Некоторых из этих людей, и мужчин и женщин, сцены, которым они стали свидетелями, довели до нервного расстройства. Во многих случаях они привозили с собой письма от американских консулов, подтверждавшие самое страшное из их рассказов и добавлявшие еще множество непечатных подробностей. Сущность всех этих сообщений из первых рук заклю-

чалась в следующем: крайняя жестокость и злодейство турок, постоянно проявлявшиеся на протяжении веков, на этот раз превзошли себя. Мне сказали, что существовала только одна надежда спасти почти 2 миллиона человек от кровавой расправы и голода — это моральный авторитет Соединенных Штатов. Люди обреченной нации объявили, что, если американский посол не сможет остановить турок, весь армянский народ исчезнет. Причем ко мне обращались не только американские и канадские миссионеры. О вмешательстве меня просили даже их немецкие коллеги. Они подтвердили все самое плохое из того, что я уже слышал, причем не скупившись на упреки своей собственной стране. Они не скрывали унижения, которое испытывали, будучи немцами, из-за того, что их страна выступала союзником людей, способных творить такие неслыханные зверства. Тем не менее они достаточно хорошо понимали немецкую политику и не сомневались: Германия не станет вмешиваться. Они говорили, что ждать помощи от кайзера нет смысла. Америка должна остановить массовые убийства, или они будут продолжаться.

Если подходить с формальной точки зрения, я не имел права вмешиваться. В соответствии с буквой закона обращение турецкого правительства со своими подданными оставалось внутренним делом Турции. Если оно напрямую не затрагивало американские интересы и жизнь американских граждан, оно было вне юрисдикции американского правительства. Когда я впервые попытался обратиться к Талаату с этим вопросом, он в весьма недвусмысленных выражениях обратил мое внимание именно на этот факт. Эта беседа была одной из самых волнующих из всех, которые мне приходилось вести. Незадолго до этого меня посетили два миссионера, рассказавшие о пугающих событиях в Конии. Выслушав их рассказы, я не смог удержаться и немедленно отправился в Оттоманскую Порту. Мне не потребовалось много времени, чтобы убедиться: Талаат находится далеко не в лучшем расположении духа. В течение многих месяцев он пытался добиться освобождения своих ближайших друзей Аюба Сабри и Зиннауна, которые содержались в плену у англичан

на Мальте. Его неудачи в этом вопросе были постоянным источником гнева и раздражения; он не мог не говорить об этом, постоянно выдвигал все новые и новые предложения, позволившие бы вернуть его друзей обратно в Турцию, и уже не единожды обращался ко мне за помощью. Турецкий глава обычно приходил в неистовство, думая о своих отсутствующих друзьях, и, заставая его в такие минуты, мы обычно говорили, что он находится в «настроении Аюб Сабри». В то утро министр внутренних дел был в «настроении Аюб Сабри», причем в его наихудшем варианте. Он снова попытался освободить пленных и снова потерпел неудачу. Как обычно, он старался соблюсти внешнее спокойствие и быть по отношению ко мне вежливым, но его короткие, отрывистые фразы, бульдожья жесткость, а главное, сжатые кулаки, которые он держал на столе, показывали, что момент крайне неблагоприятен для обращения к его совести или чувству сострадания. Сначала я заговорил с ним о канадском миссионере докторе Макнотоне, который подвергся жестокому обращению в Малой Азии.

— Этот человек — английский шпион, — ответил Талаат. — У нас есть доказательства.

— Позвольте мне ознакомиться с ними.

— Мы ничего не станем делать ни для одного англичанина или канадца, пока они не освободят Аюба и Зиннауна.

— Но вы же обещали обращаться с англичанами, находящимися на службе у американцев, как с американцами, — ответил я.

— Возможно, — не стал спорить Талаат, — но обещания не держат вечно. Я отзываю это обещание. На всякое обещание есть лимит времени.

— Но если обещание ни к чему не обязывает, тогда что это? — спросил я.

— Гарантия, — быстро ответил Талаат.

Это тонкое, чисто турецкое отличие имело немалый метафизический интерес, но у меня были практические вопросы, которые следовало обсудить. И я заговорил об армянах в Кони. Не успев начать, я почувствовал, что настроение Талаата

стало еще более враждебным. Его глаза загорелись, он стиснул зубы, подался вперед и процедил:

— Они американцы?

Подтекст этого вопроса едва ли был дипломатическим: это был просто способ дать мне понять, что я занимаюсь не своим делом. Через несколько мгновений Талаат выразил свою мысль более развернуто.

— Армянам нельзя доверять, — сказал он, — и, кстати, то, что мы с ними делаем, не касается Соединенных Штатов.

Я ответил, что всегда считал себя другом армян и был шокирован, узнав, какому обращению они подвергаются. Но в ответ он только покачал головой, что означало отказ обсуждать со мной этот вопрос. Я понял, что ничего не добьюсь, если буду продолжать настаивать. И заговорил о другом англичанине, с которым обращались недожненным образом.

— Он англичанин, разве не так? — заявил Талаат. — Знает, я буду обращаться с ним как захочу.

— Ну, съешьте его, если хотите, — сказал я.

— Не стану. У меня будет несварение.

Талаат тоже находился в некоем бесшабашном настроении.

— Gott, strafe England! — выкрикнул он одну из немногих знакомых ему немецких фраз. — Что касается ваших армян, мы не будем говорить о будущем. Мы живем сегодняшним днем. А если речь идет об англичанах, можете телеграфировать в Вашингтон, что я не сделаю для них ничего, пока не освободят Аюба.

Затем он принял картинную позу, прижал руку к сердцу и сказал по-английски (я думаю, это было все, что он знал на этом языке):

— Аюб Сабри, он — мой брат.

Несмотря на это, я снова попросил за доктора Макнотона.

— Он не американец, — сказал Талаат. — Он канадец.

— Но это почти одно и то же, — возразил я.

— Ладно, — хмыкнул Талаат, — я отпущу его, если вы обещаете, что Соединенные Штаты аннексируют Канаду.

— Обещаю, — быстро ответил я, и мы оба засмеялись этой нехитрой шутке.

— Всякий раз, когда вы сюда приходите, — твердо сказал Талаат, — вам удастся что-то у меня украсть. Хорошо, считайте, что вы получили своего Макнотона.

Конечно, эта беседа не была многообещающим началом, если говорить об армянах, но Талаат далеко не всегда был в «настроении Аюб Сабри». Его настроение менялось легко и быстро, как у ребенка; сегодня он мог быть в ярости и проявлять несговорчивость по любым вопросам, но уже назавтра становился добрым, понимающим и в высшей степени снисходительным. Поэтому было бы во всех отношениях благоразумнее дожидаться более благоприятного момента, чтобы затронуть вопрос, который мгновенно пробуждал в нем варвара. Такая возможность вскоре представилась. Как-то раз, вскоре после описанной мной выше беседы, я снова пришел к Талаату. Первое, что он сделал, — это открыл ящик стола и вытащил пачку желтых телеграмм.

— Почему вы не дадите эти деньги нам? — с ухмылкой спросил он.

— Какие деньги? — удивился я.

— Здесь для вас телеграмма из Америки. Вам посылают много денег для армян. Вы не должны использовать их таким образом. Отдайте их нам, туркам, они нужны нам не меньше, чем им.

— Я не получал никаких телеграмм, — ответил я.

— Пока нет, но получите, — сказал он. — Вы же знаете, что я всегда получаю ваши телеграммы раньше. И, только ознакомившись с их содержанием, отправляю их вам.

Это утверждение было чистой правдой. Каждое утро все некодированные телеграммы, полученные в Константинополе, передавались Талаату, который читал их и только после этого давал согласие на их отправку адресату. Даже телеграммы посольств не были исключением, хотя, конечно, это не касалось зашифрованных сообщений. В другой момент я непременно выразил бы протест по поводу нарушения моих прав, но обаятельная искренность Талаата по вопросу о вскрытии моей корреспонденции, которой он в самом прямом смысле помахал перед моим носом, дала мне прекрасную возможность перейти к запретной теме.

Правда, в этом случае, как и во многих других, Талаат был донельзя уклончив, ничего не обещал и с ожесточенной враждебностью высказался об интересе, который американский народ проявлял к армянам. Свою политику он объяснял тем, что армяне поддерживали постоянные связи с русскими. Из этих бесед я вынес твердое убеждение, что Талаат был непримиримым врагом этого преследуемого народа. «У меня создалось впечатление, — записал я в своем дневнике 3 августа, — что Талаат желает уничтожить несчастных армян». Он сказал мне, что комитет «Единения и прогресса» рассмотрел вопрос во всех деталях и что проводимая политика будет именно такой, какую он официально принял. По его мнению, я не должен думать, что решения о депортации принимались поспешно и непродуманно, в действительности они явились результатом длительных и тщательных обсуждений. На мои непрекращающиеся просьбы о том, что он должен проявить милосердие к армянам, Талаат отвечал то серьезно, то зло, то легкомысленно.

— Когда-нибудь, — как-то сказал он, — я приду, и мы с вами обсудим армянский вопрос. — После этого он добавил по-турецки: — Но только этот день никогда не наступит.

— Почему вас так интересуют армяне? — полюбопытствовал он в другой раз. — Вы иудей, они христиане. Мусульмане и евреи всегда поддерживали гармоничные отношения. Мы здесь хорошо обращаемся с евреями. Полагаю, вам не на что жаловаться. Почему вы не хотите позволить нам обращаться с этими христианами по нашему усмотрению?

Я часто отмечал, что турки практически любой вопрос рассматривают как личное дело, и все же такая точка зрения меня ошеломила. Между тем в ней полностью проявился турецкий менталитет. Факт, что над всеми расовыми и религиозными соображениями могут стоять такие понятия, как гуманность и цивилизованность, никогда не приходил, да и не мог прийти ему в голову. Турки могут понять христианина, который борется за христианина, еврея, который заступает за еврея, но такие абстракции, как справедливость и порядочность, не входили в систему их ценностей.

— Создается впечатление, что вы не осознаете очевидного: здесь я не еврей, а американский посол, — сказал я. — В моей стране живет более девяносто семи миллионов христиан и около трех миллионов евреев. Так что, по крайней мере в качестве посла, я на девяносто семь процентов христианин. Но в конце концов, главное не это. Я обращаюсь к вам не от имени конкретной расы или религии, а просто как человек. Вы часто говорили, что хотите сделать Турцию частью современного прогрессивного мира. То, как вы обращаетесь с армянами, не поможет вам воплотить это желание в жизнь. Вы сами себя ставите в ряд отсталых, реакционных людей.

— Мы хорошо относимся к американцам, — сказал в ответ Талаат. — Вам не на что жаловаться.

— Но американцы возмущены вашими преследованиями армян, — возразил я. — Вы должны основывать свои принципы на гуманности, а не на расовой дискриминации, иначе Соединенные Штаты не смогут относиться к вам как к другу и равному. И вы должны понимать, что в христианском мире имеют место существенные перемены. Христиане забывают о различиях между ними, секты сближаются, становятся единым целым. Вы свысока смотрите на американских миссионеров, но не забывайте, что лучшая часть Америки поддерживает их религиозную работу, так же как и их образовательные учреждения. Американцы не только материалисты, думающие в первую очередь о деньгах. Они гуманисты и заинтересованы в распространении справедливости и цивилизации по всему миру. После того как война окончится, вы столкнетесь с качественно новой ситуацией. Вы считаете, что победитель может игнорировать весь остальной мир, но в этом вы не правы. Везде придется считаться с общественным мнением, и в особенности в Соединенных Штатах. Наши люди никогда не забудут эти массовые убийства. Они всегда будут против полного уничтожения христиан в Турции. Они отнесутся к этому как к преднамеренному уничтожению и предъявят обвинения ответственным за это. Вы не сумеете защититься, имея ваш сегодняшний политический статус, и заявить, что действовали как министр внутренних дел, а не как Талаат. Вы

отрицаете все идеи справедливости, как мы их понимаем в нашей стране.

Странно, но моя речь не оскорбила Талаата, но и не поколебала его решительности. С таким же успехом я мог обратиться к каменной стене. От моих абстракций он немедленно перешел к конкретике.

— Эти люди, — заявил он, — отказались разоружиться, когда мы этого потребовали. Они выступили против нас в Ване и Зейтуне, и они помогали русским. Есть только один способ защититься от них в будущем — депортировать их.

— Предположим, несколько армян действительно предали вас, — не стал спорить я. — Но разве это достаточно серьезный повод для уничтожения целого народа? Разве это может являться извинением страданий женщин и детей?

— Это неизбежно, — ответил он.

Последняя ремарка разъяснила мне многое, но еще более характерным оказалось замечание, высказанное Талаатом репортеру «Берлинер тагеблатт», задавшему ему тот же вопрос.

— Нас упрекают, — сказал он, — в том, что мы не делаем различий между невинными и виновными армянами, но ведь это совершенно невозможно: невинные сегодня могут стать виновными завтра.

Одной из причин, по которой Талаат не мог обсуждать эту проблему со мной свободно, была национальность посольского переводчика. Он был армянином. В начале августа Талаат отправил ко мне посыльного с приглашением прибыть одному, переводчика он обещал предоставить своего. Так Талаат впервые признал, что его обращение с армянами было делом, касающимся меня. Беседа состоялась спустя два дня. Так случилось, что после моего предыдущего визита к Талаату я сбрил бороду. Как только я вошел, министр заговорил в своей обычной добродушно-шутливой манере.

— Вы снова стали молодым человеком, — сказал он. — Вы теперь так молоды, что я больше не могу обращаться к вам за советами.

— Я сбрил бороду, — ответил я, — потому что она поседела от переживаний из-за вашего обращения с армянами.

После этого ритуального обмена комплиментами мы перешли к делу.

— Я просил вас прийти, — начал Талаат, — чтобы объяснить нашу позицию по армянской проблеме в целом. У нас есть три основные причины выражать недовольство армянами. Во-первых, они обогатились за счет турок. Во-вторых, они хотят господствовать над нами и создать отдельное государство. В-третьих, они открыто поощряют наших врагов. Они помогали русским на Кавказе, и наши неудачи там по большей части объясняются их действиями. Поэтому мы пришли к твердому решению лишить их силы еще до того, как закончится война.

На каждое из утверждений, изложенных Талаатом, у меня было достаточно возражений. Его первое заявление было попросту признанием того бесспорного факта, что армяне были более работающими и способными, чем недалекие и ленивые турки. Резня, как средство уничтожения конкуренции в бизнесе, была слишком уж оригинальной концепцией. Его обвинение в том, что армяне плели сети заговоров против турок и открыто выражали симпатии их врагам, при беспристрастном рассмотрении сводилось к одному: армяне постоянно обращались к европейским державам с просьбой защитить их от грабежей, убийств и издевательств. Армянская проблема, как и любая расовая проблема, была результатом вековой несправедливости и угнетения. Для нее могло быть только одно решение: создание упорядоченной системы управления, при которой все граждане считались бы равными, а все преступления против личности наказывались как действия отдельных лиц, а не народов. Я уже давно вел споры по этим вопросам.

— Вам нет смысла спорить, — сказал Талаат, — поскольку мы уже избавились от двух третей армян. Их не осталось в Битлисе, Ване и Эрзеруме. Ненависть между турками и армянами сейчас достигла такой степени, что мы просто вынуждены с ними покончить. Если мы этого не сделаем, они будут мстить.

— Если вы не считаетесь с соображениями человечности, — ответил я, — подумайте хотя бы о материальном ущербе. Эти

люди работают. Более того, они контролируют ряд отраслей вашей промышленности. Они являются налогоплательщиками. Вы не опасаетесь, что потери станут невозможными?

— Нас не волнуют коммерческие потери, — сообщил Талаат. — Мы все подсчитали и знаем, что они не превысят пяти миллионов фунтов. Тут беспокоиться не о чем. Я просил вас прийти, поскольку желал уведомить о следующем: наша армянская политика является твердой и ее ничто не изменит. Армян не будет в Анатолии. Если хотят, пусть живут в пустыне, но только не здесь.

Я снова попытался убедить Талаата, что такое обращение с армянами уничтожает Турцию в глазах всего мира и что страна никогда не оправится от такой негативной славы.

— Вы совершаете ужасную ошибку, — сказал я и повторил это трижды.

— Да, возможно, мы делаем ошибки, — ответил он, — но, — он стиснул зубы и покачал головой, — никогда не будем сожалеть об этом.

У меня было много бесед с Талаатом об армянах, но мне ни разу не удалось заставить его хотя бы в малейшей степени изменить свою позицию. Он всегда возвращался к основным моментам, о которых я только что говорил. Он был всегда готов выполнить просьбу, произнесенную от имени американцев и даже французов или англичан, но я никогда не добился ни одной уступки армянам. Мне всегда казалось, что он был глубоко лично заинтересован в этом вопросе, причем его антагонизм по отношению к армянам лишь возрастал по мере усиления их страданий. Однажды, обсуждая судьбу конкретного армянина, я сказал Талаату, что он ошибочно посчитал этого человека врагом турок, на самом деле он их друг.

— Ни один армянин, — ответил Талаат, — не может оставаться нашим другом после того, что мы с ними сделали.

Однажды Талаат обратился с требованием, шокировавшим меня в высшей степени. Ничего подобного мне в жизни не приходилось слышать. Дело в том, что некоторые американские страховые компании традиционно вели дела с армянами. То, как армяне относились к страхованию жиз-

ни, на мой взгляд, было еще одним доказательством их бережливости и расчетливости.

— Я бы хотел, — заявил Талаат, — чтобы американские страховые компании выслали нам полный список армянских держателей страховых полисов. Сейчас практически все они мертвы и не оставили наследников, а значит, выморочное имущество должно перейти в казну. Их деньги должно получить правительство. Вы сделаете это?

Это было уже слишком, и я утратил сдержанность.

— Вы никогда не получите ничего подобного от меня, — сказал я, встал и вышел.

Еще один эпизод, касающийся армян, привел Талаата в самое дикое настроение. В конце сентября миссис Моргентау уехала в Америку. На нее произвели крайне тяжелое впечатление страдания несчастных армян, она почувствовала, что не может больше жить в этой варварской стране и уедет домой. Но она решила попробовать еще раз вмешаться в судьбу этих людей, причем сделать это лично. Она ехала через Болгарию, где получила уведомление, что царица Элеонора будет рада ее принять. Царица Элеонора была благородной женщиной, вдовой печальную и одинокую жизнь. Она тратила много времени, пытаясь улучшить положение бедняков в Болгарии. Она знала все о социальной работе в американских городах и еще несколько лет назад запланировала посещение нашей страны, чтобы изучить все интересующие ее вопросы лично. Во время визита миссис Моргентау у царицы было две американских медсестры из американской общественной организации «Генри Стрит. Сеттльмент», которые инструктировали болгарских девушек о методах работы американского Красного Креста.

Моя жена была заинтересована в посещении царицы, поскольку планировала в частной беседе замолвить слово за армян. В то время вопрос о вступлении Болгарии в войну достиг критической стадии, и Турция была готова пойти на уступки, чтобы получить ее в качестве союзника. Поэтому момент для такой просьбы был весьма подходящим.

Царица приняла миссис Моргентау в неофициальной обстановке и в течение часа слушала ее рассказ о горькой судьбе

армян в Турции. Большинство из того, что она сказала, было абсолютно новым для царицы. Европейская пресса по этому поводу почти ничего не писала, а если бы и писала, царица Элеонора была именно тем человеком, от которого правду попытались бы скрывать как можно дольше. Миссис Моргентау изложила ей все факты относительно положения армянских женщин и детей и попросила вмешаться. Она зашла довольно далеко и даже намекнула, что, если Болгария, которая в прошлом тоже пострадала от жестокости турок, теперь станет их союзницей в войне, это будет ужасно. Царица была очень тронута. Она поблагодарила мою жену за содержательную беседу и сказала, что немедленно разберется и решит, что можно сделать.

Когда миссис Моргентау собиралась уходить, она увидела стоящего у двери герцога Мекленбург-Шверинского. Герцог как раз в это время был в Софии, пытаясь ускорить вступление Болгарии в войну. Царица представила его миссис Моргентау. Его высочество был любезен, но выглядел холодным и уязвленным. Судя по его виду и неприязненным взглядам, временами бросаемым на миссис Моргентау, он слышал большую часть беседы. Поскольку он прилагал все усилия, чтобы Болгария вступила в войну на стороне Германии, неудивительно, что он с неудовольствием отнесся к горячей просьбе миссис Моргентау, убеждавшей, что Болгария не должна становиться союзницей Турции.

Царица Элеонора чрезвычайно заинтересовалась армянской проблемой, и болгарский посол в Турции получил приказ выразить протест. Приказ был выполнен, правда, протест ничего не дал, только вызвал сильный гнев Талаата по отношению к американскому послу. Через несколько дней повседневные дела призвали меня в Высокую Порту, и Талаат встретил меня в весьма мрачном расположении духа. На все мои вопросы он отвечал резко и односложно. Позже мне сказали, что в такое состояние его привело вмешательство миссис Моргентау и ее пламенная речь перед царицей. Но прошло несколько дней, и он снова вернул себе обычное добродушие. Болгария стала союзницей Турции.

Отношение Талаата к армянам лучше всего выражено в хвастливой фразе, которую он произнес перед своими друзьями: «Я сделал для решения армянской проблемы за три месяца больше, чем Абдул-Хамид за тридцать лет».

Глава 26

ЭНВЕР-ПАША ОБСУЖДАЕТ АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

Все это время я оказывал давление и на Энвера. Как я уже говорил, военный министр был другим человеком, не похожим на Талаата. Ему значительно успешнее удавалось скрывать свои истинные чувства; обычно он был учтив, хладнокровен и безупречно вежлив. И вначале он не проявлял такую ожесточенность, как Талаат, обсуждая армянский вопрос. От первых рассказов он отмахивался, называя их дикими преувеличениями, считал беспорядки в Ване нормальным явлением и всячески успокаивал меня, заверяя, что мои страхи относительно уничтожения армянского народа ни на чем не основаны. Пытаясь обмануть меня, Энвер делал открытые признания другим людям — и это непреложный факт. В частности, он не скрывал реальной ситуации от доктора Лепсиуса, представлявшего миссионерские интересы Германии. Доктор Лепсиус был благородным человеком, христианином до мозга костей. Он знал об убийствах армян в 1895 году и уже тогда собирал крупные суммы денег, чтобы построить приюты для армянских детей-сирот, лишившихся родителей. В 1915 году он приехал снова, чтобы разобраться с армянской проблемой. Он попросил разрешения ознакомиться с докладами американских консулов, которое я ему дал. Эти документы, дополненные другой информацией, полученной доктором Лепсиусом из других источников, в основном от немецких миссионеров, работавших внутри страны, не оставили у него сомнений относительно политики турок. Он был возмущен поведением собственного правительства. Он сказал мне, что ощущает только стыд и унижение, пото-

му что является немцем. Турки уничтожают свое христианское население, а Германия, называющая себя христианской страной, даже не пытается что-то изменить. От него Энвер не стал скрывать официальные цели. Доктор Лепсиус был потрясен откровениями турецкого политика: тот сказал ему, что у турок наконец появилась возможность избавиться от армян и они намерены ею воспользоваться.

К этому времени Энвер стал откровеннее и со мной. Обстоятельные отчеты, которые были в моем распоряжении, делали бессмысленными попытки продолжать скрывать ситуацию от меня, поэтому мы стали часто и продолжительно говорить на эту тему. Одну из бесед я помню особенно хорошо. Я уведомил Энвера, что намерен детально разобраться в ситуации, и он отвел для разговора со мной достаточно времени.

— Армяне были предупреждены, — начал Энвер, — о том, что произойдет, если они присоединятся к нашим врагам. Три месяца назад я послал за армянским патриархом и сказал ему, что, если армяне попытаются устроить революцию или станут помогать русским, я не смогу защитить их от беды. Мое предупреждение не дало результата. Армяне затеяли революцию и начали активно помогать русским. Вы знаете, что случилось в Ване. Они захватили город, использовали бомбы, разрушая правительственные здания и убивая многих мусульман. Мы знали, что они планировали восстания и в других местах. Вы должны понимать, что мы сражаемся за свою жизнь в Дарданеллах, жертвуя тысячами людей. Пока мы вовлечены в столь тяжелые военные операции, мы не можем позволить своим же гражданам нанести нам удар в спину. Мы должны предотвратить это любой ценой и любыми средствами. Скажу вам чистую правду: я ничего не имею против армян, наоборот, я восхищаюсь их умом и работоспособностью и больше всего хотел бы видеть их полноправной частью нашего народа. Но если они присоединятся к нашим врагам, как они это сделали в районе Вана, то будут уничтожены. Я очень стараюсь, чтобы не было допущено никакой несправедливости; только недавно я приказал вернуть трех депортированных армян домой — выяснилось, что они невиновны.

Россия, Франция, Великобритания и Америка оказывают армянам плохую услугу, всячески выказывая им симпатию и поощряя. Я знаю, что значит такое поощрение для людей, склонных к революциям. Когда наше «Единение и прогресс» вступила в конфликт с Абдул-Хамидом, именно внешний мир оказал нам моральную поддержку. Вы здорово помогли нам, и вам мы в значительной степени обязаны своим успехом. Точно так же внешний мир сегодня помогает армянам и их революционной программе. Я уверен, что, если бы эти страны не поддерживали армян, те давно отказались бы от попыток противодействия существующему правительству и стали бы законопослушными гражданами. Сейчас мы полностью контролируем ситуацию в стране и можем легко уничтожить любых бунтовщиков.

— Предположим, — сказал я, — то, что вы говорите, правда. Почему бы тогда не наказать только виновных? Зачем жертвовать целым народом из-за предполагаемого преступления отдельных личностей?

— Ваша точка зрения хороша для мирных времен, — ответил Энвер. — Тогда мы можем ограничиваться словами, чтобы успокоить армян и греков, но во время войны мы не могли заниматься расследованиями и переговорами. Мы должны действовать быстро и решительно. Я также думаю, что армяне совершают серьезную ошибку, полагаясь на русских. Русские предпочитают видеть их мертвыми, а не живыми. Армяне представляют для русских такую же опасность, как для нас. Если они сформируют в Турции независимое правительство, армяне в России попытаются сделать то же самое. Кроме того, армяне также повинны в массовых убийствах. В районе Вана спастись удалось только тридцати тысячам турок, остальные были убиты армянами и курдами. Я пытался защитить не участвующих в боевых действиях людей на Кавказе, но обнаружил, что ситуация уже вышла из-под контроля. В Константинополе около семидесяти тысяч армян, и им, за исключением дашнаков и заговорщиков, никто не будет досаждать. В любом случае, полагаю, вы можете быть спокойным: массовых убийств армян больше не будет.

Я не принял всерьез последнее заявление Энвера. Как раз в то время, когда он дал такое обещание, массовые убийства и депортации уже несколько месяцев шли повсеместно во всех армянских провинциях.

Когда информация достигла Соединенных Штатов, вопрос помощи стал еще более острым. В конце июля до меня дошли сведения, что 5 тысяч армян из Зейтуна и Султанье вообще не получают продовольствия. Я заговорил о них с Энвером, и он твердо пообещал, что люди получат пищу. К предложению о поездке туда американских представителей, призванных позаботиться о ссыльных, он отнесся без всякой благосклонности.

— Такие действия американцев станут поддержкой, поощрением армян, и те снова начнут причинять нам неприятности, — сказал он. — В Турции живет двадцать восемь миллионов турок и один миллион армян. Мы не хотим, чтобы этот миллион нарушал покой остальной, значительно большей части населения. Хуже всего то, что армяне являются сепаратистами. Они хотят иметь собственное государство и потому позволили русским обмануть себя. Положившись на мнимую дружбу России, они помогли русским в войне. Мы считаем, что они должны вести себя как турки. Вы должны помнить, что, когда начали революцию в Турции, нас было всего две сотни. Имея столь немногочисленных сторонников, мы смогли обмануть султана и общество, считавших, что мы стократ больше и сильнее. Только благодаря отваге и дерзости мы создали конституцию. Собственный революционный опыт заставляет нас опасаться армян. Если две сотни турок смогли сбросить правительство, тогда несколько сотен блестящих, образованных армян тем более сумеют это сделать. Поэтому мы и разработали план рассеивания их таким образом, чтобы они не могли собраться вместе и причинить нам зло. Как я вам уже говорил, я предупредил армянского патриарха, что, если армяне спровоцируют конфликт, пока мы заняты войной, турки нанесут ответный удар, и он будет беспощадным.

Энвер всегда отвергал предложения о помощи армянам со стороны американских миссионеров и других друзей этого гонимого народа.

— Все они, — твердил он, — проявляют к ним слишком большую симпатию.

Я предложил, чтобы несколько американцев отправились в Тарсус и Чок-Марсеван.

— Если они поедут туда, то, боюсь, спровоцируют беспорядки, которые могут окончиться весьма печально. Так что для самих же армян лучше, чтобы американцы и тем более миссионеры держались от них подальше.

— Но вы же ведете свою страну к экономической катастрофе, — сказал я в другой раз, пытаясь донести до него то же, что в свое время говорил Талаату.

Он ответил почти такими же словами, что продемонстрировало единство правящей элиты в этом вопросе.

— Сейчас экономические соображения для нас не важны. Важно только одно — победить. Мы думаем только об этом. Если мы победим, все будет в порядке, если нет, все в любом случае будет не так, как хотелось бы. Мы находимся в отчаянной ситуации, это я не боюсь признать, и сражаемся так, как сражаются отчаявшиеся люди. Мы не позволим армянам напасть на нас с тыла.

Вопрос помощи голодающим армянам постоянно обострялся, но Энвер продолжал настаивать, чтобы американцы держались подальше от армянских провинций.

— Как мы можем обеспечить хлеб для армян, — заявил он, — если нам самим его не хватает? Я знаю, что им плохо и что, вероятнее всего, наступающей зимой они вообще не увидят хлеба. Но мы с огромным трудом достаем муку и одежду даже здесь, в Константинополе.

Я сказал, что располагаю деньгами, а американские миссионеры стремятся поехать к беженцам и использовать деньги для закупки самого необходимого.

— Мы не хотим, чтобы американцы кормили армян, — безапелляционно объявил Энвер. — Так для них будет только хуже. Как я уже вам говорил, они верят, что имеют друзей по всему миру, поэтому и позволяют себе выступать против правительства, тем самым навлекая на себя несчастья. Если американцы начнут распределять среди армян продовольствие и

одежду, те начнут думать, что имеют влиятельных друзей в Соединенных Штатах. Это подтолкнет их к очередному взрыву неповиновения, и нам придется снова их наказывать. Если вы передадите ваши деньги туркам, мы позаботимся о том, чтобы армяне получили хлеб.

Энвер давал подобные рекомендации, сохраняя совершенно бесстрастное выражение лица, причем не единожды. В тот самый момент, когда Энвер предлагал такой механизм помощи армянам, турецкие полицейские и официальные лица не просто грабили армян, отбирая у них последние пожитки и деньги. Они раздевали женщин и кололи штыками их обнаженные тела, гнали по выжженной солнцем пустыне. А военный министр спокойно предлагал, чтобы мы отдали американские деньги туркам, которые позаботятся об армянах! Как бы то ни было, мне следовало быть тактичным.

— Если вы или другие члены правительства возьмете распределение под свою личную ответственность, — сказал я, — конечно, мы с радостью доверим вам эти деньги. Но естественно, никто не ждет, что мы отдадим деньги людям, которые убивают армян и насилуют их женщин.

Но Энвер снова вернулся к своему первоначальному утверждению.

— Они не должны знать, — настаивал он, — что у них есть друзья в Соединенных Штатах. Это их погубит. Лучше уж пусть они голодают! Причем, заявляя это, я действительно думаю о благе армян. Как только они поймут, что у них нет друзей в других странах, они успокоятся, признают, что Турция — их родина, и станут законопослушными гражданами. Ваша страна не помогает им, проявляя симпатию. Вы только навлекаете на них еще большие несчастья.

Иными словами, чем больше денег пошлют американцы для закупки продовольствия армянам, тем больше армян будет убито. Логика Энвера отдавала безумием. Правда, он в конце концов несколько смягчился и позволил мне помочь несчастным через некоторых миссионеров. Во всех наших беседах он непременно прибегал к лицемерию, заявляя, что в действительности является искренним другом гонимой нации и

даже самые суровые меры, принимаемые им, на деле являются замаскированным милосердием. Поскольку Энвер всегда утверждал, что желает обращаться с армянами по справедливости, в этом его отношении ко мне было не таким, как у Талаата, который открыто утверждал, что все армяне будут депортированы. Я постоянно ломал голову над составлением хитроумных планов помощи несчастным людям. Я предложил, чтобы он, если хочет быть справедливым, защитил невинных беженцев и облегчил их участь. Для этой цели он должен назначить специальный армянский комитет, который оказывал бы им помощь, и направить дельного армянина, такого, например, как бывший министр почт и телеграфа Оскан-эфенди, чтобы тот, изучив обстановку, представил предложения по ликвидации существующего зла. Энвер не одобрил ни одного из моих предложений. Что касается первого, его, по утверждению Энвера, не поймут его коллеги, что же касается второго, оказывается, военный министр всегда восхищался Осканом, прекрасно зарекомендовавшим себя в составе кабинета, и всегда поддерживал его борьбу с неэффективностью в работе чиновников, но теперь ему нельзя доверять, потому что он дашнак.

В другой беседе я начал с того, что центральное правительство, возможно, не виновато в массовых убийствах. Мне показалось, что такое заявление должно было ему понравиться.

— Я, конечно, уверен, что кабинет не мог отдать приказ творить такие страшные злодеяния, — сказал я. — Вы, Талаат и другие вряд ли можете считаться ответственными. Несомненно, ваши подчиненные зашли намного дальше, чем вы хотели. Я отлично понимаю, как трудно иногда бывает контролировать своих подчиненных.

Энвер выпрямился и настороженно застыл. Я видел, что мои замечания не только не способствовали началу спокойной, дружественной беседы, но и сильно оскорбили его. Ведь я позволил себе намекнуть, что в Турции может происходить нечто, о чем он не знает.

— Вы ошибаетесь, — сухо изрек он. — В этой стране все под нашим контролем. Я не имею ни малейшего желания

перекладывать вину на своих подчиненных, напротив, я считаю себя ответственным за все происходящее. Решение о депортации принял кабинет, и я абсолютно убежден, что мы имели на это право, поскольку армяне настроены крайне враждебно к оттоманскому правительству. Мы являемся истинными правителями Турции, и никто из наших подчиненных не осмелился бы сделать нечто подобное без приказа.

Энвер пытался смягчать варварство своей политики, проявляя милосердие в отдельных случаях. Все усилия, которые я прилагал, чтобы остановить повсеместное уничтожение армянского народа, оказались бесплодными, но нескольких армян я все же сумел спасти от смерти. Однажды я получил информацию от американского консула в Смирне о том, что семеро армян приговорены к повешению. Эти люди обвинялись в некоем неясном политическом проступке, совершенном еще в 1909 году, хотя ни Рахми-бей, вали Смирны, ни военный командующий не верили в их вину. Когда поступил приказ о казни, эти чиновники телеграфировали в Константинополь, что по оттоманским законам обвиняемый имеет право обратиться о помиловании к султану. Ответ на эту телеграмму является превосходной иллюстрацией соблюдения прав армян в те дни.

«С точки зрения закона вы правы. Повесьте их, а потом отправляйте прошение о помиловании».

Я посетил Энвера во время Байрама — величайшего мусульманского религиозного праздника, чтобы поговорить об этих людях. Этот день следует за Рамазаном — месячным постом. У Байрама есть нечто общее с Рождеством — в этот день мусульмане обмениваются небольшими подарками, обычно сладостями. После обычных поздравлений я сказал Энверу:

— Сегодня Байрам, а вы мне не прислали никакого подарка.

Энвер улыбнулся:

— Что вы хотите? Прислать вам коробку конфет?

— О нет, — ответил я, — от меня вы так дешево не отдаетесь. Я хочу, чтобы вы помиловали семерых армян, приговоренных военным трибуналом в Смирне.

Такого Энвер явно не ожидал.

— У вас оригинальный способ просить о помиловании, — сказал он, — но, если вы ставите вопрос так, я не могу отказаться.

Он немедленно послал за помощником и отправил телеграмму в Смирну с приказом освободить приговоренных.

Вот как в Турции совершалось правосудие и принимались решения, касающиеся жизни и смерти людей. Ничто не может показать яснее, как низко турки ценили человеческую жизнь и ту мизерную степень, в которой принцип управлял их поступками. Энвер освободил этих людей не потому, что заинтересовался этим делом, а в качестве личного одолжения мне, да и то в основном благодаря необычному способу изложения моей просьбы. Во всех моих разговорах об армянах военный министр рассматривал проблему в большей или меньшей степени случайно, мимоходом. Он мог обсуждать судьбу нации, волею случая отвлекшись от главной темы, и говорить об убийствах детей равнодушно, как будто мы беседовали о погоде.

Однажды Энвер предложил мне поехать вместе с ним в Белградский лес. Поскольку я никогда не упускал возможности повлиять на него, то приглашение принял. Мы доехали на машине до Буюкдере, где нас ожидали четыре человека с лошадьми. Во время прогулки по великолепному лесу Энвер стал более общительным и разговорчивым. Он с любовью говорил об отце и матери, рассказал, что, когда они поженились, отцу было шестнадцать, а матери всего одиннадцать. Сам он родился, когда его матери было пятнадцать. Рассказывая о своей супруге, он стал на удивление мягок и нежен, каковым доселе я его никогда не видел. Он говорил о достоинстве, с которым она вела дом, сожалел, что мусульманские понятия о морали не позволяют ей участвовать в социальной жизни, однако выразил желание, чтобы она и миссис Моргенту как-нибудь встретились. Энвер сказал, что он ведет строительство нового дворца на Босфоре, и, когда работы будут закончены, его супруга непременно пригласит миссис Моргенту на завтрак. Как раз в это время мы проезжали мимо владений сена-

тора Абрахам-паши — очень богатого армянина. Этот человек был личным другом султана Абдул-Азиза, и, поскольку человек в Турции наследует не только собственность своего отца, но и его друзей, наследный принц Турции, сын Абдул-Азиза, наносил еженедельные визиты сенатору. Проезжая по парку, Энвер с негодованием заметил, что дровосеки рубят деревья, и остановил их. Позже, услышав, что военный министр купил этот парк, я понял причину его негодования. Поскольку Абрахам-паша был армянином, я счел это достаточным поводом, чтобы вновь затронуть интересующий меня вопрос.

Я заговорил о жестоком отношении, которому подвергаются армянские женщины.

— Вы сказали, — проговорил я, — что защитите женщин и детей, но я знаю, что ваши приказы не выполняются.

— Все эти рассказы не могут быть правдой, — ответил он. — Не думаю, что турецкий солдат может обидеть женщину с ребенком.

Возможно, если бы Энвер прочитал сообщения, хранящиеся в архивах американского посольства, он бы изменил свое мнение.

Он еще раз сменил тему разговора и поинтересовался, как мне понравилось седло — это был известный «Маккеллан». Энвер его однажды испробовал, и ему так понравилось, что он велел изготовить его точную копию (включая цифры в уголке) для себя и ввел его в одном из своих полков. Он рассказал мне о железных дорогах, которые сейчас строит в Палестине, о превосходной работе кабинета, поведал, какие грандиозные возможности открываются в Турции для торговли недвижимостью. Он даже предложил совместно приобрести землю, которая очень быстро дорожает. А я продолжал упорно говорить об армянах, впрочем, преуспел в этом не более, чем раньше.

— Мы не позволим им собираться в местах, где они могут вредить нам и помогать нашим врагам. Мы переселим их в другие места обитания.

Наша верховая прогулка оказалась столь удачной, во всяком случае с точки зрения Энвера, что через несколько дней

мы повторили ее вновь, на этот раз с участием Талаата и доктора Гейтса, руководителя Роберт-колледжа. Энвер и я ехали впереди, наши спутники держались сзади. Турецкие чиновники исключительно ревниво относятся к своим привилегиям, и, поскольку военный министр — птица высокого полета, Энвер настоял на соблюдении дистанции между нами и другой парой всадников. Меня это изрядно позабавило, ведь я знал, что Талаат — более влиятельный политик. Но он не возражал против подобной дискриминации и только однажды позволил своей лошади обогнать Энвера и меня. При этом нарушении норм Энвер выказал явное неудовольствие, после чего Талаат придержал лошадь и послушно вернулся на свое место.

— Я просто хотел показать доктору Гейтсу поступь моей лошади, — извиняющимся тоном пробормотал он.

Только меня интересовали более важные вопросы, чем тонкости турецкого чиновничьего этикета; я хотел вернуться к обсуждению армянской проблемы. Но мне снова не удалось достичь хотя бы минимального успеха. Энвер находил более приятные для него темы разговора.

Он заговорил о лошадях, снова продемонстрировав непостоянство, изменчивость турецкого ума. Готовность, с которой турок переходил от актов чудовищной жестокости к актам личной доброты, не могла не удивлять. Энвер сказал, что скоро состоятся скачки, и выразил сожаление, что у него нет жокея.

— Я порекомендую вам английского жокея, — сказал я. — Вы согласны на сделку? Он военнопленный. Если он выиграет, вы дадите ему свободу.

Этот человек по имени Филдс действительно принял участие в скачках как жокей Энвера и пришел к финишу третьим. Он скакал к своей свободе! И поскольку он не пришел первым, министр не был обязан выполнить условия нашего соглашения, однако все равно освободил его.

Во время описываемой мной прогулки Энвер продемонстрировал свои качества меткого стрелка.

В какой-то момент я неожиданно услышал звук выстрела. Это тренировался один из помощников Энвера. Военный

министр спрыгнул с лошади, выхватил пистолет и, протянув вперед руку, прицелился.

— Видите ту ветку на дереве? — спросил он. До нее было не менее десяти метров. Когда я кивнул, Энвер выстрелил; ветка упала на землю.

Скорость, с которой Энвер выхватил пистолет, прицелился и сделал выстрел, убедительно объяснила мне влияние, которое военный министр имел в банде, в то время правившей в Турции. Ходило много слухов о том, что Энвер без колебаний использовал именно этот метод убеждения в критических для себя ситуациях. Не знаю, насколько они были правдивыми, но могу засвидетельствовать, что стрелком он был отменным.

Талаат решил развлечь себя аналогичным способом, и в конце концов два чиновника устроили соревнование, причем держались весело и беззаботно, как школьники.

— У вас есть с собой карточка? — спросил Энвер. Он настоял, чтобы я прикрепил ее к дереву, стоявшему в пятнадцати метрах от нас.

Энвер стрелял первым. Его рука была твердой, глаз устремлен в цель, и пуля попала прямо в центр карточки. Этот успех раззадорил Талаата. Он прицелился, но его рука слегка подрагивала. Он не был человеком крепкого телосложения, как его более молодой коллега, и только несколько раз задел края карточки, но не смог повторить достижение Энвера.

— Я стрелял не в человека, — пробурчал он, снова садясь в седло. — В него я бы не промахнулся.

Так закончились мои попытки заинтересовать двух самых влиятельных турецких чиновников своего времени в судьбе одной из ценнейших составных частей их империи.

Я уже говорил, что великий визирь Саид Халим не был влиятельным человеком. Номинально его должность была самой важной в империи; в действительности великий визирь занимался лишь тем, что грел место, на котором сидел, а Талаат и Энвер контролировали его так же, как султана. Теоретически

послы должны были вести переговоры с Саидом Халимом, являвшимся министром иностранных дел, но я довольно быстро обнаружил, что с ним ничего невозможно решить, и хотя я продолжал наносить по понедельникам протокольные визиты, но дела предпочитал улаживать с людьми, обладавшими реальной властью. Чтобы меня нельзя было обвинить в недостаточном использовании всех средств влияния на оттоманское правительство, я решил привлечь внимание великого визиря к армянскому вопросу. Он был не турком, а египтянином, к тому же человеком воспитанным и образованным, поэтому мне представлялось маловероятным, что он не проявит заинтересованности в судьбе своих подданных. Как выяснилось, я ошибся. Великий визирь был настроен к армянам так же враждебно, как Талаат и Энвер. Вскоре я понял, что даже само упоминание об армянах раздражает его чрезвычайно. Очевидно, он не желал, чтобы его покой тревожили такими неприятными и совершенно не важными пустяками. Открыто великий визирь продемонстрировал свое отношение, когда греческий поверенный заговорил при нем о преследовании греков. Саид Халим сказал, что такие заявления принесут грекам больше вреда, чем пользы.

— Мы сделаем с ними противоположное тому, о чем нас просят, — объявил великий визирь.

У меня была неблагодарная миссия передать ему от имени британского, французского и русского правительства уведомление о том, что эти государства будут считать людей, находящихся у власти в Оттоманской империи, лично ответственными за зверства по отношению к армянам. Иными словами, это означало, что в случае успеха союзников великий визирь, Талаат, Энвер, Джемаль и их коллеги будут считаться обычными убийцами. Когда я вошел в кабинет, чтобы обсудить это несколько смущавшее меня послание с членом египетского царского дома, он сидел, как обычно, нервно перебирая свои четки и явно пребывая в не слишком хорошем настроении. Он сразу заговорил о полученной телеграмме, при этом его физиономия пылала от гнева. Для начала он произнес длинную и эмоциональную диатрибу, направленную против ар-

мян в целом. Он заявил, что армянские «бунтовщики» убили 120 тысяч турок в Ване. Этот и другие его выпады были настолько абсурдными, что я не мог не выступить в защиту преследуемого народа, что еще больше распалило великого визиря. Отвлечшись от армян, он обрушился с оскорблениями на мою страну, повторив уже привычное утверждение, что наша симпатия к армянам является основной причиной всех их несчастий.

Вскоре после этой беседы Саид Халим перестал быть министром иностранных дел. Его преемником стал Халил-бей, в течение нескольких лет бывший спикером турецкого парламента. Халил был человеком совершенно другого типа. Он был намного тактичнее, интеллигентнее и влиятельнее. Он был приятным собеседником — эдаким добродушным увальнем — и вовсе не был чужд порядочности, как большинство современных ему турецких политиков. Обычно считалось, что Халил не одобряет действий американцев, но его официальное положение заставляет принимать их и даже, как мне недавно стало известно, защищать. Вскоре после получения поста в кабинете Халил пожелал встретиться со мной и дал несколько путаное объяснение армянской проблемы. У меня уже имелся опыт общения с турецкими чиновниками, и я был в курсе отношения к преследованиям ряда официальных лиц: Талаат жаждал крови и жестокостей, Энвер был тонко расчетливым, а великий визирь — вспыльчивым. Халил же рассматривал уничтожение армянского народа с юмором. Ни один аспект событий, даже самые ужасные вещи, которые я мог упомянуть, не мог поколебать его невозмутимого спокойствия. Для начала он признал, что ничто не может послужить оправданием массовых убийств, но, добавил он, чтобы понять турецкую позицию, необходимо, чтобы я не забывал о некоторых фактах.

— Я согласен, что правительство сделало серьезную ошибку в своем отношении к армянам, — сказал Халил, — но она уже сделана, и ничего изменить нельзя. Но как мы можем поступить теперь? Конечно, если существуют ошибки, которые еще можно исправить, нам следует их исправить. Как и

вы, я всем сердцем скорблю о совершенных перегибах и насилии, но я хотел бы изложить вам точку зрения Высокой Порты. Понимаю, что это не оправдание, но думаю, что есть смягчающие обстоятельства, которые следует учесть, прежде чем вынести приговор оттоманскому правительству.

После этого, как и другие его коллеги, он заговорил о событиях в Ване, о стремлении армян к независимости и их помощи русским. Все это я уже много раз слышал.

— Я говорил Варткесу (армянский депутат, который, как многие другие армянские лидеры, впоследствии был убит), что, если его народ действительно стремится к независимому существованию, им следует дождаться подходящего момента. Возможно, русские победят Турцию и оккупируют армянские провинции. Тогда желание армян стать самостоятельными будет вполне понятно. Почему бы, говорил я Варткесу, не подождать? Я предупреждал его, что мы не позволим армянам сесть себе на шею, а если они начнут открыто проявлять враждебность, мы сумеем избавиться от них, сеющих беспокойство в тылу нашей армии, и удалим их на безопасное состояние — сошлем на юг. Энвер, как вы знаете, об этом же предупреждал их патриарха. Но, несмотря на наши дружеские увещевания, они подняли мятеж.

Я спросил, как можно помочь им, и сообщил, что уже полагаю для этой цели суммой 20 тысяч фунтов (100 тысяч долларов).

— Только оттоманское правительство, — любезно ответил он, — должно заботиться о том, чтобы эти люди были устроены, имели крышу над головой и пропитание, во всяком случае до тех пор, пока они не смогут обеспечивать себя сами. Правительство выполнит свою обязанность. Кстати, двадцать тысяч фунтов, которые у вас есть, — это почти ничего.

— Согласен, но это только начало, — ответил я. — Уверен, я получу намного больше.

— Энвер-паша считает, — сказал мой собеседник, — что иностранцы не должны помогать армянам. Не буду утверждать, что его соображения правильные или, наоборот, неправильные. Я просто перечислю их вам, а дальше можете су-

дить сами. Энвер говорит, что армяне — идеалисты и что, предложив им помощь, иностранцы будут способствовать ненужному росту их национального самосознания. Он намерен полностью и навсегда прекратить контакты армян с иностранцами.

— Таков способ Энвера остановить их деятельность? — спросил я.

Халил очень добродушно улыбнулся этому в какой-то степени провокационному вопросу и ответил:

— У армян больше нет возможностей действовать.

Поскольку к этому времени было убито уже около 500 тысяч армян, этот ответ Халила обладал очевидным достоинством, коего не хватало большинству других, — он был правдивым.

— Сколько армян в южных провинциях нуждаются в помощи? — спросил он и сам себе ответил: — Не знаю и не хочу гадать.

— Но речь идет о нескольких сотен тысяч?

— Полагаю, что да, но не знаю, сколько именно сотен тысяч. — Сделав паузу, он продолжил: — Многие пострадали только потому, что Энвер не мог выделить солдат, чтобы защитить их. В некоторых местах их сопровождали регулярные войска, которые вели себя безупречно. Сорок человек погибли, защищая армян. Но нам пришлось призвать многих полицейских на армейскую службу, а армянами стали заниматься новые люди. На их счету много преступных нарушений закона, это правда.

— Многие турки не одобряют такие меры, — сказал я.

— Не смею отрицать, — ответил как всегда невозмутимый Халил, после чего откланялся.

Энвер, Халил и их коллеги проявляли максимальное единодушие в одном: иностранцы не должны оказывать помощь армянам. Через несколько дней после этого визита в американское посольство прибыл заместитель госсекретаря. Он принес мне сообщение от Джемала. Джемаль, под юрисдикцией которого находились сирийские христиане, был очень раздражен интересом, проявляемым американскими консулами к армянам. Он просил меня приказать этим чиновни-

кам «прекратить вмешательства в армянские дела». Джемаль не трудился разбираться, кто прав, кто виноват, и наказывал всех. Через некоторое время после этого Халил пожаловался, что американские консулы продолжают слать информацию о положении армян в Америку и теперь правительство требует прекращения преследований.

Между прочим, большинство этих сообщений отправляли не консулы, а я, и я не намеревался останавливаться.

Глава 27

«Я НЕ СТАНУ ДЕЛАТЬ ДЛЯ АРМЯН НИЧЕГО», — ГОВОРIT НЕМЕЦКИЙ ПОСОЛ

Думаю, ни один из аспектов армянского вопроса не вызвал такого интереса, как этот. Участвуют ли в происходящем немцы? В какой степени кайзер ответственен за уничтожение целой нации? Проявляют ли немцы благосклонность, молча соглашаются или выступают против преследований? За последние четыре года Германия стала ответственной за многие самые черные страницы в истории, неужели на ней лежит ответственность и за эти преступления?

Полагаю, многие усмотрят в замечаниях турецкой верхушки сходство с немецкой философией войны. Позвольте мне еще раз процитировать некоторые фразы, использованные Энвером и другими турецкими чиновниками при обсуждении массовых убийств армян. «Армяне сами навлекли на себя свои несчастья», «Их заранее предупреждали о том, что с ними случится», «Мы сражались за существование нашей нации», «Любые средства, которые позволяют нам достичь цели, оправданны», «У нас нет времени разделять виновных и невиновных», «Единственное, что нас сейчас занимает, — это победа в войне».

Во всех них есть что-то знакомое, не правда ли? И в самом деле, я мог бы переписать все беседы с Энвером, заменив Армению на Бельгию, вложить слова в уста немецкого генерала, и мы получим почти точное описание отношения немцев к

зависимым от них народам. Но учение пруссаков еще глубже. Существует одна черта в армянских делах, которая стала новой, — и она была совсем не турецкой. В течение веков отношение турок к своим армянам и другим подчиненным народам было варварским. Их методы всегда были жестокими, грубыми и ненаучными. Они выбивали мозги армян дубинкой — это неприятное сравнение является самой точной иллюстрацией примитивных методов, которыми решалась армянская проблема. Турки понимали толк в убийстве, но в их исполнении убийство не было искусством. События 1915—1916 годов продемонстрировали появление новых черт. Речь идет о концепции *депортации*. За прошедшие пять веков турки изобрели бесчисленные способы физического уничтожения своих христиан, но им никогда не приходило в голову, что их можно выдворять из домов, где жили их отцы, деды и прадеды, и высылать в безжизненную пустыню. Где родилась эта идея? Я уже описывал, как в 1914 году, непосредственно перед началом войны в Европе, правительство переселило около 100 тысяч греков из мест их постоянного обитания в приморских районах Азии на острова в Эгейском море. Я также говорил, что адмирал Узедом, один из крупных немецких экспертов ВМФ в Турции, рассказал мне, как немцы порекомендовали туркам эту депортацию. Но самый главный момент заключается в том, что эта идея депортации людей *en masse*¹ сегодня является исконно германской. Ее может встретить любой человек, читающий пангерманскую литературу. Энтузиасты немецкого мира запланировали, как часть своей программы, выселение французов из определенных частей Франции, бельгийцев из Бельгии, поляков из Польши, славян из России и других народов с территорий, на которых они жили тысячелетиями, и расселение на освободившихся площадях немцев. Вряд ли стоит отдельно упоминать о том, что немцы пропагандировали эту идею как часть государственной политики: ни для кого не секрет, что они этим занимались последние четыре года. Они выселили, мы даже не знаем точное число, бельгийцев и

¹ В массе, в целом (фр.).

французов со своих родных земель. Австро-Венгрия уничтожила большую часть сербского населения и ввезла тысячи сербских детей на свои территории, намереваясь вырастить их лояльными подданными своей империи. Какова была интенсивность перемещения населения, мы не узнаем до конца войны, известно только, что оно велось весьма стремительно.

Некоторые немецкие писатели поддерживали применение этой политики и к армянам. По словам парижской газеты «Темпе», Пауль Рорбах «на конференции, состоявшейся некоторое время назад в Берлине, рекомендовал избавить Армению от армян. Их следовало расселить в направлении Месопотамии, а их места занять туркам, причем таким образом, чтобы Армения была избавлена от русского влияния, а в Месопотамии появились фермеры, которых там не хватает». Цель этого мероприятия была достаточно очевидна. Германия строила Багдадскую железную дорогу через пустыни Месопотамии. Это был важнейший элемент построения новой великой Германской империи, которая простиралась бы от Гамбурга до Персидского залива. Но строительство и работа железной дороги не могли быть успешными, если вокруг нее не будет работоспособного и экономного населения. Ленивые турки на эту роль никак не подходили. Зато вполне годились армяне. Так что идея насильственно выселить этих людей из районов, где они жили в течение многих веков, и перевезти в горячую безжизненную пустыню четко укладывалась в немецкую концепцию искусства управления государством. Тот факт, что эти люди испокон веков жили в умеренном климате, в глазах пангерманских теоретиков существенного значения не имел. Я выяснил, что немцы уже давно широко насаждали эту идею, а некоторые немецкие ученые даже читали лекции по этому вопросу на Востоке. «Помню, как я посетил лекцию известного немецкого профессора, — рассказывал мне один американец. — Он настойчиво убеждал своих слушателей, что на протяжении всей истории турки совершали грубейшую ошибку, проявляя ненужное милосердие к негугрецкому населению. Единственный способ обеспечения процветания Турецкой империи, по его словам, — это действо-

вать без всяких сантиментов по отношению ко всем живущим на территории Турции национальностям и расам, не поддерживающим планы турок».

Пангерманисты причастны к армянской проблеме. Я процитирую слова автора «Средней Европы» Фридриха Наумана, вероятно одного из лучших пропагандистов идей пангерманизма. В своем труде об Азии Науман, ранее бывший священником, уделяет много внимания массовым убийствам армян 1895—1896 годов. Достаточно привести несколько строк, чтобы показать отношение немецкой государственной политики к такому бесчестию. «Принимая во внимание убийство 80—100 тысяч армян, мы можем прийти только к одному мнению: мы должны с гневом и страстью осудить и убийц, и подстрекателей. Они совершили самые гнусные убийства массы людей, более многочисленные и жестокие, чем во время кампании Шарлеманя против саксонцев. пытки, описанные Лепсиусом, превосходят все, что мы знали ранее. Что тогда не позволяет нам напасть на турок, сказав им: «Эй, ты, убирайся отсюда!»? Нам мешает только одно: турок ответит, что будет бороться за свое существование, и мы ему поверим. Мы верим, несмотря на негодование, которые вызывает в нас кровавое мусульманское варварство, что турки защищаются на законных основаниях. В армянском вопросе и массовых убийствах мы видим прежде всего дело турецкой внутренней политики, эпизод агонии, через которую проходит великая империя, не собирающаяся умирать, не сделав последней попытки спастись, пусть даже ценой кровопролития. Все великие державы, за исключением Германии, приняли политику, направленную на изменение текущего состояния дел в Турции. Соответственно, они требуют для подданных Турции прав человека, гуманности, цивилизованности, политических свобод — словом, всего того, что сделает их равными туркам. Но так же, как древнее римское деспотическое государство не могло терпеть религию назарян, Турция, являющаяся политическим преемником Восточной Римской империи, не может терпеть присутствия свободного западного христианства среди своих подданных. Для Турции армянский вопрос есть

вопрос жизни и смерти. По этой причине она действует в традициях азиатского варварства; она уничтожила армян, чтобы они еще долго не смогли заявить о себе как о политической силе. Конечно, это ужасный акт, акт политического отчаяния, позорный в деталях, и все же он является частью политической истории на свой, азиатский манер... Несмотря на недовольство, которое испытывает немецкий христианин, узнав о свершившихся фактах, ему ничего не остается делать, как терпеть, конечно, насколько это возможно, и предоставить событиям идти своим чередом. Наша политика на Востоке уже давно определена: мы принадлежим к группе стран, защищающих Турцию, и именно этот факт должен определять наше поведение... Мы не запрещаем рьяному христианину думать о жертвах этих страшных преступлений, нянчиться с детьми, заботиться о взрослых. Да благословит Господь эти добрые дела, как и все другие проявления веры. Только мы не должны допускать, чтобы акты милосердия принимали форму политических актов, которые причинят вред немецкой политике. Интернационалист, тот, кто принадлежит к английской школе мышления, может идти в ногу с армянами. Националист, тот, кто не намерен жертвовать будущим Германии ради Англии, должен в вопросах внешней политики следовать указанным Бисмарком путем, даже если он кажется безжалостным... Национальная политика: исходя именно из этого, мы, как государственные деятели, должны выказать безразличие к страданиям христиан в Турции, даже если, как люди, мы испытываем боль... Это наш долг, который мы должны понять и признать перед Богом и людьми. Если сегодня мы поддерживаем существование Турецкого государства, то делаем это в собственных интересах, ради нашего великого будущего... С одной стороны, мы должны исполнить наш национальный долг, по другую сторону лежат наши человеческие обязанности. Бывают времена, когда в случае конфликта этих двух начал мы можем выбирать нечто среднее. Это хорошо с человеческой точки зрения, но редко правильно в моральном плане. В этом случае, как и во всех аналогичных ситуациях, мы должны четко знать, по какую сторону лежит

величайший и важнейший нравственный долг. Сделав выбор, уже нельзя колебаться. Вильгельм II такой выбор сделал. Он стал другом султана, поскольку думает о великой, независимой Германии».

Такова была немецкая философия применительно к армянам, и я имел возможность наблюдать ее применение на практике. Как только в Константинополь стали поступать первые сообщения, мне пришло в голову, что наиболее реальный способ остановить преступления — это совместное обращение всех дипломатических представительств к оттоманскому правительству. В конце марта я пришел, чтобы обсудить этот вопрос с Вангенхаймом. Его глубочайшая антипатия к армянам стала очевидна сразу. Он начал поносить их, не выбирая выражений, совсем как Талаат и Энвер. Он рассматривал события в Ване как беспричинный бунт, короче говоря, в его глазах, как и в глазах турецких чиновников, армяне были предателями и преступниками.

— Я помогу сионистам, — заявил он, полагая, что это замечание будет приятно лично мне, — но ничего не буду делать для армян.

Вангенхайм старался представить армянский вопрос делом, касающимся главным образом Соединенных Штатов. Очевидно, мои постоянные выступления в их защиту немецкий ум расценил так, что любой акт милосердия по отношению к этим людям станет уступкой Соединенным Штатам. А в тот момент он был вовсе не расположен делать что бы то ни было в угоду американцам.

— Соединенные Штаты — единственная страна, — сказал он, — проявляющая повышенный интерес к армянам. Ваши миссионеры — их лучшие друзья, а ваши люди — их пылкие защитники. Поэтому вопрос помощи им — дело американцев. Как вы можете ожидать моего участия, если Соединенные Штаты продают оружие врагам Германии? Мистер Брайан только что опубликовал ноту, заявив, что было бы противоречием нейтралитету не продавать оружие Англии и Франции. Пока ваше правительство сохраняет такое отношение, мы не станем ничего делать для американцев.

Возможно, только немецкая логика могла найти связь между нашей продажей военных материалов союзникам и издевательствами турок над сотнями тысяч армянских женщин и детей. Но мне больше ничего не удалось добиться от Вангенхайма. Я часто беседовал с ним, но он неизменно отклонял мои просьбы о милосердии к армянам, ссылаясь на использование американских снарядов в Дарданеллах. Вскоре наши отношения стали весьма прохладными, очевидно в результате моего отказа отдать ему «должное» за прекращение депортации французских и британских гражданских лиц на полуостров Галлиполи. После нашего несколько излишне резкого разговора по телефону, когда он потребовал, чтобы я телеграфировал в Вашингтон, что он не настаивал на турок в этом вопросе, наши взаимные визиты на несколько недель прекратились.

В Константинополе были влиятельные немцы, не разделявшие точку зрения Вангенхайма. Я уже упоминал о Пауле Вайце, в течение тридцати лет работавшем корреспондентом «Франкфуртер цайтунг», который, вероятно, знал о ближневосточных делах больше, чем любой другой немец. И хотя Вангенхайм постоянно обращался к этому человеку за информацией, но очень редко следовал его советам. Вайце не разделял ортодоксального имперского отношения посла к Армении и считал, что отказ Германии во вмешательстве наносит его стране непоправимый ущерб. Вайце периодически говорил об этом Вангенхайму, но не добился успеха. Вайце сам рассказал мне об этом в январе 1916 года, за несколько недель до моего отъезда из Турции. Далее я привожу его слова: «Я помню, как вы говорили мне вначале, что в армянском вопросе Германия совершает большую ошибку. И я с вами совершенно согласен. Но Вангенхайм дважды вышвыривал меня из комнаты после того, как я пытался довести до него эту мысль».

Другим немцем, выступавшим против зверств турок по отношению к армянам, был советник немецкого посольства Нейрат. Его негодование достигло такой степени, что он практически отказался от дипломатичности в разговорах с Энвером и Талаатом. Позже он мне признался, что не сумел повлиять на них.

— Они непреклонны и намерены продолжать прежний курс, — сказал Нейрат.

Конечно, ни один немец не мог надеяться произвести соответствующее впечатление на турецкое правительство, пока от вмешательства отказывался немецкий посол. Со временем стало совершенно ясно, что Вангенхайм вовсе не намеревался остановить депортации. Однако он явно стремился восстановить дружеские отношения со мной и вскоре стал посылать ко мне третьих лиц, чтобы узнать, почему я прекратил свои визиты. Не знаю, сколько бы еще продлилось это отчуждение, если бы не произошло несчастье. В июне при странных и трагических обстоятельствах погиб германский военный атташе подполковник Лайпциг. Это произошло на железнодорожной станции Луле-Бургас. Подполковник был убит выстрелом из револьвера. Одни говорили, что выстрел произошел случайно, другие — что полковник совершил самоубийство, третьи — что его убили турки, перепутав с Лиманом фон Зандерсом. Лайпциг был близким другом Вангенхайма; в молодости они служили в одном полку, а приехав в Константинополь, были практически неразлучны. Я немедленно прибыл к послу, чтобы выразить свои соболезнования, и нашел его очень удрученным и озабоченным. Вангенхайм сказал, что у него был сердечный приступ, что он очень устал, и обратился с просьбой об отпуске на несколько недель. Я знал, что Вангенхайма угнетает не только смерть друга. Немецкие миссионеры наводнили Германию рассказами о бедственном положении армян. Народ требует от правительства прекратить убийства. Но как бы угнетен и расстроен ни был Вангенхайм, судя по многим признакам, он оставался столь же непреклонным немецким милитаристом, как и раньше. Через несколько дней, во время своего ответного визита, он сказал:

— Где сейчас армия Китченера? — Сделав паузу, он продолжил: — Мы хотим отказаться от Бельгии. Германия намерена построить огромный подводный флот с большим радиусом действия. Поэтому во время следующей войны мы сможем организовать полную блокаду Англии. Нам теперь

не нужна Бельгия для баз подводного флота. Мы вернем ее бельгийцам, взяв взамен Конго.

Я снова перевел разговор на тему преследования христиан, и мы долго обсуждали эту проблему.

— Армяне, — сказал Вангенхайм, — в этой войне показали себя врагами турок. Совершенно очевидно, что эти два народа никогда не уживутся в пределах одной страны. Соединенным Штатам следует перевезти часть их в Америку, а мы, немцы, отправим некоторое число армян в Польшу, а на их место в армянские провинции пошлем польских евреев, если они пообещают отказаться от своих сионистских планов.

И снова, хотя я и говорил с большой серьезностью, немецкий посол отказался помочь армянам.

Все же 4 июля Вангенхайм передал официальную ноту протеста. Правда, он разговаривал не с Талаатом или Энвером, единственными людьми, имеющими влияние, а с великим визирем, не обладающим реальной властью. Инцидент имел точно такой же характер, как и его протест, выдвинутый исключительно для соблюдения дипломатической формы, против отправки французских и британских гражданских лиц в Галлиполи с целью служить мишенью для флота союзников. Единственной причиной всего этого было «поставить галочку». Вероятно, лицемерие этого протеста было для меня очевиднее, чем для других, потому что одновременно с заявлением этого так называемого протеста Вангенхайм излагал мне причины, по которым Германия не может предпринять действительно эффективных шагов для прекращения геноцида. Вскоре после этой беседы Вангенхайм получил отпуск и отбыл в Германию. Каким бы черствым ни показал себя Вангенхайм, он все же не был таким безжалостным, как немецкий военно-морской атташе в Константинополе Хуман. Этот человек считался чрезвычайно влиятельным, его положение в Константинополе соответствовало положению Бой-Эда¹ в Соединенных Штатах. Один немецкий дипломат как-то сказал мне, что в Хумане больше турецкого, чем в

Энвере или Талаате. Несмотря на такую репутацию, я сделал попытку воспользоваться его влиянием, обратившись к нему еще и потому, что он был другом Энвера и считался важным связующим звеном между немецким посольством и турецкими военными властями. Хуман был личным эмиссаром кайзера, поддерживал постоянную связь с Берлином и, вне всяких сомнений, выражал отношение к проблеме правящих классов Германии. Он обсуждал армянский вопрос с откровенностью и жестокостью.

— Я прожил в Турции большую часть жизни, — сказал он мне, — и знаю армян. Я также знаю, что армяне и турки не могут жить вместе в одной стране. Одному из этих народов придется уйти. И я не виню турок за то, что они делают с армянами. Полагаю, их действия полностью оправданны. Тот, кто слабее, должен уступить. Армяне желают разделить Турцию на части; они выступают против Турции и Германии в этой войне, поэтому у них нет права на существование здесь. Я думаю, Вангенхайм зашел слишком далеко, выразив протест, по крайней мере, я бы так не поступил.

Услышав такие речи, я ужаснулся, но Хуман продолжил оскорблять армянский народ и выгораживать турок, освобождая их от любой ответственности.

— Вопрос в безопасности, — объяснил он. — Турки должны защищаться, и с этой точки зрения их действия вполне оправданы. Мы же нашли в Кадикее семь тысяч стволов, принадлежавших армянам. Сначала Энвер хотел обращаться с армянами весьма умеренно и четыре месяца назад настаивал, чтобы им был дан еще один шанс продемонстрировать свою лояльность. Но после того, что они натворили в Ване, ему пришлось призвать армию, которая уже давно настаивала на защите тылов. Комитет принял решение о депортации, и Энвер неохотно согласился. Все армяне работают на уничтожение турецкой власти; единственное, что остается, — депортировать их. Энвер еще очень добросердечный человек, сам он не способен и мухи обидеть. Но когда речь идет о защите идей, в которые он верит, он действует решительно и бесстрашно. Более того, младотурки должны избавиться от армян хотя бы

¹ Бой-Эда Карл — германский морской атташе в Вашингтоне.

в порядке самозащиты. Комитет силен только в Константинополе и еще нескольких крупных городах. Во всех других местах люди в основном «старотурки», а все старые турки являются фанатиками. Существующее правительство не пользуется расположением старых турок, и комитет должен сделать все от него зависящее, чтобы защитить себя. Но не думайте, что вред будет причинен другим христианам. Любой турок легко найдет трех армян среди тысячи турок.

Хуман был не единственным влиятельным немцем, носившим подобные идеи. До меня стали доходить слухи из самых разных источников, что мое постоянное вмешательство в дела армян делает меня все более непопулярным среди немецких чиновников. Однажды ко мне с визитом прибыл советник Нейрат и показал только что полученную им из немецкого министерства иностранных дел телеграмму. В ней содержалась информация о том, что граф Крюи и граф Кромер говорили об армянах в палате лордов и, в своих речах возложив ответственность за массовые убийства на немцев, объявили, что располагают информацией от американского очевидца. В телеграмме также упоминалась статья в «Вестминстер газет», в которой говорится, что в некоторых местах немецкие консулы провоцируют нападения на армян и даже возглавляют их, также приводилось имя Реслера из Алеппо. Нейрат сказал, что правительство поручило ему получить опровержение этих обвинений от американского посла в Константинополе. Я отказался давать какие бы то ни было опровержения, сказав, что не считаю себя вправе официально решать, кто именно, Турция или Германия, виновна в преступлениях.

Тем не менее в дипломатических кругах широко распространилось убеждение, что американский посол ответственен за широкую огласку, которую геноцид армян получил в Европе и Соединенных Штатах. Могу уверенно заявить, что это мнение было правильным. В декабре мой сын, Генри Моргентау-младший, посетил Галлиполи, где его встретили немецкие офицеры во главе с генералом Лиманом фон Зандерсом. Он едва успел переступить порог немецкого штаба, как к нему подошел офицер и сказал:

— Ваш отец пишет в американских газетах очень интересные статьи по армянскому вопросу.

— Мой отец не пишет никаких статей, — ответил мой сын.

— То, что они подписаны не его именем, вовсе не значит, что он их не пишет, — заявил офицер.

Тут вмешался фон Зандерс.

— Ваш отец, — сказал он, — совершает большую ошибку, придавая гласности факты, касающиеся отношения турок к армянам. Это не его дело.

Поскольку разговоры такого рода на меня не действовали, немцы решили перейти к угрозам. В начале осени в Константинополь из Берлина прибыл доктор Носсиг. Доктор Носсиг был немецким евреем и прибыл в Турцию, очевидно, чтобы действовать против сионистов. После нескольких минут разговора с ним стало ясно, что это немецкий политический агент. Он посещал меня дважды: в первый раз его речи были весьма туманны, видимо, для начала он хотел просто познакомиться со мной и втереться в доверие. Во второй раз, порассуждав несколько минут о посторонних вещах, он перешел к делу. Придвинув стул поближе ко мне, он заговорил самым дружелюбным и доверительным тоном.

— Господин посол, — сказал он, — мы оба евреи, и я хотел бы поговорить с вами как еврей с евреем. Надеюсь, вы не почувствуете себя оскорбленным, если я позволю себе дать вам один маленький совет. Вы очень активно проявляете интерес к армянскому вопросу и, полагаю, просто не осознаете, насколько при этом становитесь непопулярным у местных властей. Полагаю, должен вас предупредить, что турецкое правительство намерено настаивать на вашем отзыве. Ваша защита армян бесполезна. Немцы не станут вмешиваться, а вы портите свою репутацию и рискуете карьерой.

— Вы даете мне этот совет, потому что искренне заботитесь о моей судьбе? — полюбопытствовал я.

— Конечно, — ответил он. — Все мы, евреи, гордимся тем, что вы сделали, и не хотели бы, чтобы ваша карьера закончилась бесславно.

— Тогда, — сказал я, — возвращайтесь обратно в немецкое посольство и передайте Вангенхайму мои слова: пусть продол-

жает добиваться моего отзыва. Если мне суждено стать мучеником, не представляю лучшего дела, ради которого стоит жертвовать. Скажу больше: я буду рад, если меня отзовут, и почту за высочайшую честь, если меня, еврея, отзовут за то, что я использовал все свое влияние, чтобы спасти тысячи христиан.

Доктор Носсиг покинул мой кабинет с большой поспешностью, и больше я его не видел. При следующей встрече с Энвером я не скрыл от него, что до меня дошли слухи о моем грядущем отзыве по настоянию оттоманского правительства. Он весьма эмоционально опроверг их.

— Мы никогда не возьмем на себя ответственность за такую нелепую ошибку, — с чувством сказал он.

И у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что попытка запугать меня была предпринята немецким посольством.

Вангенхайм вернулся в Константинополь в начале октября. Я был потрясен происшедшей в нем переменой. В своем дневнике я записал, что он мне напомнил Вотана. Его лицо непрерывно подергивалось, правый глаз был закрыт черной повязкой, он казался нервным и угнетенным. Он сказал, что ему совсем не удалось отдохнуть, большую часть отпуска он провел в Берлине, занимаясь делами. Спустя несколько дней я встретил его на улице. Он сказал, что направляется в американское посольство, и мы вместе вернулись. Незадолго до этого Талаат сказал мне, что намерен депортировать всех армян, еще оставшихся в Турции, и это утверждение заставило меня обратиться с последней просьбой к единственному человеку в Константинополе, который обладал достаточным влиянием, чтобы остановить совершающиеся преступления. Я проводил Вангенхайма на второй этаж посольства, где мы остались одни и были уверены, что нам никто не помешает. Там мы больше часа сидели за столом и в последний раз обсуждали этот вопрос.

— У меня есть информация из Берлина, — сказал он. — Ваш госсекретарь утверждает, что после вступления Болгарии в войну на нашей стороне убито еще больше армян.

— Я ничего подобного не сообщал, — ответил я, — хотя, конечно, не стану отрицать, что передал в Вашингтон очень мно-

го информации по армянскому вопросу. Я направлял в Госдепартамент каждый отчет, попавший мне в руки. Теперь они хранятся там, и я уверен: что бы ни случилось со мной, американцы будут располагать полной картиной случившегося, и им не нужен будет мой устный рассказ, чтобы сформировать собственное мнение. Но ваше последнее утверждение не вполне точно. Я только проинформировал госсекретаря, что влияние, которое могла оказать Болгария, чтобы прекратить убийства, потеряно, поскольку она стала союзницей Турции.

Мы снова вернулись к вопросу о депортациях.

— Германия не несет за это ответственности, — сказал Вангенхайм.

— Вы можете это утверждать сколько угодно, все равно никто не поверит. Мир всегда будет считать Германию ответственной за эти преступления. Вину за них унаследуют ваши потомки. Я знаю, что вы заявили письменный протест. Ну и что? Вы знаете не хуже меня, что такой протест бесполезен. Я же не утверждаю, что Германия ответственна за массовые убийства, потому что подстрекает к ним. Она ответственна в том смысле, что, имея достаточно влияния, чтобы их прекратить, не желает этим воспользоваться. Причем ответственность возлагает на вас не только Америка и ваши враги. Однажды сам немецкий народ призовет к ответу свое правительство. Вы же христиане, и наступит время, когда немцы поймут: вы позволили мусульманам уничтожить другую христианскую нацию. Глупо протестовать против того, что эта информация доходит до Государственного департамента. Неужели вы считаете, что столь ужасные зверства можно сохранить в тайне от всего мира? Не стоит занимать позицию страуса, прячущего голову в песок. Не думайте, что, игнорируя чужую жестокость, вы заставите делать то же весь мир. Преступления такой жестокости и масштаба нельзя утаить. Неужели вы считаете, что, узнав о подобном, я не сообщу об этом своему правительству? Кстати, информацию об армянах сообщают мне не только американские миссионеры, но и немецкие.

— Все, что вы говорите, может быть, и правда, — задумчиво проговорил немецкий посол, — но суть в том, что пере-

нами стоит грандиозная задача: мы должны выиграть войну. Турция разделилась со своими внешними врагами, она сделала это в Дарданеллах и Галлиполи. Теперь она старается решить свои внутренние проблемы. Они все еще опасаются, что им может быть навязан режим капитуляции. Они хотят, прежде чем окажутся ограниченными в своих действиях, урегулировать свои внутренние дела так, чтобы остался минимум шансов вмешательства со стороны иностранцев. Талаат сказал мне, что они постараются завершить все до объявления мира. Они не хотят допустить в будущем, чтобы русские могли вмешаться в дела армян, ведь в России много армян, которые обеспокоены положением своих братьев по религии в Турции. Гирс все время занимался этим, и турки не намерены позволить послу России или любой другой страны делать это впредь. Армяне — люди очень разные. Вы сталкиваетесь в Константинополе с представителями образованных классов, и ваше впечатление о всех представителях нации складывается по этим людям. Но далеко не все армяне такие. И тем не менее я признаю, что обращаются с ними ужасно. Я послал своего человека, чтобы тот провел расследование, и он сообщил, что самые тяжкие преступления совершают все же не чиновники, а бандиты.

Затем Вангенхайм снова предложил, чтобы часть армян была вывезена в Соединенные Штаты, а я уже в который раз объяснил, почему это невозможно.

— Давайте ненадолго отвлечемся от высоких материй, — сказал я, — забудем о военных нуждах, государственной политике и тому подобных вещах и посмотрим на проблему просто как люди. Помните, что основное число людей, подвергающихся столь жестокому обращению, — это старики, женщины и беспомощные дети. Почему вы, не государственный деятель, а обычный человек, не можете позаботиться о том, чтобы этим людям позволили жить?

— При существующем положении дел в Турции я не буду вмешиваться, — сказал Вангенхайм.

Я понял, что вести дальнейшие разговоры бессмысленно. Он был человеком, лишенным симпатии к людям и состра-

дания, и я с негодованием отвернулся. Вангенхайм встал и собрался уходить. Неожиданно он судорожно вздохнул, и ноги под ним подогнулись. Я вскочил и успел поддержать его — не дав упасть. В течение минуты он казался совершенно ошеломленным и смотрел на меня, словно не понимая, что происходит. Потом он сделал усилие и выпрямился. Я крепко взял посла под руку, помог спуститься по лестнице и посадил в машину. К этому времени он, как мне показалось, совершенно оправился от внезапного приступа дурноты, после чего добрался благополучно домой. Через два дня, за ужином, с Вангенхаймом случился апоплексический удар. Его перенесли наверх в постель, но он так больше и не пришел в себя. 24 октября меня официально уведомили о том, что немецкий посол скончался. Так что в последний раз я видел Вангенхайма в американском посольстве. Он сидел в моем кабинете, наотрез отказываясь использовать свое влияние для того, чтобы остановить истребление народа. Он был единственным человеком, а его правительство — единственным правительством, которое могло остановить эти преступления, но, как Вангенхайм мне много раз говорил, их главной целью была победа в войне.

Через несколько дней после произошедшего турецкие власти и дипломатические круги простились с послом Вангенхаймом — совершенным воплощением прусской политической системы. Прощание состоялось в саду немецкого посольства в Пера. Было море цветов. Все присутствующие, кроме семьи, посла и представителей султана во время простой, но впечатляющей церемонии, стояли. Затем траурная процессия двинулась. Впереди шли немецкие моряки, которые несли на плечах гроб с телом покойного, за ними — моряки с цветами, а уж потом — все члены дипломатического корпуса и представители турецкого правительства.

Процессию возглавлял великий визирь. Я всю дорогу шел рядом с Энвером. Здесь были все офицеры «Гебена» и «Бреслау» и немецкие генералы, одетые в парадную форму. Казалось, все жители Константинополя выстроились вдоль улиц, по которым шла процессия. Атмосфера царила скорее праздничная,

чем траурная. Мы подошли к дворцу султана и проследовали через ворота, в которые входят послы, вручая верительные грамоты. В порту нас ждал пароход. Там советник Нейрат принял тело своего умершего начальника. Гроб, заваленный цветами, погрузили на катер. Когда он отошел от причала, Нейрат, огромный пруссак, облаченный в военную форму и шлем с плюмажем, замер по стойке «смирно». Вангенхайма похоронили в летней резиденции посла в Ферапии рядом с его другом — полковником Лайпцигом. Никакое другое место последнего упокоения не было бы для него более уместным: именно здесь он достиг своего главного дипломатического успеха, отсюда чуть более чем двумя годами ранее по радио направлял «Гебен» и «Бреслау» и благополучно привел их в Константинополь, что сделало неизбежным объединение сил Турции и Германии и открыло дорогу для всех побед и всех ужасов, которые последовали за этим событием.

Глава 28

ЭНВЕР ВНОВЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К МИРУ. ПРОЩАНИЕ С СУЛТАНОМ И ТУРЦИЕЙ

Неудача моих неустанных попыток остановить уничтожение армян сделала Турцию для меня крайне неприятным местом; я не мог больше общаться с людьми, которые, хотя и были неизменно любезными и обходительными по отношению к американскому послу, обагрили свои руки в крови миллиона человеческих существ. Если бы я мог сделать еще хотя бы что-то для американцев, иностранных подданных или преследуемых народов этой империи, я бы, конечно, остался. Однако положение американцев и европейцев как иностранных подданных теперь стало достаточно прочным, а я достиг предела своих возможностей. Кроме того, в Соединенных Штатах приближалось событие, которое, по моему глубокому убеждению, должно было оказать огромное влияние на будущее мира и демократии, — президентская кампания. Я чувствовал, что нет ничего важнее для международной

политики, чем переизбрание президента Вильсона. Я не мог даже представить себе более страшной катастрофы для Соединенных Штатов и всего мира, чем провал на выборах этого величайшего государственного деятеля. Я считал, что в этот судьбоносный момент должен служить своей стране дома и сделать все от меня зависящее, чтобы способствовать переизбранию господина Вильсона.

У меня была еще одна причина для возвращения домой: я должен был лично проинформировать президента и Государственный департамент о том, что знал касательно международной обстановки в Европе. Было особенно важно дать им всесторонний обзор вопроса о мире. В конце 1915 и в начале 1916 года это был самый важный предмет обсуждения в Константинополе. Энвер-паша постоянно просил меня обратиться к президенту по вопросу об окончании войны. Он неоднократно заявлял, что Турция устала от войны и что ее спасение зависит от мира, который должен быть заключен как можно быстрее. Я уже описывал ситуацию, сложившуюся через несколько месяцев после начала войны, но к концу 1915 года положение существенно ухудшилось. Когда Турция приняла решение о депортации и массовых убийствах некоторых своих подданных, в первую очередь армян и греков, она подписала смертный приговор собственной экономике. Это были люди, как я уже говорил, управлявшие ее промышленностью, финансами, развивавшими ее сельское хозяйство, поэтому последствия этого преступления национального масштаба теперь начали проявляться повсеместно. Поля оставались невозделанными, каждый день тысячи крестьян умирали от голода. Поскольку армяне и греки были крупнейшими налогоплательщиками, их ликвидация значительно уменьшила государственные доходы, а то, что практически все турецкие порты были заблокированы, объясняло отсутствие притока в казну таможенных сборов. Один лишь тот факт, что Турция едва находит средства для выплаты процентов по своему национальному долгу, не говоря уже о текущих, в том числе военных расходах, дает представление о том, в каком тяжелом положении находилась эта страна. Поэтому у Турции име-

лись все основания стремиться к скорейшему миру. Кроме того, Энвер и правящая партия опасались революции, если война не закончится в минимальные сроки. Примерно в это время я и писал в Госдепартамент: «Эти люди намерены сделать все, чтобы сохранить свою власть».

И все же я относился к заявлениям Энвера о стремлении к миру не слишком серьезно.

— Вы говорите от своего имени и имени своей партии, — как-то поинтересовался я, — или от имени Германии тоже? Я не могу выступать с какими бы то ни было предложениями, пока за вами стоит Германия. Вы консультировались с немцами по этому вопросу?

— Нет, — ответил Энвер, — но я знаю их позицию.

— Этого недостаточно, — ответил я, — вам лучше связаться с немцами через немецкое посольство. Я не стану передавать ваше обращение, не согласованное с вашими союзниками-тевтонцами.

Энвер считал, что обсуждать вопрос с немецким послом бесполезно. Правда, он сообщил, что уезжает в Орсово, город на границе Венгрии и Румынии, где встретится с Фалькенгайном, в то время бывшим начальником полевого Генштаба немецких войск. Фалькенгайн, объяснил Энвер, очень влиятельный человек, с ним и следует обсудить вопрос о мире.

— Почему вы считаете, что вопрос о мире следует обсуждать именно сейчас? — спросил я.

— Потому что через две недели мы полностью уничтожим Сербию. Мы считаем, что это вразумит союзников и подтолкнет их к мирным переговорам. Цель моего визита к Фалькенгайну — завершить приготовления к вторжению в Египет. Мы считаем, что через несколько дней к нам присоединится Греция. Мы уже готовим тонны продовольствия и фуража для отправки в Грецию. Когда мы получим Грецию, следующей будет Румыния. Имея союзниками Грецию и Румынию, мы обеспечим для себя миллионную свежую армию. Все необходимое оружие и боеприпасы мы получим из Германии, как только откроется прямое железнодорожное сообщение. А значит, сейчас самое время говорить о мире.

Я предложил военному министру обговорить все это с Фалькенгайном во время предстоящей встречи и по возвращении рассказать мне о результатах. Каким-то образом содержание нашей беседы стало известно новому немецкому послу — графу Вольф-Меттерниху, который сразу же прибыл ко мне для беседы. Он явно хотел внушить мне две вещи: что Германия никогда не отдаст Эльзас-Лотарингию и что она будет настаивать на возврате всех своих колоний. Я сказал, что бесполезно говорить о мире, пока Англия не одержит большую военную победу.

— Возможно, это так, — ответил граф, — но вы вряд ли можете ожидать от нас, что мы позволим Англии одержать такую победу только для того, чтобы она сочла себя готовой к мирным переговорам. Хотя, я думаю, вы ошибаетесь. Было бы ошибкой утверждать, что Великобритания еще не одержала ни одной серьезной победы. По моему мнению, на ее счету уже есть ряд побед, и весьма существенных. Посудите сами: она установила безусловное господство на море и вытеснила оттуда всю немецкую торговлю. Она не только не потеряла ни пяди своей территории, но и приобрела новые владения. Она аннексировала Кипр и Египет и завоевала все немецкие колонии. Она владеет большей частью Месопотамии. И вы утверждаете, что Англия ничего не получила от этой войны? Абсурд!

1 декабря Энвер прибыл в американское посольство, чтобы сообщить о результатах переговоров с Фалькенгайном. Немецкий начальник Генштаба сообщил, что Германия выступает за мирные переговоры, но не может сформулировать свои условия заранее, поскольку такой акт был бы интерпретирован как признак слабости. И лишь одно очевидно: в настоящий момент союзники могут рассчитывать на значительно более выгодные условия, чем в будущем. Энвер сказал, что немцы не возражают против сдачи всей территории, отвоеванной у Франции и практически всей Бельгии. Еще они настаивают на постоянном разделе Сербии. Не только ни одного акра македонской земли не будет возвращено Сербии, но и отторгнутых частей ее старой территории. Иначе говоря, размеры Сербии значительно уменьшатся, если сравнивать с периодом, пред-

шествовавшим Балканским войнам, и она фактически прекратит свое существование как независимое государство. Суть этих требований была ясна уже тогда: Германия получила то, ради чего затевала войну, — путь от Берлина до Константинополя, а затем и на Восток. Таким образом, германизация части, причём немалой, Средней Европы становилась свершившимся фактом. Очевидно, Германия хотела отдать провинции Северной Франции и Бельгии, чтобы, взамен этого, Антанта согласилась на сохранение ею этих завоеваний. Предложение Фалькенгайна, по существу, не отличалось от выдвинутого Германией в конце 1914 года. Беседа Энвера и Фалькенгайна, в изложении Энвера, показала, что это был не спонтанно возникший план, а схема, разработанная немцами в самом начале.

Во всем этом я не видел предпосылку для раннего мира. Но считал, что должен изложить все эти факты президенту, почему и обратился в Вашингтон с просьбой об отпуске, который и был мне предоставлен. 13 января я имел прощальную встречу с Энвером и Талаатом. Оба чиновника находились в превосходном настроении. Очевидно, они, как и я, вспоминали важные события, происшедшие в Турции и в мире за время, прошедшее после нашей первой встречи с ними два года назад. Тогда Талаат и Энвер были всего лишь отчаянными авантюристами, которые достигли некоторых высот посредством убийств и интриг; их положение было шатким, поскольку в любой момент могла начаться новая революция, которая сбросила бы их в безвестность, из которой они, собственно говоря, и появились. Теперь же они были бесспорными руководителями Оттоманской империи, союзниками сильнейшей в мире (на тот момент) военной державы, победившими — абсурдно, но они всерьез считали так — английский флот. В момент своего наивысшего триумфа — экспедиционные силы союзников ушли из Дарданелл за две недели до этого — и Талаат, и Энвер снова называли свою страну мировой державой.

— Я слышал, что вы отправляетесь домой, чтобы потратить много денег и переизбрать вашего президента, — сказал Талаат. Это был шуточный намек на то, что я был председателем финансового комитета Демократического национального ко-

митета. — Это очень глупо с вашей стороны. Лучше бы вы остались здесь и отдали эти деньги нам. Турции они нужнее. Но мы надеемся, — добавил он вежливо (и неискренне), как восточный человек, — что вы скоро вернетесь. Мы с вами, в полном смысле, выросли и возмужали вместе. Вы приехали сюда примерно тогда же, когда мы пришли к власти, мы хорошо узнали друг друга, не думаю, что нам удастся быстро сойтись с другим человеком. Вы нам нравитесь. Конечно, у нас были разногласия, и временами немалые, но вы всегда оставались честным и справедливым человеком. Мы уважаем американскую политику в Турции такой, как вы ее представляли. Нам не хотелось бы, чтобы вы уезжали даже на несколько месяцев.

Я ответил, что мне приятно слышать эти слова.

— Вы мне доставили большое удовольствие, — сказал я. — И поскольку вы мне так здорово польстили, не сомневаюсь, что вы мне кое-что пообещаете. Вы оба сейчас передо мной, и это мой шанс получить обещания от вас обоих. Будете ли вы относиться к людям, за которых я отвечаю, так же внимательно, как если бы я оставался здесь?

— Если вы имеете в виду американских миссионеров и учителей в колледжах и школах, мы даем вам твердое обещание, — сказал Талаат, а Энвер кивнул. — Их никто не потревожит, и они могут спокойно продолжать работать. Можете не переживать о них.

— А как насчет англичан и французов?

— Ладно, — улыбнулся Талаат, — возможно, у нас и были некоторые трения, но и здесь вы можете быть спокойным. Мы позаботимся и о них.

После этого я в последний раз поднял вопрос, уже много месяцев тяжким грузом лежавший на моем сердце:

— А что вы скажете об армянах?

Приветливость Талаата мгновенно исчезла, его лицо окаменело, а в глазах загорелся звериный огонек.

— Зачем об этом говорить? — сказал он и махнул рукой. — С ними все кончено.

Таким было мое прощание с Талаатом. «Все кончено» — таковы были его последние слова, адресованные мне.

На следующий день я явился на прощальную аудиенцию к султану. Это был все тот же приветливый, добродушный старый джентльмен, которого я впервые увидел два года назад. Он принял меня неофициально, одетый в европейский костюм, и предложил мне сесть рядом с ним. Мы беседовали около двадцати минут, обсудили ряд насущных вопросов, в том числе и дружественные отношения, установившиеся между Америкой и Турцией. Он тепло поблагодарил меня за интерес, проявленный к его стране, и выразил надежду на мое скорое возвращение. Потом он перешел к проблеме войны и мира.

— Любой монарх, естественно, желает мира, — сказал он. — Ни один из нас не одобряет кровопролитие, но бывают времена, когда войны неизбежны. Мы хотим урегулировать наши разногласия мирным путем, но это не всегда получается. Похоже, сейчас именно такой случай. Я говорил британскому послу, что мы не желаем воевать с его страной. И повторяю вам то же самое. Но Турция должна защищать свои права. Россия напала на нас, и нам пришлось защищаться. Таким образом, война не планировалась нами, она началась по воле Аллаха, такова была судьба.

Я выразил надежду на то, что она скоро окончится.

— Да, мы тоже хотим мира, — сказал он. — Но это должен быть мир, гарантирующий права нашей империи. Я уверен, что такая цивилизованная и процветающая страна, как Америка, стремится к миру и она приложит все свои усилия, чтобы принести на землю вечный мир.

Одна фраза султана, произнесенная во время этой аудиенции, произвела на меня большое впечатление. Он сказал: «Россия напала на нас». Этот бесхитростный пожилой человек верил в то, что говорил, это было очевидно. Не приходилось сомневаться и в том, что он ничего не знал о реальных фактах, в частности о том, что турецкие военные корабли под командованием немецких офицеров ввергли Турцию в войну, обстреливая русские портовые города. Вместо того чтобы сказать ему правду, лидеры младотурок навязали старому султану миф о России-агрессоре. Беседа отчетливо продемонстрировала, до какой степени мнимый правитель Турции был далек от реальности в своей собственной стране.

Во время нашей встречи Талаат и Энвер не попрощались со мной, сказав, что придут на вокзал. За несколько минут до отхода поезда на перроне появился бледный и взволнованный Бедри и передал их извинения.

— Они не смогут прийти. Наследный принц только что покончил жизнь самоубийством.

Я хорошо знал кронпринца и ожидал, что он составит мне компанию в путешествии до Берлина. Он собирался совершить такую поездку, и его вагон был прицеплен к нашему поезду. Я много раз встречался с Юсуфом Иззедином, он неоднократно приглашал меня к себе, и мы провели много часов в беседах об Америке и американских институтах — к этой теме он проявлял самый живой интерес. Он много раз говорил, что хотел бы использовать некоторые американские политические принципы в Турции. В то утро, когда мы должны были отбыть в Берлин, наследного принца нашли на полу его виллы в луже крови с перерезанными венами. Юсуф был сыном Абдул-Азиза, который был султаном с 1861 по 1876 год и вскрыл себе вены сорок лет назад. Иными словами, обстоятельства смерти отца и сына были одинаковыми. То, что Юсуф имел просоюзнические взгляды, был против участия Турции в войне на стороне Германии и часто выказывал свое неприятие «Единения и прогресса», дало пищу для самых разных подозрений. Я точно не знаю, какие именно истории о его смерти передавались из уст в уста, но по официальной версии это было самоубийство.

Когда этот вердикт был обнародован, один остроумный француз заметил: «Его самоубили».

Трагическое сообщение, естественно, испортило всем нам настроение, и, когда поезд отошел от вокзала в Константинополе, настроение у отъезжающих было мрачным. Правда, путешествие оказалось интересным. Я ехал на известном Балканском экспрессе, и это был его всего лишь второй рейс до Берлина. Мое купе имело номер 13, и несколько человек явились взглянуть на него. Они сообщили, что во время предыдущего рейса поезд обстреливали и окно моего купе было разбито.

Вскоре после начала путешествия я выяснил, что моим попутчиком является адмирал Узедом. Он сделал прекрасную

карьеру в немецком военно-морском флоте, среди прочего был капитаном яхты кайзера «Гогенцоллерн», поэтому находился в дружеских отношениях с его величеством. В последний раз я встречал Узедома в Дарданеллах, где он инспектировал оттоманские фортификационные сооружения. Как только мы встретились, адмирал заговорил о неудачной атаке союзников. Он и тогда и теперь не скрывал своих опасений и считал, что атака могла увенчаться успехом.

— Несколько раз, — сказал он, — мы считали, что они вот-вот прорвутся. Все мы там были чрезвычайно встревожены такой безрадостной перспективой. Нас спас героизм турецких солдат и их готовность жертвовать своей жизнью. Теперь все позади, эта часть нашей задачи выполнена.

Адмирал считал, что англичане были плохо подготовлены, хотя высоко оценил мастерство, с которым было организовано их отступление. Я также получил дополнительную информацию относительно взглядов немцев на массовые убийства армян. Узедом не делал попыток оправдать или обвинить турок. Он говорил об ужасающих вещах спокойно, бесстрастно, как об обычной военной проблеме, и по его замечаниям невозможно было догадаться, что речь идет о жизни миллиона людей. Он просто сказал, что армяне стояли на пути, были препятствием к успеху Германии и потому их было необходимо убрать, словно речь шла о ненужном хламе. Он говорил о них совершенно отстраненно, как будто речь шла о ряде домов, которые следует убрать, чтобы не мешали обстрелу города.

Бедная Сербия! Когда поезд въехал на ее опустошенные территории, я получил возможность увидеть, что война сделала с этой маленькой мужественной страной. На протяжении двух лет эта нация одна, практически без помощи союзников, стояла на пути продвижения пангерманских завоеваний, так же как она несколько веков сдерживала натиск турок. И она заплатила высокую цену. Селения, которые мы проезжали, были заброшены, некогда плодородные поля заросли сорняками, дома стояли без крыш, а зачастую были превращены в руины. Когда поезд переезжал реку, я заметил остатки взорванного

моста. Немцы построили новые мосты взамен разрушенных. Мы видели оборванных и истощенных женщин и детей, но почти не видели мужчин. Все они были или убиты, или находились в рядах все еще существующей отважной маленькой армии. Мимо нас постоянно шли эшелоны с немецкими солдатами, некоторые из них стояли на станционных стрелках. Мы их прекрасно видели, поскольку поезд буквально полз мимо них. Это и было объяснением царившей вокруг разрухе.

Глава 29

ФОН ЯГОВ, ЦИММЕРМАН И АМЕРИКАНСКИЕ НЕМЦЫ

Вечером 2 февраля 1916 года наш поезд прибыл на берлинский вокзал. Я специально упомянул дату, потому что этот период ознаменовался важным кризисом в отношениях между Германией и Соединенными Штатами. На вокзале меня встретил мой старый друг и коллега посол Джеймс В. Джерард. Он сказал, что собирает вещи и готовится покинуть Берлин, поскольку разрыв отношений между Германией и Соединенными Штатами — это вопрос дней, а может быть, и часов. В это время немцы и американцы пытались урегулировать дело «Лузитании». Переговоры дошли до того, что имперское правительство выразило готовность принести свои соболезнования, выплатить компенсацию и пообещать впредь не совершать подобного рода действий. Только президент и мистер Лансинг настаивали, чтобы Германия признала незаконность потопления «Лузитании». Это означало, что Германия в будущем не сможет возобновить подводную войну, не выставив себя в неприглядном свете, делая то, что ее же собственное правительство объявило противоречащим международному праву. Наше правительство не было согласно на другое решение, и потому представлялось, что разрыв близок.

— Я больше ничего не могу сделать, — сказал Джерард. — Я бы хотел, чтобы вы переговорили с Циммерманом и фон Ягвом и изложили им свою точку зрения.

У меня было много посетителей, и я очень скоро убедился в том, что в Берлине царит напряженная атмосфера и антиамериканский настрой. Практически во всех кругах нашу страну считали союзником Антанты, причем самые абсурдные мысли имели место по поводу наших отношений с Англией. Все считали, что британский посол в Вашингтоне сэр Сесил Спринг-Райс регулярно встречается с кабинетом Вильсона и получает информацию по всем вопросам нашей национальной политики.

В три часа пополудни Джерард проводил меня в кабинет фон Ягова, и мы провели больше часа, обсуждая с министром иностранных дел самые разные вопросы. Фон Ягов был худощавым человеком небольшого роста, обладавшим, на мой взгляд, нервическим темпераментом. На протяжении всей нашей беседы он непрерывно курил одну сигарету за другой. Он явно был в высшей степени обеспокоен сложившейся ситуацией. Не стоит думать, что немецкое правительство с легкостью шло на разрыв отношений с Соединенными Штатами, в то время как немецкая пресса высмеивала и всячески оскорбляла нас, выставляя на посмешище саму идею того, что Дядя Сэм может отправиться на войну. На меня произвел большое впечатление разительный контраст между пустозвонством журналистов и беспокойством, даже, пожалуй, страхом, проявленным высшим немецким чиновником. Не приходилось сомневаться, что власти не были безразличны к перспективе перехода нашей страны с ее населением и богатыми ресурсами на сторону Антанты, что бы при этом ни кричала берлинская пресса.

— Мы считаем позором требование мистера Лансинга о признании потопления «Лузитании» незаконным актом, — начал фон Ягов. — Он ведет себя как формалист.

— Если вы хотите услышать правду, — ответил я, — могу вас заверить в следующем: не думаю, что для Соединенных Штатов является принципиально важным то, какие именно термины вы употребляете. Но вы должны заверить мировую общественность, что сожалеете об этом деянии, считаете его ошибочным и что ничего подобного больше не про-

изоидет. Иначе Соединенные Штаты не будут удовлетворены.

— Мы не можем это сделать, — ответил он. — Мы обязаны считаться с общественным мнением в Германии. Если мы сделаем подобное заявление, существующий кабинет падет.

— Но я считал, что общественное мнение у вас под контролем, — ответил я. — Возможно, у вас мало времени, но вы, определенно, можете изменить отношение народных масс таким образом, чтобы они одобрили такое решение.

— Если речь идет о газетах, это правда, — сказал фон Ягов. — Мы можем их контролировать. Но это займет некоторое время. Газеты не могут идти на попятную сразу. Они должны делать это постепенно, скажем, в течение двух или трех недель. Но мы можем ими управлять. Зато есть отдельные члены парламента, которыми мы не в состоянии управлять, а они могут причинить столько неприятностей, что всем нам придется уйти в отставку.

— Мне кажется, что вы можете собрать этих людей вместе, — снова заговорил я, — объяснить им необходимость того, чтобы Соединенные Штаты оставались в стороне от войны, и они поймут. Беда в том, что вы, немцы, не знаете специфики моей страны. Вы не думаете, что Соединенные Штаты будут воевать. Вы не понимаете президента Вильсона, вы считаете, что он идеалист и мирный человек, который ни при каких обстоятельствах не возьмет в руки оружие. Тем самым вы делаете величайшую и самую дорогостоящую ошибку, которую только может сделать нация. Президент — человек далеко не однозначный. Не забывайте, что в нем течет шотландская и ирландская кровь. До сегодняшнего дня вы видели только его шотландскую сторону. Шотландская кровь делает его очень осторожным, заставляет взвешивать каждый шаг, добавляет ему терпение и выносливость. Но только в нем также живет огонь и боевой дух ирландцев. Если он однажды вцепится в кого-то, даже лом не поможет разжать его челюсти. Если он решит воевать, он будет драться со всей страстью своей души и пойдет до конца. Вы уже достаточно далеко зашли со своими провокациями, и вряд ли стоит идти дальше. Вы также про-

должаете обманываться потому, что некоторые члены конгресса, возможно даже отдельные члены кабинета, выступают за мир. Но вопрос будет решать только один человек — это президент. Он решит так, как считает правильным, и независимо от того, что могут сказать или сделать другие.

Фон Ягов сказал, что я описал ему президента по-новому, но он тем не менее продолжает считать, что Соединенные Штаты не вступят в войну. И тому есть еще одна причина.

— А как насчет американских немцев? — спросил он.

— Я могу рассказать вам о них абсолютно все, — ответил я, — потому что сам являюсь одним из них. Я родился в Германии и провел там первые девять лет своей жизни. Я всегда любил многое из немецкого, например музыку и литературу. Но мои родители покинули эту страну, потому что не были здесь счастливы. Соединенные Штаты дали им дом, сделали их успешными и счастливыми. Таких, как мы, миллионы. Нет ни одного пути к вершинам бизнеса или социального положения, который бы не был для нас открыт. Не думаю, что есть другие люди, так же довольные жизнью, как мы, американские немцы. — Я не мог открыть ему мои собственные мысли, потому что пока еще оставался послом, но я мог и должен был сказать следующее: — Возьмите хотя бы моих детей. В этой войне их симпатии были целиком на стороне Англии и ее союзников. Мой сын сейчас здесь, со мной. Он не устает повторять, что, если Соединенные Штаты вступят в войну, он немедленно вступит в армию. Неужели вы думаете, что в случае нашего вступления в войну они станут на вашу сторону? Это же нелепо. И большинство американцев немецкого происхождения думает в точности так же.

— Меня заверили, — сказал фон Ягов, — что в случае вступления вашей страны в войну американские немцы поднимут восстание.

— Выбросьте подобные глупости из головы, — ответил я. — Первый же, кто пойдет на это, будет наказан так быстро и сурово, что другим будет непозвонно. Причем я считаю, что настаивать на самом суровом наказании в первую очередь будут сами же американские немцы.

— Мы бы хотели избежать разрыва с Соединенными Штатами, — сказал фон Ягов, — но нам необходимо время для формирования соответствующего общественного мнения. Есть две партии, имеющие диаметрально противоположные взгляды на подводную войну. Одна из них считает, что подводная война должна стать неограниченной, независимо от ее последствий для Соединенных Штатов или любых других стран. У существующего кабинета противоположная точка зрения. Мы бы хотели урегулировать разногласия с вашим президентом. Но давление со стороны милитаристской фракции возрастает. Они вынуждают нас уйти, если мы объявим потопление «Лузитании» незаконным актом. Полагаю, президент Вильсон это поймет. Мы желаем сотрудничать с ним, но вынуждены продвигаться вперед с осторожностью. Полагаю, что мистер Вильсон, если он не желает разрыва, предпочтет видеть у власти нас.

— Иными словами, вы хотите дать понять Вашингтону, — поинтересовался я, — что вопрос, останетесь ли вы у власти, зависит от того, сделаете вы требуемое заявление или нет?

— Именно так, — ответил фон Ягов. — И я бы хотел, чтобы вы телеграфировали это в Вашингтон. Разъясните президенту, что, если мы сейчас уйдем в отставку, нам на смену придут сторонники неограниченной подводной войны.

Немецкий министр явно был изумлен моим описанием президента Вильсона и его готовности воевать.

— Мы считали и считаем его, — сказал фон Ягов, — абсолютно мирным человеком. И мы не верим, что американский народ будет воевать. Ваши люди слишком далеко от полей сражений, да и за что они должны бороться? Ваши материальные интересы никак не затронуты.

— За одну вещь всегда стоит бороться, — ответил я. — Я имею в виду моральные принципы. Совершенно очевидно, что вы не понимаете, что такое американский дух. Вы не можете постичь, что мы держимся в стороне не потому, что хотим воевать, а потому, что хотим быть абсолютно справедливыми и беспристрастными. Мы хотим сначала получить всю информацию. Не стану отрицать, что мы не имеем жела-

ния вмешиваться в иностранные споры, но всегда будем настаивать на своем праве использовать океан по своему усмотрению и не считаем Германию вправе вмешиваться и убивать наших граждан. Повторяю, американец действительно предпочитает держаться в стороне от чужих конфликтов, но если он однажды решит защищать свои права, то сделает это независимо от последствий. Вы, похоже, уверены, что американец не будет драться за принципы, при этом забывая, что все наши войны были делом принципа. Возьмите хотя бы величайшую из них — Гражданскую войну 1861—1865 годов. Мы, северяне, сражались за освобождение рабов, причем для нас это было делом принципа, наши материальные интересы не были затронуты. И мы боролись до конца, хотя при этом нередко брат шел на брата.

— Мы бы не хотели портить отношения с Соединенными Штатами, — сказал фон Ягов. — Мир в мире зависит от трех держав: Соединенных Штатов, Англии и Германии. Мы должны собраться вместе, установить мир и поддерживать его. Я очень вам благодарен за объяснения, теперь я понимаю ситуацию намного лучше. Но я все еще не понимаю, почему ваше правительство обходится с нами совсем не так, как с Англией.

Я дал обычные объяснения: мы рассматриваем свою проблему с каждым народом индивидуально и не можем ставить свое отношение к Германии в зависимость от нашего отношения к Англии.

— Да, конечно, — грустно улыбнулся фон Ягов. — Это напоминает мне о двух мальчиках, игравших в саду. Одного должны наказывать первым, а другому придется дожидаться своей очереди. Вильсон собирается отшлепать сначала немецкого мальчика, а уж потом, когда закончит, возьмется за английского. Кстати, — продолжил он, — я бы хотел, чтобы вы телеграфировали президенту Вильсону о нашей встрече и о том, что вы теперь лучше понимаете нашу точку зрения. Не будете ли вы так любезны и не попросите ли его ничего не предпринимать, пока не изложите ему свои соображения лично.

Я с готовностью дал такое обещание и вместе с господином Джерардом покинул фон Ягова.

На 4.30 я был приглашен на чай к доктору Александру и его супруге. Я не пробыл у них в гостях и четверти часа, когда доложили о приходе Циммермана. Это был совсем другой человек, не похожий на фон Ягова. Он был намного сильнее и духовно, и физически. Он был высок, держался с большим достоинством и властностью, задавал прямые и весьма пронизательные вопросы, при этом оставаясь человеком приятным и располагающим к себе.

Говоря об отношениях между Германией и Америкой, Циммерман начал с заявления, которым, как я полагаю, хотел доставить мне удовольствие. Он поведал, как превосходно вели себя во время войны евреи и что немцы чувствуют себя глубоко обязанными им.

— После войны, — сказал он, — отношение к ним будет намного лучше, чем было до войны.

Циммерман сообщил, что фон Ягов рассказал ему о нашей беседе, и попросил меня повторить кое-что лично для него. Он сказал, что чрезвычайно заинтересовался моими рассказами об американских немцах и хотел бы узнать из первых уст факты, на которых основывались мои выводы. Как и многие немцы, он рассматривал германскую часть нашего населения как часть Германии.

— Вы уверены, что подавляющее большинство американцев немецкого происхождения будет лояльно по отношению к Соединенным Штатам в случае войны? — спросил он. — Не являются ли их чувства к родине основополагающими?

— Очевидно, вы считаете американцев немецкого происхождения отдельной частью нашего населения, живущей изолированно от остального народа и почти не связанной с жизнью других американцев. Нельзя сделать более грубой ошибки. Вы можете купить нескольких человек там и здесь, которые при необходимости поднимут шум и станут ратовать за Германию, но я говорю о миллионах американцев, чьи предки были немцами. Эти люди считают себя американцами, и только американцами. Представители второго поколения, как правило, обижаются, если их считают немцами. Их почти невозможно заставить говорить по-немецки; они отказываются

ся говорить на другом языке, кроме английского. Они не читают немецких газет и не ходят в немецкие школы. Они даже не хотят ходить в лютеранские церкви, где служба проходит на немецком языке. В Нью-Йорке живет более миллиона американских немцев, но нам с трудом удалось сохранить единственный немецкий театр. Причина тому проста — эти люди предпочитают театры, в которых спектакли идут на английском языке. Есть еще несколько немецких клубов, но членов в них немного. Американцы немецкого происхождения предпочитают вступать в клубы, общие для всех американцев, и во всех американских клубах их принимают. В политической и социальной жизни Нью-Йорка немного американских немцев, достигших выдающегося положения, хотя довольно много американцев немецкого происхождения занимают видное положение. Если Соединенные Штаты и Германия вступят в войну, не только вы, но и весь мир удивится лояльности наших немцев. И еще одно: если Соединенные Штаты вступят в борьбу, они пойдут до конца, и борьба будет очень долгой и упорной.

По прошествии трех лет у меня нет оснований стыдиться этих пророчеств. Иногда я думаю, вспоминает ли Циммерман о том нашем разговоре.

Выслушав мои объяснения, Циммерман заговорил о Турции. Он интересовался, какова вероятность заключения турками сепаратного мира. Я ответил ему прямо, что турки не считают себя обязанными Германии. Затем продолжил:

— Я много узнал о немецких методах в Турции. Полагаю, было бы большой ошибкой применить аналогичную тактику в Соединенных Штатах. Я говорю об этом, потому что уже были отмечены случаи саботажа. Такие вещи спланивают американских немцев против вас и более, чем что-либо иное, толкают Соединенные Штаты к Англии.

— Но немецкое правительство не несет никакой ответственности, — возразил Циммерман. — Нам ничего не известно.

Понятно, что я не мог принять это заявление за чистую монету, и последние события доказали его лживость, но тог-

да мы перешли к другим темам. Снова заговорили о подводных лодках.

— Мы добровольно интернировали свой флот, — сказал Циммерман, — мы ничего не можем делать на море, кроме действий наших субмарин. Я считаю, что Соединенные Штаты совершают большую ошибку, так активно выступая против нашего подводного флота. У вас длинная береговая линия, и вам тоже когда-нибудь могут понадобиться субмарины. Представьте, что одна из европейских держав или, предположим, Япония совершит нападение на вас. Тогда вам очень пригодятся подводные лодки. Кстати, если вы будете настаивать, чтобы наше правительство объявило потопление «Лузитании» незаконным актом, вы своими руками толкнете наше правительство к партии Тирпица.

Далее Циммерман снова вернулся к положению в Турции. Его вопросы показали, что он крайне недоволен новым немецким послом графом Вольф-Меттернихом. Похоже, Меттерних не сумел договориться с турецкими правящими классами, чем вызвал раздражение министерства иностранных дел. У Меттерниха было другое отношение к армянской проблеме, отличное от взглядов Вангенхайма, и он всерьез пытался добиться от Энвера и Талаата прекращения массовых убийств. Циммерман сказал, что тем самым Меттерних совершил серьезную ошибку и нивелировал свое влияние в Константинополе. Циммерман даже не пытался скрыть свое недовольство гуманными поступками посла. Теперь мне было ясно, что Вангенхайм выражал официальные взгляды Берлина. Другими словами, я получил от высшего немецкого руководства подтверждение своей давней уверенности в том, что Германия дала свое молчаливое согласие на депортации.

Через несколько дней мы сели на пароход в Копенгагене, который 22 февраля 1916 года вошел в гавань Нью-Йорка. Я был дома.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Сверхчеловек из Германии в Константинополе	8
Глава 2. Партийная система в Османской империи и то, каким образом она оказалась полезной немцам	21
Глава 3. Личный представитель кайзера Вангенхайм не поддерживает продажу американских военных кораблей Греции	38
Глава 4. Германия мобилизует турецкую армию	54
Глава 5. Вангенхайм незаконно проводит «Гебен» и «Бреслау» через Дарданеллы	59
Глава 6. Вангенхайм рассказывает американскому послу о том, как кайзер начал войну	70
Глава 7. Немецкие планы завоевания новых территорий, угольных бассейнов и получения контрибуций	76
Глава 8. Классический пример немецкой пропаганды	80
Глава 9. Германия закрывает Дарданеллы и таким образом отрезает Россию от ее союзников	88
Глава 10. Турецкое правительство отменяет режим капитуляций — Энвер живет во дворце, обладает деньгами и невестой королевской крови	93
Глава 11. Германия заставляет Турцию вступить в войну	102
Глава 12. Турки пытаются обращаться с иностранными врагами прилично, но немцы настаивают на гонениях	108
Глава 13. Захват Нотр-Дам-де-Сион	121
Глава 14. Вангенхайм и «Бетлехем Стил» — священная война, задуманная Германией	129

ТРАГЕДИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Глава 15. Джемаль — беспокойный Марк Антоний. Первая попытка немцев получить выгодный им мир	141
Глава 16. Турки готовятся бежать из Константинополя и основать новую столицу на полуострове Малая Азия. Флот Антанты атакует Дарданеллы	151
Глава 17. Энвер демонстрирует «уязвимость» британского флота. Старомодные укрепления в устье Дарданелл	165
Глава 18. Армада союзников уходит, хотя была близка к победе	177
Глава 19. Борьба за три тысячи граждан	188
Глава 20. Еще немного о приключениях иностранных граждан	205
Глава 21. Болгария на распутье	211
Глава 22. Турок возвращается к жизни предков	220
Глава 23. «Бунт» в провинции Ван	235
Глава 24. Уничтожение нации	240
Глава 25. Талаат объясняет, почему он депортирует армян	255
Глава 26. Энвер-паша обсуждает армянский вопрос	268
Глава 27. «Я не стану делать для армян ничего», — говорит немецкий посол	284
Глава 28. Энвер вновь возвращается к миру. Прощание с султаном и Турцией	300
Глава 29. Фон Ягов, Циммерман и американские немцы	309

Моргентау Генри
ТРАГЕДИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА
ИСТОРИЯ ПОСЛА МОРГЕНТАУ

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *Т.В. Вышегородцева, М.Г. Смирнова*

Подписано в печать 08.04.2010.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Лазурского».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 14,97 + вклейка = 15,84.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3227

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14